

ОГОНЁК

№ 42 ОКТЯБРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На юге Таджикистана, в Кулябском районе, сооружается Танапчинский канал, воды которого оросят тысячи гектаров выжженных солнцем земель.

Фото М. Альперта.

На первой странице обложки: Коста ХЕТАГУРОВ.

Художник Батыр Калманов.

На последней странице обложки: Интересный спектакль.

Фотоэтиюд И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 42 (1687)

11 ОКТЯБРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ, КОНСТРУКТОРЫ, ИНЖЕНЕРЫ,
ТЕХНИКИ, РАБОЧИЕ, ПРОСЛАВИВШИЕ НАШУ РОДИНУ ПЕРВЫМ В ИСТОРИИ
КОСМИЧЕСКИМ ПОЛЕТОМ НА ЛУНУ, ОТКРЫВШИМ НОВУЮ ЭРУ В ПОКОРЕНИИ
ЧЕЛОВЕКОМ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА!

Из Призывов ЦК КПСС к 42-й годов-
щине Великой Октябрьской социа-
листической революции.

С. МАРШАК

Мы узнаём, читая расписание,
Куда какие поезда идут.
Так на Земле рассчитан был заранее
Междупланетной станции маршрут.

История запомнит дни осенние,
Когда, как отдаленную струну,
Мы слышали впервые донесения
Снаряда, огибавшего Луну.

Рисунок Н. КОЛЬЧИЦКОГО.

Третья космическая

Интервью «Огонька»

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

Академик Б. А. ВВЕДЕНСКИЙ

Два года минуло с тех пор, как маленькая советская искусственная луна начала свой путь вокруг нашей планеты. Тогда жители Земли впервые услышали ее «голос», поведавший всему миру о блестящих достижениях науки и техники. С этого дня, с 4 октября 1957 года, освоение космоса пошло поистине с «космической» скоростью. Через два года, день в день, отмечая двухлетний юбилей первого советского спутника Земли, пошла к Луне третья советская космическая ракета, несущая на борту автоматическую межпланетную станцию. Советский человек приказал ей обогнуть Луну и вернуться назад, в район Земли. Это был не просто запуск ракеты, а новая плановая ступень в освоении межпланетного пространства.

Какие же основные задачи, каковы этапы большого пути освоения космоса? ...4 октября 1957 года вышел на орбиту первый советский искусственный спутник Земли. Была достигнута первая космическая скорость при неожиданной для того времени массе. Я подчеркиваю — для того времени, так как масса второго советского искусственного спутника была много больше, на борту он нес целую научно-измерительную лабораторию и первое живое существо, посланное с Земли в космос, — Лайку. Третий советский искусственный спутник Земли оснащен еще более тонкими и сложными приборами, и «век» его удлинится. Он живет до сих пор и продолжает передавать на Землю ценнейшую информацию.

Новой задачей было достижение второй космической скорости, выход с эллиптической орбиты на параболическую и гиперболическую. Первая советская космическая ракета стала новым небесным телом — искусственным спутником Солнца. А совсем недавно мир был потрясен точностью попадания второй советской космической ракеты в заранее предсказанный район лунной поверхности. Мы привыкли встречать такую ювелирную тонкость, такую точность управления только у чисто лабораторных приборов, а ведь тут речь идет о телах, превысивших вторую космическую скорость, телах громадной массы, ибо одна только последняя ступень второй советской космической ракеты обладала массой в 1511 килограммов (без топлива). На Луну были доставлены первые земные посланцы — советские выпелы. Началась, если можно так сказать, эра «обживания» Луны.

Пуск третьей советской космической ракеты знаменует собой третий этап, третью задачу планового изучения кос-

моса. Приборы, выведшие межпланетную автоматическую станцию на заданную орбиту, еще более точны. Путь, которым она идет, — вечером 6 октября ракета заглянула на неведомую нам сторону Луны — более сложен, потому что малейшее отклонение скорости от расчетной величины могло привести к существенному изменению заданного маршрута. Это еще более сложная задача, чем так удивившая всех точность попадания «Лунника-2». И всякий человек, не только ученый, но даже и профан, понимает, что достижение этих результатов возможно только при огромных успехах науки и техники, при связи лучших достижений физики и химии, радиоэлектроники и автоматики, металлургии, астрономии, конечно, математики и многих других дисциплин.

Какие же сведения поможет нам собрать третья советская космическая ракета?

Луна издревле привлекала внимание астрономов и будила простое человеческое любопытство. Много легенд, сказок и научных гипотез было сложено о Луне. А некоторые фантасты даже населяли Луну человекоподобными существами, живущими на той, тайной, невидимой нам половине Луны. Существовала даже гипотеза, что Луна имеет форму груши и узким концом повернута к Земле, на этой части ее нет атмосферы, а на другой, более массивной, возможно, есть и атмосфера и жизнь. Я сейчас вспомнил об этой гипотезе, как о курьезе, но так или иначе, а Луна упорно на протяжении тысячелетий ревниво оберегала тайну, скрывала от земного наблюдателя более сорока процентов своей поверхности. Раскрыть тайну можно было, только «заглянув» на противоположную сторону Луны. Пионером этого стала третья советская космическая ракета.

Но у Луны еще много тайн. Ученых давно занимают то появляющиеся, то исчезающие пятна на лунной поверхности и загадочные образования, так называемые «лунные лучи», расходящиеся от кратеров, и изменение самой структуры некоторых кратеров. Постепенно и эти тайны Луны будут раскрыты, и в значительной степени поможет это сделать «Лунник-3».

Но у мечты нет границ. То, что вчера казалось самой смелой фантастикой, сегодня сбылось, а завтра станет уже пройденным этапом. А нам видится уже полное «обживание» Луны и достижение, например, Марса...

А потом? А потом — к новым неизведанным мирам, вперед по большому пути изучения космоса...

УЧЕНЫЕ ОТВЕЧАЮТ ЧИТАТЕЛЯМ

Облако «рассказывает»...

Что стало известно ученым о той среде, где 12 сентября советская лунная ракета образовала натриевое облако?

Л. Арчегова. Ленинград.

Вечер 12 сентября 1959 года мне, как и всем очевидцам этого события, запомнится на всю жизнь. С группой сотрудников я находился в Бюранканской астрофизической обсерватории, в 35 километрах от Еревана. На плоской крыше главного здания мы установили электронный телескоп. Было известно, что искусственная комета появится в виде звездочки, которая затем будет расплываться и тут же на глазах превратится в кольцо, которое, расширяясь, исчезнет через несколько минут. Все это было предсказано известным советским астрофизиком И. С. Шкловским, предложившим проект искусственной кометы. В 21 час 49 минут, когда ракета находилась на расстоянии 150 тысяч километров от Земли, на экране электронного телескопа рядом со звездой Эпсилон Водолея начала разгораться светлая точка... Дальше все пошло, как было предсказано. В межпланетном пространстве был произведен поистине фантастический эксперимент.

Что же представляет собой межпланетное пространство — арена этого эксперимента?

До начала эры искусственных спутников и космических ракет все сведения о свойствах космических объектов астрофизики получали, исследуя и расшифровывая их излучения. Но есть задачи, которые нельзя решить чисто наблюдательными методами. Пример — вопрос о природе межпланетной среды. Такое небесное явление, как зодиакальный свет, можно было объяснить только наличием в межпланетном пространстве вещества. Но в каком состоянии находится это вещество, в газообразном или в виде более или менее крупных твердых частиц, так называемой межпланетной пыли? Это оставалось нерешенным. Окончательный ответ был получен приборами, установленными на первой советской космической ракете. Они показали, что межпланетный газ существует и плотность его составляет около тысячи атомов в одном кубическом сантиметре. В то же время на поверхности Земли в воздухе количество молекул в том же объеме выражается числом с девятнадцатью нулями. Вследствие малой плотности ионизованные атомы пробегают, не сталкиваясь между собой, расстояние около одной астрономической единицы, равной расстоянию от Земли до Солнца. Однако, кроме газа, в межпланетном пространстве присутствует и пыль; это достоверно показывается чисто наблюдательными методами. Масса пыли, приходящаяся на кубический сантиметр, такая же примерно, как и масса газа. Размеры межпланетных «пылинок» самые разные — от скопления в несколько атомов до крупных метеоритов.

В этой чрезвычайно разреженной среде и была образована искусственная комета. Атомы натрия разлетались во все стороны от ракеты со скоростью около полукруга километров в секунду. Приблизительно через минуту благодаря полному отсутствию столкновений они покинули центральную часть облака и образовали расширяющуюся полую сферу. Так как число светящихся атомов на луче зрения по краям полую сферы больше, чем в центре, в проекции на звездное небо комета выглядела как кольцо.

Почему атомы натрия, выброшенные в межпланетное пространство, светятся? Они светятся потому, что интенсивно рассеивают в желтой спектральной линии натрия солнечный свет, который на них падает. Несколько килограммов натрия, испаренного в межпланетное пространство, светят в сто тысяч раз сильнее, чем сама космическая ракета. Основное назначение искусственной кометы и состоит в том, чтобы сделать легко наблюдаемой одну из точек траектории ракеты и точно определить ее координаты.

Обработка наблюдений искусственной кометы почти закончена. Более трудоемкое дело — расшифровать записи приборов, установленных на второй советской космической ракете. Но первые итоги этой расшифровки уже известны. На второй космической ракете, так же как и на первой, измерялась плотность ионизованного межпланетного газа. Найдено, что его плотность неодинакова в разных областях межпланетного пространства.

Большой интерес представляет повышение плотности ионизованного газа около Луны. Вопрос о существовании на Луне очень разреженной атмосферы, пусть непригодной для жизни, но все же атмосферы, обсуждался астрофизиками уже давно. И вот перед нами результаты прямых измерений плотности ионизованного газа, полученные с помощью второй советской космической ракеты, впервые достигшей Луны. Они показывают, что вокруг Луны, видимой, межпланетный газ уплотняется, образуя ионосферу, то есть ионизованную атмосферу.

Когда эти строки уже набирались в типографии, по новому, неизведанному пути пошла в межпланетное пространство третья советская космическая ракета, несущая специальную межпланетную станцию. Ее запуск — огромное достижение нашей науки и техники. Астрономия переживает переворот, и важно отметить, что советские ученые идут в авангарде нового направления в астрофизике — экспериментального.

В. МОРОЗ, кандидат физико-математических наук.

← Сотрудники Астрономического института имени П. К. Штернберга П. В. Шеглов, В. И. Мороз, В. Г. Курт, доктор физико-математических наук И. С. Шкловский и В. Ф. Есипов рассматривают снимки натриевого облака.

Фото Ф. Трубинского.

- в полете !

—Я поражен,—

говорит

Бертран Рассел

В те часы, когда наша ракета начинала облет Луны, мы связались по телефону с известным английским философом Берtrandом Расселом, чтобы узнать его мнение о выдающемся событии.

«Огонек».—Как вы оцениваете запуск третьего советского «лунника»?

Б. Рассел.—Я поражен этим совершенно замечательным достижением. Громадный вклад в сокровищницу человеческих знаний! Я, правда, не думаю, что запуск этой ракеты как-то серьезно повлияет на международные отношения, как полагают некоторые, но вклад в науку огромен! Да, да, огромен!

«Огонек».—Что бы вы хотели передать в связи с этим советским ученым и всем, кто трудился над созданием ракеты и летающей лаборатории?

Б. Рассел.—Я хотел бы поздравить их самым искренним образом. Я надеюсь, что наука во всем мире, как и в данном случае, будет целиком посвящена идеям мира, а не идеям войны и истребления. Я надеюсь на это.

Три ракеты

Мих. МАТУСОВСКИЙ

В песнях и сказаниях воспета,
Дерзко устремленная вперед,
Первая советская ракета
К Солнцу свой направила полет.

Были мы горды победой этой
И, упорно веря в цель одну,
Со второй советской ракетой
Вымпел свой послали на Луну.

Эта весть летит быстрее света,
Отзвуки ее везде слышны:
Третьею космической ракетой
Мы смогли пройти вокруг Луны.

Значит, он уже не за горою,
День, когда, храня спокойный вид,
Человек в кабине люк откроет
И с Луны на Землю поглядит!

ВЕК СПУТНИКА

Почему третий советский искусственный спутник Земли «живет» так долго? Сколько еще времени он будет вращаться вокруг Земли?

Ш. Квилитая.
РТС Абаша,
Грузинская ССР.

Третий советский искусственный спутник Земли был запущен в соответствии с программой Международного геофизического года 15 мая 1958 года. В момент отделения его от ракеты-носителя наибольшая высота орбиты находилась в 1880 километрах над поверхностью Земли. Тогда время обращения спутника вокруг нашей планеты составляло 106 минут, и, следовательно, за сутки он успевал облететь Землю около 14 раз.

Орбита спутника проходит

в верхних слоях атмосферы, там, где он еще встречает сопротивление воздуха, хотя и сильно разреженного. Причем чем больше он снижается, тем более плотные слои воздуха находятся на его пути и сильнее происходит торможение.

Кроме плотности атмосферы, на время обращения спутника влияют и так называемая поперечная нагрузка: отношение массы тела к наибольшей площади сечения его плоскостью, перпендикулярной направлению движения.

Третий советский спутник имеет весьма удачную поперечную нагрузку. Его 1327 килограммов веса — в том числе почти тонну составляют приборы и источники питания — так размещены в конусообразном «теле» высотой более трех с половиной метров, что скорость, с ко-

торой движется спутник, убывает очень медленно.

Вот почему спутник оказался таким долговечным. По расчетам ученых, он будет двигаться по орбите еще несколько месяцев и прекратит свое существование, сгорев в плотных слоях атмосферы. Точно назвать дату, когда это случится, пока невозможно вследствие тех изменений плотности и температуры атмосферы на больших высотах, которые были обнаружены с помощью ракет и спутников и зависят от деятельности Солнца. Но за свою «жизнь» он соберет и передаст человеку немало новых сведений о том, что творится на пороге космоса.

Б. СИЛКИН,

научный сотрудник Советского комитета по проведению Международного геофизического года.

ОТКРЫВАЕТСЯ КАРТА НЕВЕДОМОГО

Какие новые тайны магнитных полей Земли и Луны раскроют ученым советские космические ракеты?

В. Ершова. Москва.

Запуск первого советского искусственного спутника Земли два года тому назад открыл новую эру в исследовании космического пространства. Образно говоря, стало возможным не только видеть, но и «ощупать» космические тела.

Недавно при помощи искусственных спутников Земли и космических ракет ученые обнаружили так называемые «пояса повышенной космической радиации» вокруг Земли. Таких поясов два: внешний и внутренний. Внешний пояс некоторые ученые объясняют захватом магнитным полем Земли заряженных частиц, образующихся в результате бомбардировки земной атмосферы быстрыми космическими частицами. Внутренний же пояс явился сюрпризом для ученых. Существование его пока еще трудно объяснить. Может быть, заряженные частицы, заполняющие внутренний пояс, являются продуктом взрывов атомных бомб и удерживаются магнитным полем Земли, может быть, существует другая причина, но одно ясно: природа поясов различна: один из них имеет «космическое», другой — «земное» происхождение.

Вопрос о природе поясов тесно связан с проблемой магнитного поля Земли. Вполне возможно, что и другие планеты, обладая достаточно сильным магнитным полем, окружены подобными поясами.

Приборы, установленные на второй советской космической ракете, показали, что магнитное поле Луны весьма мало. Это подтверждается и отсутствием лунных радиаций. Дальнейшее уточнение этих результатов представляет огромный интерес. Ведь величина магнитного поля Луны должна существенно образом зависеть от состояния ее недр. Последний вопрос связан с проблемой эволюции Луны, а следовательно, и всей солнечной системы.

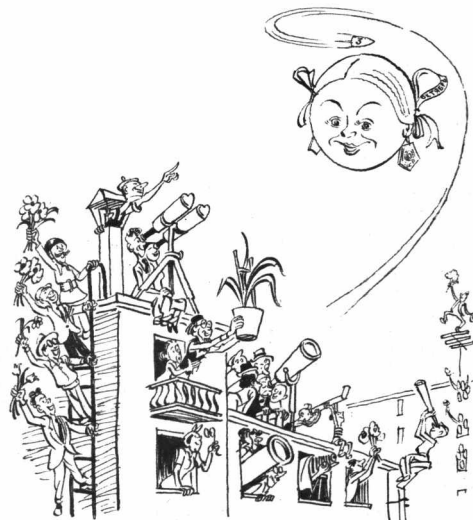
Третья советская космическая ракета прошла над недоступной земному наблюдению частью лунной поверхности, заглянула в неведомое. Существуют различные гипотезы о происхождении Луны. Согласно одной из них, Луна образовалась одновременно с Землей; согласно другой, она отделилась от Земли. А ведь если верна вторая гипотеза, то строение видимой и невидимой сторон Луны должно быть различным. Поэтому любые сведения о невидимой стороне Луны представляют собой ценнейший вклад в науку развития небесных тел — космогонии. Карта неведомого должна быть раскрыта.

Г. НИКОЛЬСКИЙ.

старший научный сотрудник Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР, кандидат физико-математических наук.

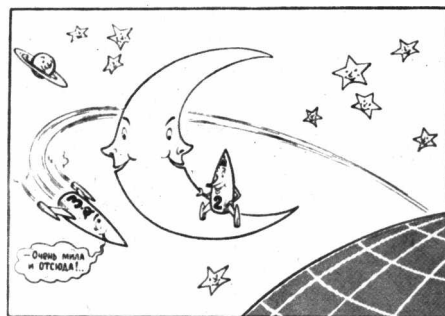

Архимед: — Вот бы мне такую точку опоры!

Ее поклонники.

Рисунки Ю. Черепанова.

Очень мила и отсюда!

Вторая половина готовится к встрече.

Рисунки Г. Оганова.

Тепло проводил Пекин советских гостей

Торжественно и радостно отпраздновал китайский народ, а вместе с ним все братские народы социалистических стран десятилетие Китайской Народной Республики. На торжествах в Пекине присутствовала советская партийно-правительственная делегация во главе с Н. С. Хрущевым. Во время пребывания в Пекине советской делегации состоялись сердечные, дружественные встречи и беседы с товарищами Мао Цзэ-дун, Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лаем и другими руководящими деятелями Коммунистической партии Китая. Празднование славной годовщины вылилось в убедительную демонстрацию успехов китайского народа в строительстве социализма, его сплоченности вокруг Коммунистической партии Китая.

В минувшее воскресенье Пекин тепло проводил советских гостей.

Товарищи Н. С. Хрущев, Мао Цзэ-дун, Лю Шао-ци и Сун Цин-лин направляются на торжественный прием в честь десятой годовщины образования Китайской Народной Республики.

Фото агентства Синьхуа.

Солнце и радость залили площадь Тяньаньмынь во время демонстрации в честь 10-летия Китайской Народной Республики.

Фото А. Стужина.
Фотохроника ТАСС.

В гостях у Вильгельма Пайцони

Вл. КУЗНЕЦОВ

5 октября на празднование 10-летия Германской Демократической Республики в Берлин прибыла партийно-правительственная делегация Советского Союза во главе с членом Президиума ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козловым. На снимке: встреча на аэродроме. Слева направо — Председатель Совета Министров ГДР Отто Гротеволь, Ф. Р. Козлов и первый секретарь СЕПГ Вальтер Ульбрихт.

Фото В. Соболева.

Снимок принят по фототелеграфу ТАСС.

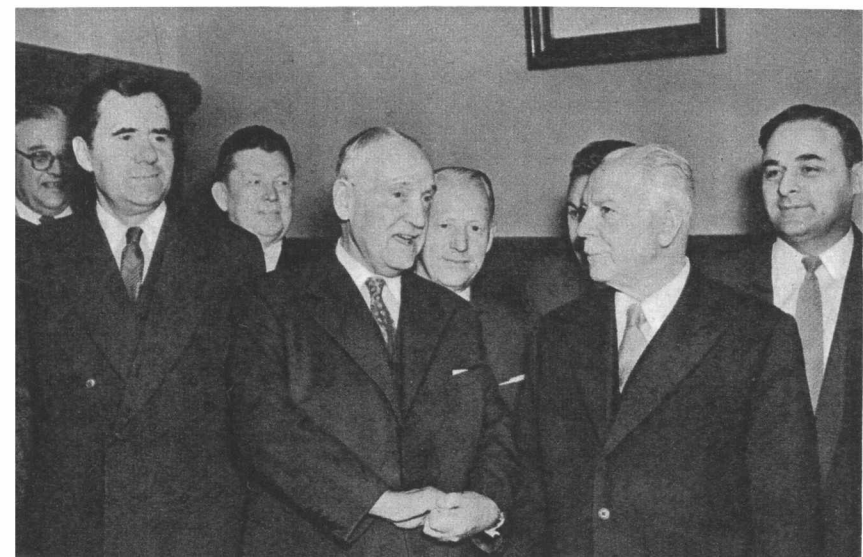

В одном из павильонов Выставки достижений народного хозяйства СССР 6 октября открылась юбилейная выставка «Десять лет Германской Демократической Республики». На снимке: посетители осматривают выставку.

Фото Г. Санько.

В Советский Союз по приглашению Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова прибыл Федеральный Президент Австрийской Республики д-р Адольф Шерф. 5 октября, в день прибытия в Москву, д-р Адольф Шерф нанес визит К. Е. Ворошилову.

Фото А. Гостева.

Каждый день Вильгельм Пайцони «дозором» обходит владения свои». Вернее, объезжает: угождая кооператива Шафштадт не обойдешь пешком и за сутки. До горизонта тянутся во все стороны отливающие золотом поля пшеницы, густо-зеленые ряды сахарной свеклы, массивы кукурузы, похожие на молодой лес. Стерты в Шафштадте межи, веками разделявшие поля крестьян. И только кое-где узкой лентой мелькнет надел единоличника; такие наделы зовут сейчас «полотенцами».

...Это было 16 августа 1952 года. В тот день Вильгельм Пайцони вернулся из Берлина с партийной конференцией. Собрали сельский сход. Пайцони говорил о новой жизни, о том, что выгоднее трудиться сообща. А под конец предложил организовать кооператив. Кулаки взвыли от злобы. Середняки все спрятались за кулацкие спины. Батраки, и те мялись, побаиваясь кулаков. На сходе присутствовало человек около трехсот. А в кооператив записалось двенадцать...

— Да, трудно мы начинали, — говорит задумчиво Пайцони. — А теперь нас, членов кооператива, пятьсот шестьдесят душ. Тогда поля были — лоскутные одеяла. А теперь!

Вильгельм Пайцони широким жестом показал на огромный кукурузный массив, к которому подъезжала наша машина.

Два шага — и председатель уже скрылся в густой высокой зелени. Шафштадт сливается в республике пионером выращивания кукурузы. У «королевы полей» здесь поистине царские владения — 150 гектаров.

— Когда я бываю здесь, — говорит Пайцони, — я всегда вспоминаю о нашем большом друге — Никите Сергеевиче Хрущеве. Это он надумил нас заняться кукурузой. Тогда же Никита Сергеевич подсказал нам и другую мысль: вступить в соревнование с советским колхозом...

Соревнование! Для любого кооператора в Шафштадте уже стали привычными слова «Пролетарская воля», «Луценко». Они произносятся в Шафштадте без анцута. Большие обязательства взяли на себя участники соревнования из двух братских стран — немецкий кооператив имени Фридриха Энгельса и советский колхоз «Пролетарская воля» в Ставрополье. Ставропольцы недавно прислали письмо немецким друзьям, в котором сообщили, что собираются выполнить эти свои обязательства на год раньше — уже к 1964 году! В Шафштадте сразу забили «боевую тревогу», созвали собрание. Решение было единодушным: дружеский вызов принят!

— Добрые семена заронил здесь Никита Сергеевич, и жатва будет обильная! — говорит Вильгельм Пайцони.

Соревнование разрастается, как молодой сад, становится доподлинно интернациональным. Оно уже подхвачено венгерским госхозом из села Мезехедеш, к нему присоединяются кооперативы в Болгарии, Чехословакии, Албании.

На свиноводческой ферме Пайцони разворошил тонкий слой соломки и достал ком сочного силоса. Он закладывается в ямах-траншеях. Расходы на их сооружение составили всего 500 марок, а бетонные обошлись бы не меньше чем в 20 тысяч.

Долго колесит юркий председательский автомобиль от фермы к ферме, от поля к полю. Миновав бассейны, где весело плещется детвора, въезжаем в поселок. Нельзя не залюбоваться аккуратными каменными домиками под красной черепицей.

Хозяйка одного из домиков, свиноводка Марта Вендлинг приехала сюда из города вместе с мужем по призыву Социалистической единой партии Германии. Государство и кооператив помогли новоселам, да-

ли кредит на постройку дома — 36 тысяч марок.

— Мы очень-очень многим обязаны кооперативу, — говорит Марта.

— В таком кооперативе, как наш, нельзя плохо работать, — подтверждает овцевод Вилли Крупке, подвижной, общительный человек с веселыми, смеющимися глазами.

Мы встретились с ним в горячее время — в пору оюта. Питомцы Вилли — более 250 овец и ягнят — требуют неусыпного надзора.

— Я домой и не заглядываю в эти дни. Здесь и сплю. Один бы я, конечно, не справился. Но у меня ведь тут «семейная бригада».

Смугловатое худое лицо Вилли озаряется доброй улыбкой. Он кивает головой на жену и на детей — десятилетнего Питера и шестилетнюю Дитлинду. Дети деловито хлопчотуют возле новорожденного ягненка.

Прежде думали в Шафштадте только о себе: мне хорошо, и ладно. Теперь думают о соседях, о всей деревне, о республике. Немало выросло в Шафштадте талантливых кооперативных вожаков. Пять председателей и несколько других специалистов послал Шафштадт в другие кооперативы.

Шафштадт не только кузница кадров. Это и своеобразный сельскохозяйственный университет. Чуть ли не каждый день приезжают сюда крестьяне со всей республики. Часто наведываются гости из других стран.

...Ночь окутала Шафштадт темным покрывалом. Только на полях мелькают, будто светлячки, огоньки комбайнов, работающих в ночную смену. Да светится еще окно в доме председателя. Усталый, измотанный за день, он все еще сидит, склонившись над столом: надо написать письмо советскому другу С. Луценко; нельзя оставить без ответа и десятки писем, авторы которых просят поделиться опытом, дать совет. Шафштадт зовут университетом кооперативного хозяйства, надо с честью нести это почетное звание.

Вильгельм Пайцони.

Встреча Никиты Сергеевича Хрущева на улицах Владивостока.

ВОЛНУЮЩАЯ ВСТРЕЧА

На общегородском митинге во Владивостоке.

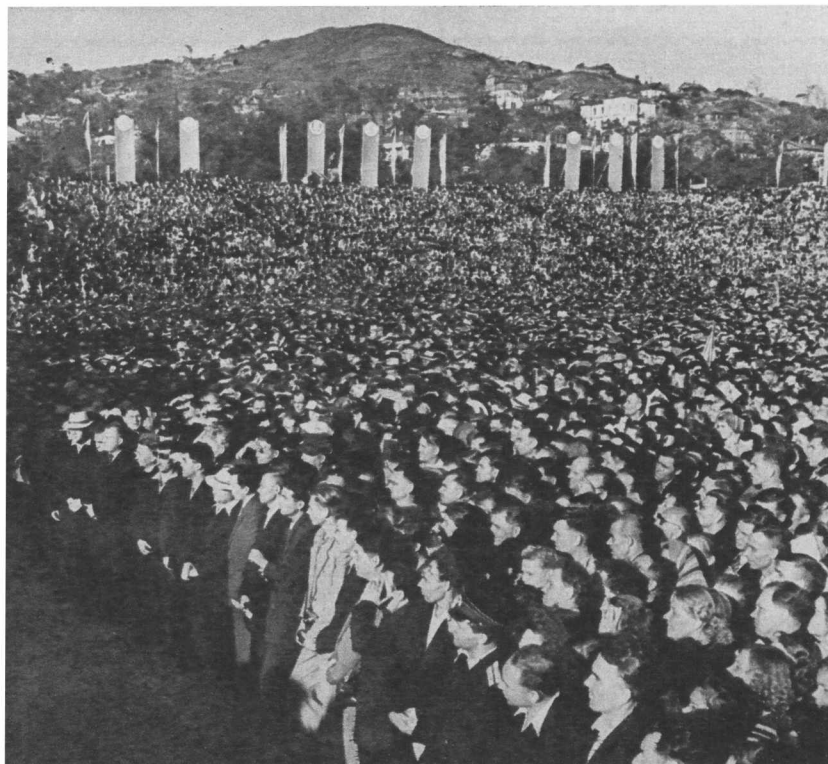
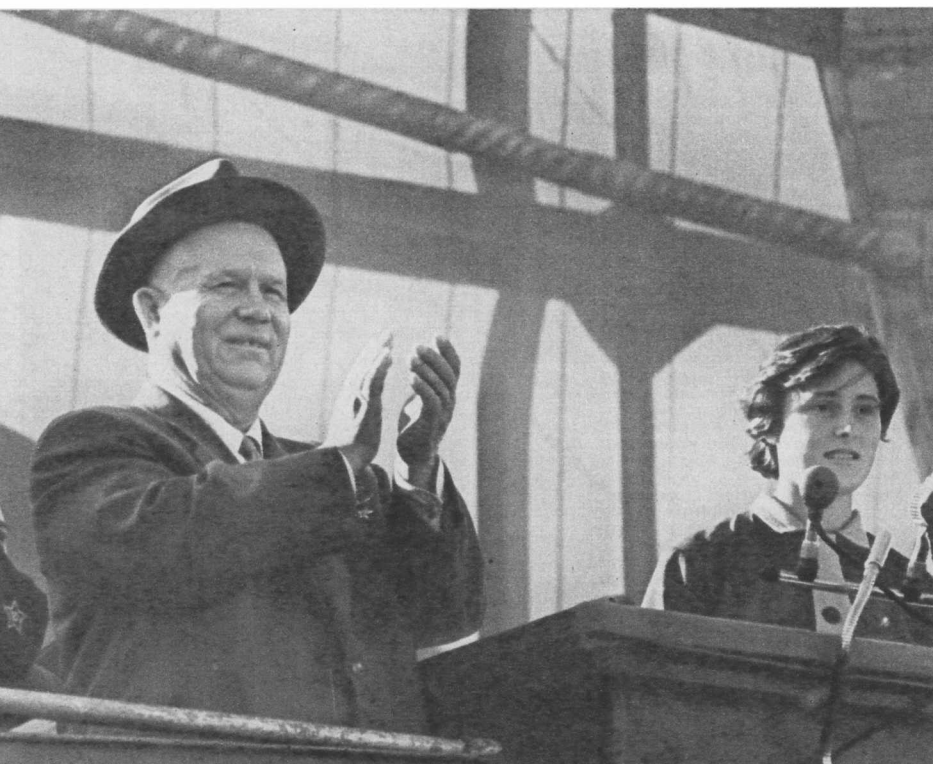
Фото специального корреспондента «Огонька»
Я. Рюмкина.

Радостно встречали трудящиеся Приморья Первого секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Совета Министров СССР Никиту Сергеевича Хрущева.

На всем пути от аэропорта до Владивостока дорогого гостя сердечно приветствовали шахтеры Артема, колхозники окрестных сел.

Товарищ Хрущев посетил старейшее предприятие Владивостока — ордена Ленина Дальзавод, корабли Тихоокеанского флота и дружески беседовал с рабочими и моряками.

На владивостокском стадионе «Авангард» состоялся многотысячный общегородской митинг трудящихся, вылившийся в могучую демонстрацию нерушимого единства и сплоченности советских людей вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. С напряженным вниманием участники митинга выслушали речь товарища Н. С. Хрущева, которая неоднократно прерывалась бурными аплодисментами.

ВЫПОЛНИЛИ ПЛАН СДАЧИ И ПРОДАЖИ ЗЕРНА ГОСУДАРСТВУ колхозники и рабочие совхозов Павлодарской области. Государству продано 80 миллионов пудов целинного хлеба. Продажа хлеба государству сверх плана продолжается.

На снимке: на центральном току совхоза имени Богдана Хмельницкого в Цюрупинском районе идет последнее зерно, собранное с полей.

Фото А. Степанова.

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ В МОСКВЕ МИНИСТР ЗЕМЛЕДЕЛИЯ США Э. Т. БЕНСОН с семьей и сопровождающие его лица посетили Выставку достижений народного хозяйства СССР.

На снимке: Э. Т. Бенсон осматривает свеклоуборочный комбайн.

Фото Б. Трепетова (ТАСС).

ЧАСТО НАД ПАСТИБИЩАМИ ПРИМОРСКОГО РАЙОНА, Архангельской области, появляется самолет «АН-2». Он опрыскивает травы раствором поваренной соли, что заметно повышает их питательность.

Если раньше коровы пугались шума авиационного мотора, то теперь собираются всем стадом вокруг своего «кормильца».

Фото Н. Антрушина.

ЗАКОНЧЕНО СТРОИТЕЛЬСТВО ГОСТИНИЦЫ «МИР» в КРАСНОДАРЕ на перекрестке двух центральных магистралей. (Смотрите правый нижний снимок.)

Фото И. Зайцева.

СТРОИТЕЛИ КРЕМЕНЧУГСКОЙ ГЭС ПЕРЕКРЫЛИ ДНЕПР. После того, как была взорвана верховая перемычка, вода стала быстро наполнять котлован и пошла в водосливную плотину. По наплавному мосту устремились десятки самосвалов, груженых монолитными плитами. Каменные глыбы с грохотом обрушивались в воду. Через два часа вдоль всего прорана образовалась каменная гряда.

Фото А. Горячева.

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

«...Придет время, когда песни Кольцова пройдут в народ и будут петься на всем пространстве беспредельной Руси...» Это предвидение великого русского критика Белинского оправдалось в наше время. Песни Кольцова читают на всех языках многонационального Советского Союза и далеко за его пределами. 150-летие со дня рождения Алексея Васильевича Кольцова сегодня отмечается как праздник русской поэзии.

Более ста лет назад впервые зазвучали стихи Кольцова. Он родился в семье торговца скотом. Всего два года учился в воронежской школе, а потом отец взял его оттуда и сделал своим помощником по торговому делу.

«Скучно и нерадостно... в суетных занятиях», как впоследствии рассказывал сам поэт, прошла юность Кольцова. Его окружало закосневшее в пошлости воронежское мещанство. Отец, грубый и жестокий человек, запрещал сыну читать книги. Современники Кольцова рассказывают, что однажды отец увидел молодого поэта на сеничке с книгой в руках; отец «так был взбешен, что сбросил с сенички сына с большой высоты на землю». В шестнадцать лет Кольцов написал свое первое стихотворение.

Тонкая тетрадка со стихами Кольцова дошла до Белинского, который увидел в них поэзию крестьянского труда, непреклонное жизненное утверждение и большой поэтический талант. Критик стал самым большим другом и строгим учителем поэта.

Алексей Кольцов.

Белинский отмечал, что в стихотворениях Кольцова «выражается поэзия жизни наших простолудников. Вот эту народность мы высоко ценим: у Кольцова она благородна, не оскорбляет чувства ни цинизмом, ни грубостью, и в то же время она у него неподдельна, не натягута и истинна... По крайней мере до сих пор мы не имели никакого понятия об этом роде народной поэзии, и только Кольцов познакомил нас с ним».

По советам Белинского, Кольцов часто переделывал свои произведения, лучшие из них были напечатаны и вышли в свет отдельной книжкой. Книжка имела успех. Кольцов познакомился с Пушкиным, Крыловым, Жуковским и многими другими замечательными русскими писателями. Они высоко отзывались о таланте поэта, присылали ему свои книги, писали дружеские письма.

Алексей Васильевич Кольцов много ездил по деревням и селам России, встречался с людьми, вел торговые дела, прислушивался к народной речи, записывал пословицы и поговорки, запоминал народные песни, и это было для него настоящей жизненной школой. Здесь он учился, как надо писать, и писал превосходные стихи о красоте русской природы, о людях-богатырях, пахущих землю, сеющих хлеб.

Когда читаешь стихи Кольцова, перед тобой возникают картины далекой жизни, где рядом с весельем было и горе: тяжелая жизнь русской крестьянки, крестьянина-батрака, мечтающего о счастливой доле.

Многие стихотворения Алексея Кольцова стали народными песнями. И мы благодарны поэту за его песни, полные любви к родине, к людям труда. Его песни и стихи вечны молоды, потому что они живут в благодарном сердце нашего народа.

Сергей СМЕРНОВ

ЯЗЫКОМ ПЛАКАТА

Александр ЖАРОВ

Агитационный плакат прочно вошел в культурный быт советского народа. Плакаты профессиональных и самодеятельных художников с призывными или сатирическими подписями можно увидеть не только на городских и сельских площадях и улицах, но и на стендах рабочих клубов и Дворцов культуры, в заводских и фабричных дворах, в красных уголках и даже в полевых колхозных станах.

Наряду с плакатами, изготовленными печатным способом, существуют и плакаты, сделанные от руки в одном или в нескольких экземплярах.

В Москве многотиражные плакаты выпускаются Изогизом, «Советским художником» и другими издательствами. А плакаты от руки, продолжая традицию знаменитых «Окон РОСТА», пишут коллективы столичных художников и поэтов и выпускает мастерская «Агитплакат».

Началось с того, что выпускались они в одном экземпляре для большой витрины. Теперь мастерская работает уже и на широкий круг подписчиков, московских и иногородних.

Большим тиражом издаются альбомы избранных работ «Агитплаката».

Искусство советского плаката возникло сразу после победы Великой Октябрьской революции.

Художники М. Черемных, Д. Моор, В. Дени и Владимир Маяковский, выступавший также и в качестве художника, поэт Демьян Бедный своим плакатным творчеством выражали прямую связь с жизнью молодой страны, с каждым шагом народной борьбы и созидательной работы. Еще до Октября прогремел лозунг-плакат Маяковского:

Ешь ананасы, рябчиков жуй!
День твой последний приходит, буржуй!

Главной темой послеоктябрьских плакатов была тема вооруженной защиты завоеваний трудового народа:

Звени, набата голос медный!
Вставай, рабочий люд!
Пой, торжествуя, гимн победный,
Освобожденный труд!

Иллюстрированную листовку с этой подписью Демьяна Бедного видел я еще в конце 1917 года. Но торжественные призывы к победе освобожденного труда сменились вскоре суровыми словами клича и спасению революции рабочих и крестьян:

Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о злоте.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы — в огненном кольце!

Этими строчками из стихотворения «В огненном кольце» подписал Демьян Бедный один из плакатов особенно тревожного 1919 года.

Свободы заслуживает только тот,
Кто ее с винтовкой отстаивать идет!

Так, в лад с Демьяном Бедным, языком плаката разговаривал в ту пору Маяковский, подписавший за свою жизнь около двух тысяч разного рода плакатных листов.

Это и было началом боевой традиции агитационного плаката, в котором искусство художника сочетается с искусством поэта. Особенность изобразительной, а также и словесной стороны плаката — это ясность и доходчивость формы. Наибольшее воздействие на зрителя и читателя оказывали и оказывают плакаты, отличающиеся лаконичностью в изображении и подписи, реалистической конкретностью образов.

Эти качества неотрывны, конечно, от идейной ясности, от политического и гражданского темперамента и художественного мастерства как художника, так и литератора.

И в пору гражданской войны, и во времена первых пятилеток, и особенно в период Великой Отечественной войны голос политического плаката гремел во всех уголках нашей страны.

Московский «Агитплакат», созданный в послевоенное время, существует уже несколько лет. Однако лишь годы, предшествовавшие наступлению великого семилетия, определили тот характер деятельности «Агитплаката» и тот путь развития политического плаката, на котором обозначились значительные успехи его творцов.

Я говорю это на основании многих свидетельств нашей общественности, нашей печати и в первую очередь газеты «Правда», опубликовавшей на своих страницах большое число произведений «Агитплаката».

Важные вопросы современной жизни — вот главные темы плакатистов-художников, чьи работы были выставлены нынешним летом в Москве: и в ЦПКИО, и в парке «Сокольники», и во Дворце культуры завода имени Лихачева, и в Колонном зале Дома союзов.

Здесь и серия плакатов на темы борьбы за мир, и цикл, посвященный комсомолу, молодежи, и плакаты, бичующие пережитки в сознании людей.

Особое место занимают плакаты, пропагандирующие основные решения семилетнего плана, а также плакаты — портреты героев, доблестно проявивших себя в трудовых подвигах семилетия: В. Гагановой, Е. Долиной, Н. Мамаев, Р. Алларова, П. Ковровой, Ф. Генералова и других передовиков труда.

Широкий общественный интерес привлекали к себе работы Н. Денисовского, В. Брискина, В. Фомичева, А. Конорекина, К. Иванова, В. Ко-

новалова, В. Говоркова, Л. Корчемкина, Г. Валька, И. Кеша, Н. Когоута, Е. Резникова, Б. Резанова, Д. Пяткина, Р. Вардзигулянца, М. Хейфица и других художников, среди которых много молодежи.

Художники-плакатисты своим оружием борются с косностью и консерватизмом на производстве, за внедрение автоматизации, за передовые методы труда. Приятно отметить первые успехи молодых товарищей. Вот выразительный и яркий плакат О. Маслякова с подписью А. Филатова:

Мы с устаревшей техникой не сможем
Досрочно взять намеченный подъем!
Повсюду автоматизацию введем:
Труда производительность умножим!

Вот остро сатирический плакат тоже молодых, В. Нарышкина и М. Эльцуфена, обличающий лентяев, которые расходуют рабочее время на затяжные «перекуры». Этот плакат подписан С. Шевцовым:

Нам курильщик-лоботряс
Дорого обходится.
Посмотрите: а у вас
Тип такой не водится?

Следует отметить, что тезисы доклада Н. С. Хрущева в дни всенародного их обсуждения перед XXI съездом КПСС творчески обсуждались и в «Агитплакате» и пункт за пунктом воплощались в красочные полотна.

Высказыванию Н. С. Хрущева о руководителях предприятий, выпускающих продукцию «по весу», посвящен недавний плакат В. Говоркова с подписью С. Шевцова:

Не чтят они народный интерес.
Их план не делает им чести:
На первом месте в нем цена и вес,
А потребитель на последнем месте!

Незадачливым руководителям некоторых колхозов посвящен плакат художника И. Колмогорцевой с подписью поэта С. Васильева:

Не оторвать от птицы глаз!
Картина — курица! Не так ли?
Ее растили напоказ,
Когда другие куры чахли.

Чудесные свершения советского народа, достигнутые под руководством мудрой партии Ленина, — ракета, запущенная на Луну, атомный ледокол «Ленин» — воспеты плакатом художника В. Фомичева и поэта Сергея Смирнова:

Октябрьский гром пороховой
И атома тепло —
Все это вместе над Невой
В бессмертье вошло.
Мы покоряем царство льда
И мчимся в мир планет.
Для нас, для Родины труда
Несбыточного нет!

Агитплакат имеет точный прицел: он поднимает все, что на пользу народу, строителю коммунизма, и изобличает все, что ему во вред.

АГИТПЛАКАТЫ

Лизин-ПЛАКАТ № 381
СЕРГЕЙ Л. ЛИВАНОВ
НАСТУПИЛА ЛЕТА ПЛАМЕНИ
БОЛЬШОГО ТОВАРИЩЕСТИ

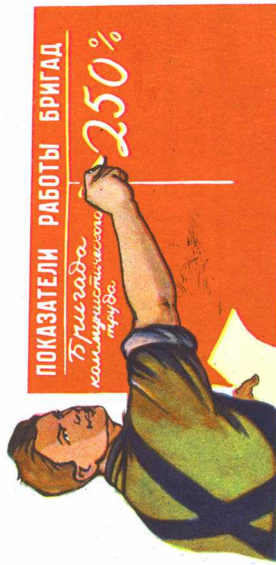
**МЛЛИОНЫ ТРУДОВЫХ ЛЮДЕЙ
В МОЩНЫЙ ЛАГЕРЬ МИРА СПЛОЧЕНЫ.
ОТ БЕДЫ СПАСЕМ СВОИХ ДЕТЕЙ,
НЕ ДАДИМ ЗАЖЕЧЬ ПОЖАР ВОЙНЫ!**

ХУДОЖНИК В. И. Т. ЛИВАНОВ
НАСТУПИЛА ЛЕТА ПЛАМЕНИ
БОЛЬШОГО ТОВАРИЩЕСТИ

Художники В. и Т. Ливановы.

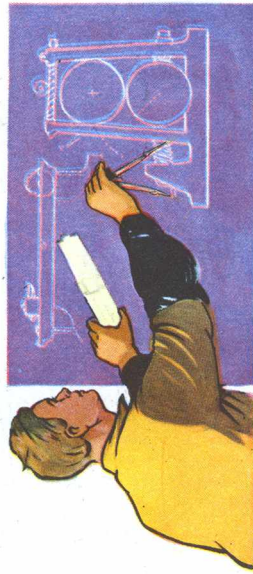
**КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД ДЛЯ РОДИНЫ ЦЕНЕН.
НЕДАРОМ ЕГО ПРИВЕТСТВОВАЛ ЛЕНИН.**

Лизин-ПЛАКАТ № 315
В. ФОМИЧЕВ
НАСТАУПИЛА ЛЕТА ПЛАМЕНИ
БОЛЬШОГО ТОВАРИЩЕСТИ

показатели работы бригад
коммунистического труда
250%

БРИГАДА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
С ПРЕВЫШЕНИЕМ ПЛАН ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕГДА.

КТО В БРИГАДЕ НАШЕЙ СОСТОИТ,
У ТОГО ЛЕГКО УЧЕБА СПОРИТСЯ.

ЗА ЗДОРОВЫЙ, ЧИСТЫЙ, ЧЕСТНЫЙ БЫТ,
ПРОТИВ ВСЯКИХ ЗОЛ БРИГАДА БОРЕТСЯ.

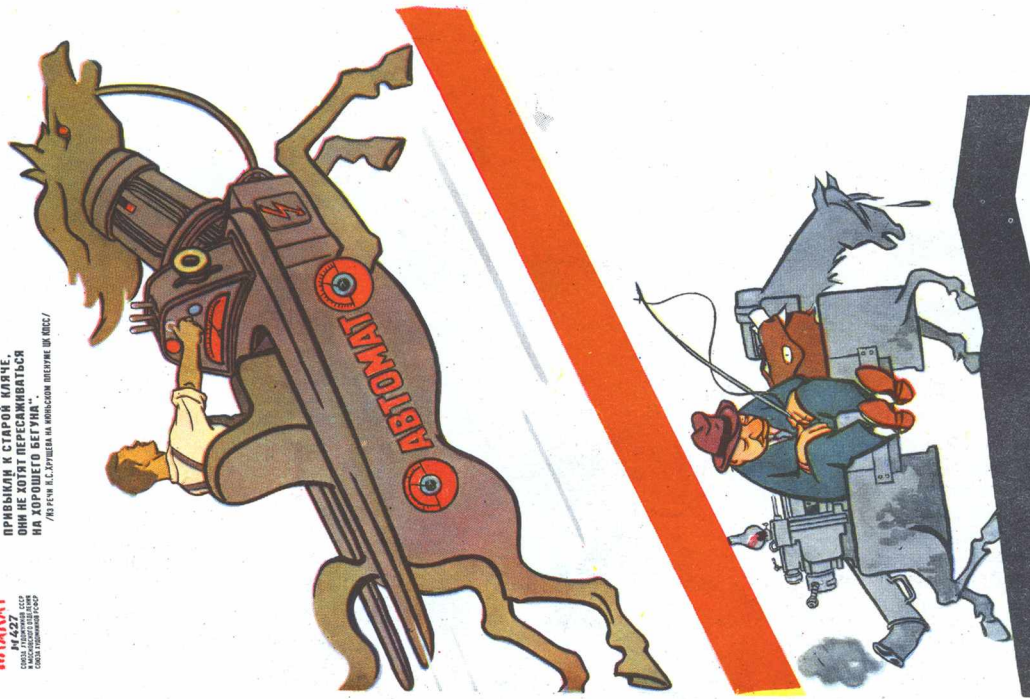
ХУДОЖНИК В. ФОМИЧЕВ
ОБЩИНЕ ТОВАРИЩЕСТИ РАБОТ ТОВАРИЩЕСТИ ОУДА
СТАЛИН А. ЖАРОВ

Художник В. Фомичев.

Лизин-ПЛАКАТ № 427
В. БРИСКИН
НАСТАУПИЛА ЛЕТА ПЛАМЕНИ
БОЛЬШОГО ТОВАРИЩЕСТИ

...У НАС МЫШЕ БУРОКРАТЫ
ПРИВЫКАЮТ К СТАРОЙ КЛЯЧЕ.
ОНИ НЕ ХОТЯТ ПЕРЕСАЖИВАТЬСЯ
НА ХОРОШЕГО БЕГУНА.

ЛЕВЧЕНКО В.С. РУССКАЯ НА КОММУНИСТИЧЕСКОМ ПЕДУКЕ

КОЕ-КТО У НАС НА КЛЯЧЕ ТШИТСЯ
ПО СТАРИНКЕ КОЕ-КАК ТАЩИТСЯ
ОТ ПУТИ ПРЯМОГО В СТОРОНЕ...

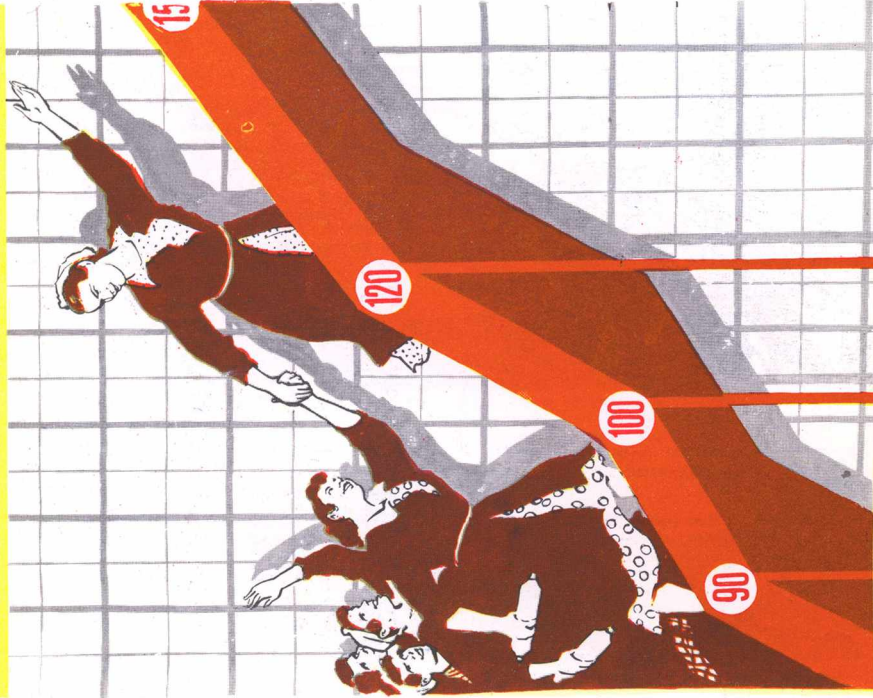
ХУДОЖНИК В. БРИСКИН
НАСТАУПИЛА ЛЕТА ПЛАМЕНИ
БОЛЬШОГО ТОВАРИЩЕСТИ

А НАРОД В СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ СТРЕМИТСЯ.
ПО ДОРОГЕ СЕМЬЯМ МЧИТСЯ
В КОММУНИЗМ НА ЧУДО-СКАКУНЕ.

Художник В. Брискин.

Лезгин-ПЛАКАТ
№ 4415
СЕРИЯ «ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ»
СОВЕТСКИЕ УДОЖНИКИ

ВАЛЕНТИНА ГАГАНОВА — БРИГАДИР
ВЫШЕВОДНОГО ХЛОПЧОТУМАЖНОГО КОМБНАТА
ИЗ СВОЕЙ ПЕРЕДОВОЙ БРИГАДЫ УШЛА В ОСТАЮЩУЮ
И ВЫВЕЛА ЕЕ В ЧИСЛО ПЕРЕДОВЫХ.

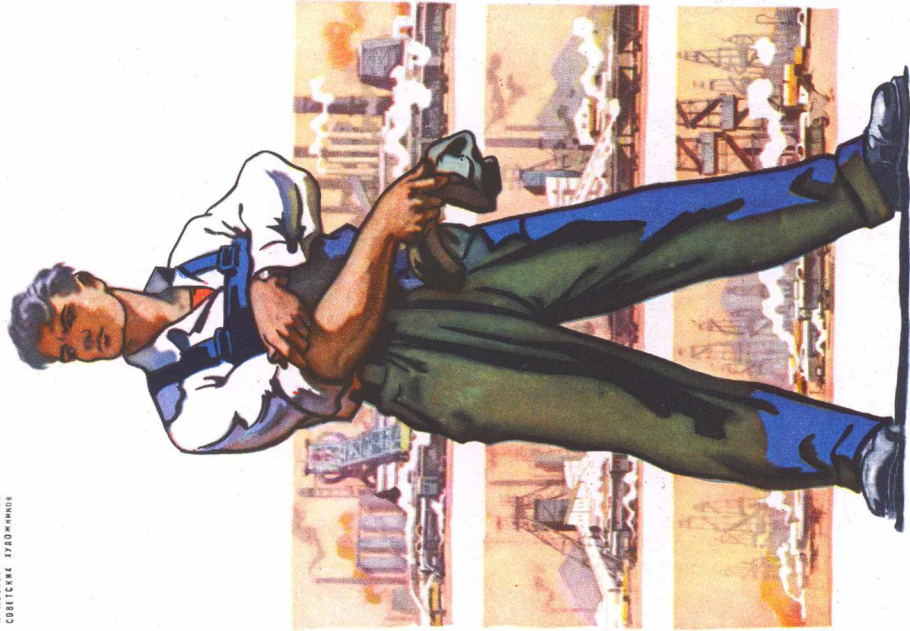

ВОТ КОММУНИЗМА ЗРИМЫЕ ЧЕРТЫ:
ГАГАНОВА, ДОСТИГНУВ ВЫСОТЫ,
О ЛИЧНОЙ ВЫГОДЕ НЕ ПОМЫШЛЯЕТ;
ВО ИМЯ ОБЩЕЙ ЦЕЛИ
ПОДВИГ СВОЙ
С БРИГАДОЮ ДРУГОЙ
ПОБЕДНО ПОВТОРЯЕТ.

Художник В. Коновалов
Мастерская: В. Коновалов, Москва
Первый выпуск: 1937 г.

Художник В. Коновалов.

Лезгин-ПЛАКАТ
№ 174
СЕРИЯ «ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ»
СОВЕТСКИЕ УДОЖНИКИ

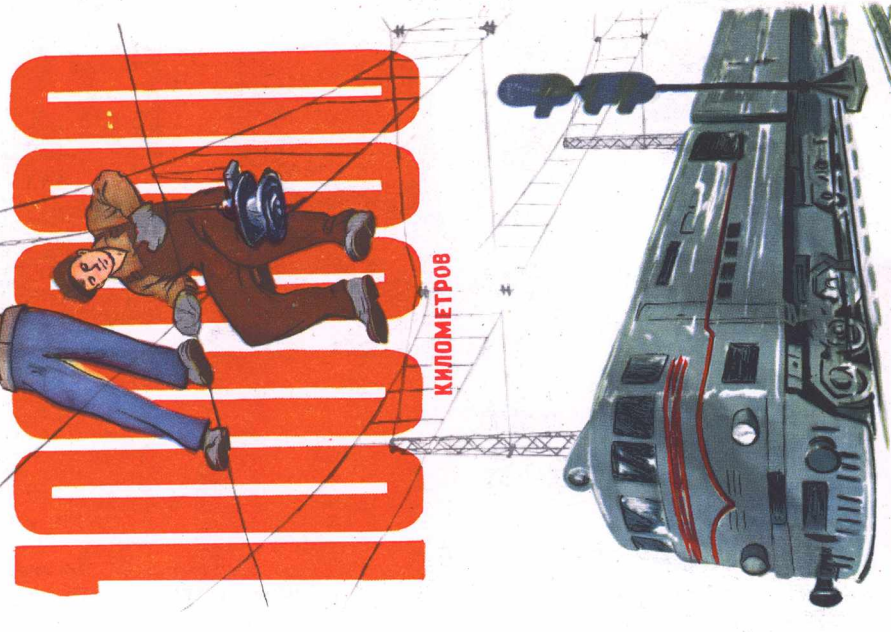
Умножим рекорды по выплавке стали!
Родине уголь сверх плана добудем!
Сегодня в Европе мы первыми стали.
А завтра и в мире мы первыми будем!

Художник Н. Смоляк
Министерство Гаврушка: 1937 г. (подробнее см. в каталоге)

Художник Н. Смоляк.

Лезгин-ПЛАКАТ
№ 174
СЕРИЯ «ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ»
СОВЕТСКИЕ УДОЖНИКИ

К 1965 ГОДУ
ПРОДВИЖЕНИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ
ПЕРЕВЕДЕНЫ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКУЮ
И ТИПОВУЮ ИТУ, ДОСТИГНЕТ ПРИ-
МЕРНО

К ПОБЕДАМ СТРЕМИМСЯ ДОРОГОЮ СВЕТОЙ
В ТАЕЖНЫЕ ДАЛИ, В ПОЛЯ ЦЕЛИНЫ.
МЫ НОВУЮ ТЯГУ ДАДИМ В СЕМИЛЕТА
СТАЛЬНЫМ МАГИСТРАЛЯМ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ.

Художник Р. Сурьянинов
Мастерская: Р. Сурьянинов, Москва
Первый выпуск: 1937 г.

Художник Р. Сурьянинов.

Рассказ

С. ЗАЛЫГИН

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Легко и просто знакомства возникают в вагонах и на курортах: встретились, познакомились, расстались. Было и не стало.

Но вот людям выпадает случай вместе путешествовать: по очереди варить суп на костре, поровну делить хлеб, одному до полночи, другому за полночь присматривать за лошадьми, днями же вместе отыскивать броды на реках и зачарованно глядеть на далекие вершины.

А иногда приходится в промозглых от сырости палатках вместе проклинать туманы и мечтать о солнце.

И если все это предстоит людям впереди, первые знакомства возникают робко, неуверенно: они приобретают тогда особый смысл.

В трех палатках, что были разбиты лесной экспедицией на Семинском хребте горного Алтая, жило шесть человек. Рязанцев с Лопаревым выбрали место вблизи замшелой каменной глыбы, чтобы она заслоняла палатку от ветров, рядом с ними поселились Андрияша Вершинин, студент третьего курса университета, и зоолог Реутский, в очках, со светлой бородкой клинышком, тот самый, что запаса патронами восемнадцатого калибра к ружьям калибра шестнадцать.

Худощавый, смуглый Андрияша, хотя ему и был всего двадцать один год, вот уже четвертый сезон проводил в экспедиции.

Закалялся он необычайно. Холодные туманы так и не заставили его хотя бы однажды надеть дождевик, он предпочитал безрукавку, по ночам он не забирался в мешок, а подстилал его вместо матраца, накрываясь дождевиком и ватной курткой.

В третьей палатке жили Рита Плонская и Онега Петушкова, студентки: одна — Иркутского университета, другая — из Уральского лесотехнического.

Рите Плонской было двадцать три — она выглядела старше своих лет, Петушковой недавно исполнилось двадцать — но никто этому не верил, ей давали семнадцать и меньше.

Все эти люди встретились впервые в экспедиции, близкого знакомства между ними не налаживалось, и никто не брал на себя такой обязанности — подружить всех между собой.

Так было до тех пор, пока не выяснилось, что никто никого не отверг, а каждый мысленно протянул другому руку. Выяснилось же это после того, как было установлено, что все люди в экспедиции имеют, оказывается, новые имена.

Андрияша Вершинин был назван Челкашом, потому, должно быть, что носил невероятно потрепанную шляпу. Кто его так назвал, осталось неизвестным, но он принял прозвище без малейших колебаний, продел в дыру шляпы журавлиное перо, которое подобрал недавно в траве, и вид у него стал еще более живописный.

Кандидат биологических наук Реутский почему-то стал «доктором наук», и притом медицинский; похожая на цыганку Рита Плонская — Кармен, она же Биология, потому что была студенткой биологического факультета.

Начальника отряда Михаила Михайловича Лопарева, человека сосредоточенно-торопливого, строгого, смелая Кармен назвала как-то

Михаилом и вопросительно уставилась на него огромными дерзкими глазами, которые были все-таки чуть-чуть смущены в это время.

Лопарев в ответ слегка, почти незаметно улыбнулся — имя утвердилось за ним.

Рязанцев остался тем, кем был, — Николаем Ивановичем. Должно быть, его возраст имел значение.

Зато с Петушковой случилось вот что.

Звали Петушкову Онегой. Имя вызывало недоумение: оно было красивым, женским и ми-

лым, никто не решался его переделать, но всем показалось странным, что во всем мире его носит, вероятно, одна только Петушкова. Рязанцев, услышав это имя, тоже удивился, переспросил и стал про себя молча произносить названия русских рек: Волга, Кама, Нева, Свирь, Десна, Двина... Ни одна из них так не отвечала женскому имени, как Онега. Почему-то до сих пор никто этого не разгадал.

— И все-таки, товарищ Петушкова, я буду называть вас как-нибудь иначе! — сказал Рязанцев, и все его поняли: Онега должна быть женщиной статной, голубоглазой и с косами. Перед ним же стояла девчушка — маленькая, толстенькая, подстриженная, очень застенчивая.

Она подняла к Рязанцеву свое почти детское лицо и спросила:

— А как же вы будете звать меня, Николай Иванович? Скажите!

Тут он решил:

— Онежкой!

И стала Петушкова Онежкой — с этим все согласились, это ей больше подходило.

В Лесном институте среди подруг имя Онега почему-то не прижилось. Потому, может быть, что ему завидовали. В институте Петушкову звали Ольгой. Зато в школе-интернате, в которой она училась, ее именно так и звали — Онежкой. Сам того не подозревая, Рязанцев сделал открытие, и Петушкова вдруг сразу прониклась к нему уважением, таким же, какое она всегда питала к педагогам. Кроме того, угадав ее школьное имя, Рязанцев как бы отказался за честь ей по крайней мере три — четыре года, и она снова стала шестнадцатилетней.

Рязанцев все поглядывал на Онежку внимательно, хотел привыкнуть к уменьшительному имени маленькой девушки.

Стояло ненастье. Онежка ежилась на холоде, хлопотала больше всех у костра, варила пищу, мыла посуду. Было замечено у нее еще такое свойство: если кто терял какую-нибудь вещь: ложку, зубную щетку, портянку, топор, ведро — все равно какую, то, поискав немного, спрашивал у Онежки, где эта вещь может быть. Она морщила лоб, что-то такое вспоминала, вглядывалась во влажную траву вокруг палаток, шла вправо, влево и тут же обнаруживала эту вещь.

Рязанцев всякий раз удивлялся, но всякий раз отмечал, что уж очень она проста, Онежка. Простота украшает, а все-таки должно в человеке присутствовать что-то невидимое с первого взгляда, о чем можно лишь догадываться и что рано или поздно удивит вас.

В Онежке, курносой, послушной и аккуратной, с ее грубыми, серого цвета волосами, которые она подвязывала косынкой, нельзя было заметить даже признака того, чем когда-нибудь и кого-нибудь она смогла бы удивить. Она вся была на виду.

Юная, она казалась совсем девочкой, школьницей; хлопотливая и аккуратная, вдруг становилась женщиной и хозяйкой, которая исполняет свои обязанности легко, любовно, а больше ничего не знает и знать не хочет, потому что все остальное в мире гораздо проще, чем ее заботы.

Какая она была в детстве, какая она есть и какая она будет когда-нибудь — уютная, ко всему снисходительная маленькая женщина, — все это было видно, словно на ладони, когда Рязанцев наблюдал однажды из палатки за Онежкой. В своей неизменной пестренькой косынке, в телогрейке она ловко чистила картошку, аккуратно собирая в фартук завитые

кожурки, большой ложкой черпала из ведра, сощурившись, вся внимание, высовывала язычок из маленького круглого ротика и осторожно, чтобы не обжечься, пробовала свое приготовление. Потом солила. Снова пробовала, добавляла лук.

Может быть, это так и было — он действительно видел тогда Онежку всю.

Но время шло, ползли по вершинам Семинского хребта тучи, моросил дождь.

На четвертые сутки ненастья, около полудня, тучи немного рассеялись. Видно было, что просветлело ненадолго, на каких-нибудь несколько часов, Лопарев же все-таки решил пройти маршрут.

Он сказал Онежке, что они вместе пойдут «в поле». Онежка торопливо надела серый, не по росту большой комбинезон, выпустила его поверх сапог, чтобы вода не скатывалась за голенища, на голову натянула резиновую купальную шапочку и сказала, что готова.

Шли молча. Лопарев впереди, Онежка шагах в двух или трех за ним. Все время она глядела в затылок Лопареву: волосы у него были коричневого цвета и блестящие, уши из-под кожного картуза торчали в стороны размашисто, кончики их были прозрачны, словно у маленького ребенка, шея — сухая, с проступающими жилами, очень крепкая, сильная... Онежка все это рассматривала.

Остановился Лопарев среди низкорослого кустарника, на ветвях которого, словно водоросли, шевелились обрывки тумана. Совсем низко, как раз над головой Лопарева, покачивался сплошной облачный полог, темный, плотный; сквозь него не видно было ни солнца, ни неба. Несколько влажных каменных глыб да еще стволы каких-то погибших деревьев, прямые, почти без ветвей, казалось, поддерживали этот полог, но непрочно — каждую минуту он мог рухнуть.

— Видимость удовлетворительная... — произнес Лопарев, глядя вниз. Ниже вершины, на которой они стояли, располагалось как бы кольцо, покрытое мхом, травой, ползучей березкой. Ширина этого кольца была метров сто, не больше; и дальше, и в ту и в другую сторону, падали склоны, сначала с изувеченными деревьями, ниже — с редким и хилым лесом, а еще ниже склоны были уже покрыты настоящим лиственничным лесом, густым и совсем темным в этот пасмурный день.

По склонам там и здесь ползали небольшие, будто заблудившиеся тучи.

— Значит, — сказал Лопарев, — мы с тобой на высоте две тысячи восьмисот, около трех тысяч метров. Вот тут, на этом кольце, подобие высокогорного тундрового плато, а где кончается плато, там и верхняя граница леса. Очень интересное место. — На этом он закончил описание обстановки и уже совсем другим тоном, тоном распоряжения, сказал: — Пойдешь по склону вниз. Понятно?

Удивительный голос был у Лопарева: негромкий, он, казалось, мог загрохотать в горах. Онежка подумала: так сейчас и случится. Она поехала, поглядела вверх, не обрушатся ли на них темные облака. Лопарев же и дальше говорил совсем спокойно, сдержанно и небрежно. В этой небрежности Онежка снова услышала что-то очень сильное.

Вот уже недели две прошло с тех пор, как она впервые услышала Лопарева. Шли сборы в экспедицию, суматоха стояла невероятная, каждый что-то такое говорил, кто-то кого-то и куда-то обязательно посылал, чаще всех — Онежку. Появлялся Лопарев, спрашивал: «Это зачем?» — или даже по-другому: «На кой черт?», — и его негромкий голос вдруг оставался суетливую беготню, сразу переставала существовать необходимость всем вместе говорить, перебивая друг друга.

Очень часто Лопарев говорил, ни к кому не обращаясь, будто только для себя самого, а к Онежке он еще ни разу ни с чем не обратился, сегодня они разговаривали впервые...

Онежка кивнула, сказала:

— Понятно... — и приготовилась слушать голос Лопарева дальше.

— Так вот, маршрут — вниз по склону. Через каждые пятьдесят шагов останавливаешься. Что нужно? Записать показания анероида и термометра — раз...

Онежка нащупала рукой футляр с анероидом, который висел у нее на боку. Она знала барометрическое нивелирование и надеялась,

что ошибок не сделает. Лопарев дал ей время тихонько, молча улыбнуться, погладить кожаный футляр и продолжил:

— Выбираешь типичную лиственницу — два. Выбрала. Записываешь, что положено в таблицу: высоту дерева, диаметр на уровне груди, состояние дерева. Особенное внимание обращаешь на суховершинность. Считаешь число иголок в пучке, берешь образцы шишек — это три. Теперь еще через каждые триста шагов указываешь тип леса, бонитет, густоту стояния — это четыре. Все. Ну как, ясно?

— Ясно, — ответила Онежка.

— Можешь идти.

Она повернулась и пошла. Хотела посмотреть, глядит ли ей вслед Лопарев, или он тоже отправился по противоположному склону, но поворачивать голову было нельзя: легко можно сбиться, считая шаги... Двадцать... Сорок... Сорок пять, сорок девять... Оглянулась — Лопарев стоял совершенно в той же позе, заложив руки за спину.

— Ну, говори, — крикнул он сверху, — какие будешь делать записи! Ну?..

Онежка вздрогнула: голос звучал не в пятидесяти шагах, а совсем рядом с нею... Торопливо расстегнула футляр анероида и потом все, что записывала в полевой журнал, выкрикивала Лопареву тоненьким, прерывающимся голоском, а он стоял наверху, руки назад, и кивал. Кивнул в последний раз, повернулся, ни слова не говоря, пошел в обратную сторону.

Онежка понимала, что Лопареву было нужно. Некоторые ученые утверждают, будто лиственница — вымирающее реликтовое дерево, которое отжило на земном шаре. Лопарев же хотел доказать, что это не так, хотел установить, что даже на верхней границе леса угнетаемая ветрами и морозами лиственница все-таки сохраняет прежние число хвоинок в пучке, и шишки на ней не мельчают, и семена обладают прежними свойствами. Значит, вымирания нет, есть только борьба за существование на высотах около трех тысяч метров, такая же, как и у всех других пород. Если бы вымирание началось, так здесь оно началось бы прежде всего.

Не то, чтобы Онежка всегда была очень внимательна на лекциях профессоров и доцентов в Лесном институте, но сейчас память не изменила ей, ей вспомнилось все, что они говорили о лиственнице: что она хороша в аллеях и в групповых посадках, что из древесины ее — красно-бурой, яркой, налитой, прочной, как у дуба, — получают лаки, из коры — дубильные вещества, из хвои — эфирные масла. Кажется, с сегодняшнего дня лиственница стала для Онежки какой-то особенной — близкой, знакомой и любимой.

Онежка шла по азимуту вниз и вниз, выполняла все, что говорил ей Лопарев. Ей казалось, он очень толково объяснил, что и как нужно делать. Чем дальше, тем почему-то было легче и легче идти, и она шла, применяя высокую мокрую траву, отряхивая с травы серые капли влаги, отчего следом за ней возникала тоненькая зеленая дорожка.

Работа спорилась. Петь хотелось ей, но она не запела: поняла, что ее голос будет лишним в пасмурном, безмолвном лесу.

Нельзя было петь среди окутанных туманной дымкой деревьев, низкорослых, угнетенных ветрами, а петь ей все-таки хотелось чем дальше, тем больше, и тогда она стала думать под звуки нехитрого, настоящего и никогда не слышанного прежде мотива, который зазвенел в ней.

Вернее, она то думала, то слушала себя, и было что-то очень похожее на сон, когда спишь, ничего особенного не видишь во сне, зато ощущаешь, чувствуешь так, как никогда не чувствовал наяву... Потом эти мысли стали похожими на сказку, детскую, далекую, название которой она никак не могла вспомнить, и наконец мысли удивили ее, поразили даже.

Поразилась она, когда, пересчитывая число хвоинок в пучке, вдруг представила, что в руках у нее не хвоинки, а большие, взрослые деревья. Будто она склонилась над лесом, лес этот совсем не такой, как здесь, на склоне, — хилый, низкорослый, туманный, — а огромный, тенистый и солнечный, но почему-то он весь у ее ног, и она запросто берет в руки одно, другое, третье дерево...

Деревья живут сотни лет — она столько же... На ее глазах маленькое опушенное семя сибирской лиственницы дает росток, на ее глазах появляется дерево-подросток и вырастает затем в великана. Даже и этого ей было мало. Одно поколение лиственниц за другим покрывало горы, долины, еще какие-то земли — она все видела.

Легко и просто, как легко и просто приходилось ей летать во сне, — оттолкнувшись от земли, мчаться куда-то ввысь, — было ей теперь увидеть лиственницу через тысячи лет, узнать, что она не вымирает, наоборот, лиственничных высоких и светлых лесов становится все больше и больше на земле.

Еще, побывав где-то очень далеко, разволновавшись, размечтавшись, Онежка спросила себя: вот это и есть, может быть, то самое, что называется не совсем ясным, но красивым словом — открытие? От-кры-тие?!

До сих пор и в школе и в институте она слышала о множестве открытий, сделанных в разное время необыкновенными людьми. Все это нужно было запомнить, чтобы потом рассказать на экзаменах, рассказать на «хорошо» и даже на «отлично». Но тут вдруг она почувствовала себя причастной к открытию, прикоснувшейся к нему. Пожалуй, одна она не смогла бы к нему прикоснуться, если бы не Лопарев. Вслед за ним, сильным и уверенным, лучше вместе с ним она могла это сделать, могла доказать, что лиственница не умрет никогда и ни за что. Поразительно это было для нее!

Так работала Онежка, улыбаясь, оставляя зеленые тропки на серой от влаги траве. Молча, незаметно она повторяла все тот же настойчивый мотив, потом удивлялась своим мыслям; тогда наступал черед громко звучать и даже греметь песне, которую она так и не пела, а только чувствовала все сильнее.

И все-таки, несмотря ни на что, нужно было расставаться со всем чудесным и необыкновенным, что охватывало ее. Нужно было это сделать, причем из-за сущего пустяка, из-за мелочи.

Она сама была виновата... Когда Лопарев там, наверху, объяснял ей, что и как нужно делать, она все понимала прекрасно, но постеснялась спросить у него об одной мелочи. Знала: обязательно нужно спросить — и не спросила. Побоялась, что Лопарев подумает о ней плохо, решит, что она лентяйка и трусиха.

Он сказал, чтобы она шла по азимуту вниз и вниз. А далеко ли? Сколько времени? Где и когда они встретятся?

Если бы Лопарев сказал, что Онежка должна идти до поздней ночи, до тех пор, пока у нее хватит сил, она так и сделала бы, и сил у нее хватило бы надолго. Но вот ей предстояло самой решить, когда же повернуть обратно, и для этого решения сил не хватало, и она шла все вперед и гнала прочь неизбежное решение, всерьез думая, что, наверно, придется заночевать в лесу.

Была у нее надежда на какой-то случай: вдруг путь ей преградит отвесная скала или лесной зверь повернет ее обратно...

Онежка выросла в сибирском далеком лесном промхозе, леса не боялась, но и опасностями, которые он таил, никогда не пренебрегала, теперь же нетерпеливо ждала какого-нибудь страшного случая.

И такой случай наступил.

Тучи снова потянулись с запада, темные, непроницаемые. Не то что продолжать в этой мгле работу — просто двигаться было очень трудно, а Онежка обрадовалась. Досадовала только, что тучи пришли слишком рано, могли бы повременить час — другой, и она успела бы сделать больше.

Свой след — зеленую полосу на серой траве — она быстро потеряла, может быть, трава и на этой полоске снова уже покрылась влагой. Онежка двигалась теперь только по компасу.

Стали встречаться ей на пути каменные глыбы. Она что-то не замечала их, когда спускалась вниз, а глыбы между тем смыкались все теснее и теснее, под ногами совсем исчезла трава, склон, каменистый, скользкий, становился все круче.

Потом Онежка заметила: и справа и слева туман оседает, чуть светлеет. Может быть, справа и слева был обрыв, а она шла по гребню?

Онежка поехала от этой догадки, но бодро шагала вперед и вперед, только стала нагибаться кое-где, чтобы руками нащупать мелкие камни. Камни нашлись не сразу — скала была сплошной, прочной, а найдя их, Онежка бросила один камень в одну, другой — в другую сторону. Прислушалась...

Камни — сначала один, потом другой — ударились где-то далеко внизу, звуки донеслись к ней глухие, несильные.

Так и есть: она шла по гребню!

И опять Онежка не испугалась, только стала двигаться осторожнее. Она сама желала необыкновенного случая, трудного препятствия — и вот дождалась. Нет, страшно не было, она все еще оставалась под впечатлением своих недавних мыслей и ощущений, все еще, хотя реже и реже, но звучал в ней прежний мотив.

Не боялась Онежка до тех пор, пока не стало вдруг темно. Темнота подступила неожиданно и непонятно почему. Где-то далеко впереди вспыхнул яркий свет, который не то ослепил ее, не то жгнул, сдвинул тучи, и тучи в одно мгновение почернели от этого.

Вот тогда, не поняв, что же произошло, она испугалась. Хотела сделать еще несколько шагов вперед, миновать круглый, скользкий выступ, на котором так неудобно и трудно было стоять, но побоялась шевельнуться.

А мимо в это время помчалась черная-черная туча, преследуемая волной света. Стало так, будто мчится мимо вся земля, вращается из ночи в день и только один круглый скользкий камешек, на котором ты стоишь с таким трудом, остается неподвижным в этом вихре. День, яркий, блистающий, с распахнувшимися уже горными далами, стремительно приближается к тебе, а ты еще в ночи, ночь отступает, но не рассеивается, больше и больше наливается тьмой.

Сквозь черную тучу больно смотреть на искрящуюся волну, которую день катит впереди себя. Волна эта уже совсем близко, она из мелких капелек света, совсем хрупкая, сей-

час заденет о скалу, ударится о тебя и рассыплется осколками, и обрушатся они в мрачную глубину.

И в первых же отблесках света, проникших к ее ногам сквозь тьму, Онежка увидела, что стоит на самом краю отвесной скалы, к подножию которой один за другим уже начали падать яркие осколки, и вот сейчас она сама тоже соскользнет с камня и выпадет из черной тучи в эту вспыхивающую бездну.

Невыносимо было видеть, как это случится, как, распластанная, она рухнет вниз, ударится о камни, как все кончится раз и навсегда. Чтобы не видеть, Онежка закрыла глаза...

Ее пошатнуло... Она зачем-то протянула вперед руки, колени у нее дрогнули, согнулись...

И в этот миг почувствовала, как черная туча миновала ее и все вокруг заполнил свет. Она ощутила его закрытыми глазами, лицом, руками, по-прежнему протянутыми вперед, ощутила, что дышит светом.

Когда же вздохнула, медленно и глубоко, всей грудью, поняла, что не падает, а с трудом, но еще стоит на скользкой макушке камня. Открыла глаза. Там, внизу, куда она падала и все-таки не упала, краски уже перемешались невероятно, трава была синей, ветви караганы — ярко-желтыми, выпуклыми, словно под увеличительным стеклом, камни — зелеными и еще какого-то смешанного, на глазах меняющегося цвета.

Это была радуга...

Очень тихо, едва-едва прикасаясь подошвами сапог к поверхности камня, Онежка сошла с него, поглядела кругом и двинулась вперед по вершине гребня, который был теперь весь открыт глазам. Всего метров сорок было пройти на высоте, еще головокружительной и страшной, а потом каменный гребень вонзался в склон.

Онежка ступила наконец на мягкую и влажную траву склона, поднялась немного вверх, и тут перед ней предстали все те глыбы, из которых возникал гребень и лезвие самого

плакать долго и горько, до тех пор, пока само собой не придет откуда-то успокоение, пока она не станет изнемогать от слез.

Картины, одна страшнее другой, возникали перед ней: она видела себя неподвижной, распластанной на сизых, все еще играющих красками камнях, искалеченной, неузнаваемо изуродованной.

Потом представила, как о ней плачут дома, в ее родном леспромхозе, далеко-далеко отсюда, а потом снова чье-то распластанное тело померещилось среди камней.

Всю глубину невысказанной обиды она пережила сейчас: почему это возможно — погибнуть вот так глупо и случайно? Ни к чему? Ни для кого? Ничего еще не испытал в жизни, не увидев жизнь?

Ее ведь никогда еще и никто не любил! И она тоже — никогда и никого.

Письма школьного товарища Федя Струкова, в которых он называл ее Онежкой, были такими робкими, так в них было все правильно, что их можно было прочесть кому угодно. И в институте она прятала письма от подруг просто так, чтобы было, как у других. Эта Федя Струкова робость обернулась сейчас грустью и такой досадой, словно всю жизнь ее всегда озаряла любовь и только что, сию секунду, она любовь эту потеряла.

Глядя сквозь слезы на освещенные радугой скалы, Онежка в первый раз в жизни подумала, что ведь и дальше могут ей встретиться еще более страшные пропасти и несчастья.

До сих пор она спокойно проходила мимо чужого горя, мимо трудных женских судеб, почти не запомнив их, не заметив, не почувствовав ничего, потому что была убеждена, будто горькие слезы никогда не потекут из ее глаз, чья-то неразделенная любовь, когда один любит, а другой только думает, что любит, чье-то несчастье оттого, что не рождались дети, или другое — что дети рождались, но несчастными — все-все это тоже чужое, не ее. С ней этого не может случиться...

гребня, все кручи, которыми она прошла в тумане. Неужели действительно прошла?!

А когда Онежка различила на гребне камень, с которого она падала и не упала вниз, к подножию скалы, слезы хлынули у нее. Она бессильно опустила на траву, зная, что будет

Но вот она стояла над пропастью, пролила слезы и сквозь слезы увидела, как это просто — изувечиться, погибнуть, и впервые, кажется, по-настоящему поверила, что бывают на свете

несчастья, что несчастье может случиться и с нею тоже... Молодость, щеки, розовый оттенок которых она всегда чувствовала на своем лице, большие добрые детские глаза — ничто не могло защитить ее от этого.

Онежка никогда не мечтала о чем-то необыкновенном — о необыкновенных путешествиях, о необыкновенной, никому больше не доступной любви, о каком-то великом счастье, не требовала в жизни ничего большого и значительного, вся она была скромной и самой обыкновенной и была уверена, что и жизнь поэтому не имеет никакого права приносить ей обиды.

Она никогда ни одним словом не оскорбила жизнь. Если при ней говорил кто-то: «Пропади

все пропадом!», «Какая это к черту жизнь!»,— если заходила речь о чем-то самоубийстве, ей даже присутствие при таком разговоре было тяжким, она старалась поскорее уйти прочь, не слышать этих слов, не видеть человека, который их произносит.

В большом ли, в малом ли — все равно она одинаково верила не в худшее, а в лучшее. Говорили о войне — она верила, что войны не будет единственно потому, что ее не должно быть; говорили о чьей-то болезни — она была убеждена, что больной человек обязательно выздоровеет; если она неважно знала материал, когда шла на экзамен,— верила, что не провалится; если у нее не было билета в кино,— что ей удастся купить билет с рук перед самым началом сеанса.

Случалось, Онежка все-таки проваливалась на экзаменах и билет в кино тоже не всегда удавалось купить — это ее удивляло, но не расстраивало, вызывало грусть, но ненадолго, и винила она только себя, никого больше.

Никогда Онежка не говорила плохо о людях. От всех она всегда ожидала только хорошего для себя, была даже убеждена, что все люди должны ее любить. Встречаться с плохими людьми, иметь с ними какие-то дела — это тоже несчастье, а любое несчастье ей претило, было чьим-то, но не ее.

Но вот она впервые почувствовала себя большой и сильной, она запросто перенеслась куда-то вперед, чтобы поглядеть на будущие поколения лиственниц, впервые подумала, что, может быть, и ей предстоит что-то такое открыть, еще неизвестное в этом мире.

И что же? Жизнь сейчас же отомстила за эти мечты, привела на самый край бездны, испугала...

Когда Онежка вернется в лагерь, разве кто-нибудь догадается, узнает о том, что с ней случилось? Переживет хоть частицу того, что пережила она? Ничуть не бывало. Вот если бы Онежка рассказала обо всем, разревелась, изругала Риту за то, что та осталась в лагере, а не пошла с ней в этот маршрут, надулась на Рязанцева, потому что он только и делает, что лежит в палатке и пьет на всех глаза, обидела бы «доктора медицины», просто так, ни за что, тоже просто так сказала что-нибудь злое «Челкашу», — вот тогда все они поняли бы: что-то с ней случилось, проявили бы к ней заботу, внимание, соболезнование, даже уважение.

Но Онежка промолчит, никого не испугает своей чуть-чуть не состоявшейся смертью, и никто-никто не обратит на нее ни малейшего внимания, не пожалеет и не поймет как раз тогда, когда она страдает оттого, что ей необходимы и внимание, и жалость, и понимание, и ласка — все добрые человеческие чувства, сколько их есть на свете.

Вот награда за скромность: одиночество... А ведь она думала, что чем скромнее она будет, тем лучше не только для других, и для нее тоже.

Больше всех она была обижена на Лопарева: он послал ее в этот страшный туман. Он где-то здесь сейчас, в горах, может быть, совсем близко, и, если бы захотел, мог бы ее найти и увидеть всю в слезах, понять... Если бы он сейчас приблизился к ней, она разревелась бы пуще прежнего, пусть слезы лились бы ему на руки.

Не скоро еще, продрогшая, мокрая до нитки Онежка поднялась с земли. Когда поднялась, подумала, что стала совсем-совсем не той девчушкой, которая проснулась сегодня утром в палатке с ощущением, словно в двадцать лет ей довелось родиться снова, которой люди отказывали в этих двадцати, а давали семнадцать, даже шестнадцать лет и, должно быть, правильно при этом поступали. Двадцать, а может быть, и больше ей стало только сегодня, сейчас.

Медленно, не оглядываясь, Онежка поднималась по склону. День, казалось ей, закончился, было странно, неуютно даже оттого, что до сих пор светло и солнце в небе. Ей же хотелось поскорее прийти в лагерь, забраться с головой в спальный мешок, забыть обо всем на свете. Забыть хотя бы до утра, а если можно, — на долгий-долгий срок. Онежка вспоминала, с каким усердием, даже с упоением хлопотала она у костра, готовила обед, мыла посуду, наводила порядок в палатке, потому что

Рита всегда этот порядок нарушала, разбрасывая вещи. Вспомнила, грустно усмехнулась.

Лопарева Онежка увидела на том же месте, где они расстались. Он сидел верхом на старом, полусгнившем и вывороченном из земли пеньке, а когда увидел ее, встал — руки за спину.

— Жива? — спросил Лопарев, когда Онежка подошла к нему совсем близко.

Она долго молчала, потом подтвердила тихо:

— Жива...

— Значит, все в порядке... — Сильным и ловким движением небольших рук Лопарев вдруг вскинул на плечо пенек, на котором сидел, через другое плечо оглянулся на Онежку. Она его не узнала, такое у него было радостное, веселое лицо. — Находка! — сказал он. — Потащу в лагерь! — Похлопал по пеньку рукой и пошел вперед. Онежка — за ним.

Еще издали, увидев фигуру Лопарева верхом на пеньке, Онежка догадалась, что день не кончился. Когда же Лопарев спросил, жива ли она, вопрос этот, нескладный, грубый, насмешливый, ее поразил. Ни о чем другом и в самом деле не надо было ее спрашивать. Чтобы ответить на его вопрос, она оглянулась: вокруг были горы, все в необыкновенных красках только чуть-чуть начинающей блекнуть радуги, а далеко внизу — долины с реками, деревнями, стадами и с теньями облаков... Нет, день ничуть не стал короче от всего того, что уже произошло сегодня... Было около пяти вечера.

«Почему он такой радостный, Михмх!» — подумала Онежка. — Потому что красиво кругом? Нет, Лопарев не глядел по сторонам, ни слова не сказал ни о горах, ни о радуге... Догадка вдруг пришла к Онежке: рад, что она вернулась цела и невредима?

Она шла за Лопаревым, молчала, глядела в его коричневый затылок с едва заметными седыми волосками и уже готова была простить ему все: что он послал ее в туман, что не стал искать ее, что он ни словом не может ее пожалеть, — когда Лопарев вдруг остановился, сбросил на землю пенек и весь потный, ласково, радостно сказал этому пеньку:

— У-у-у, проклятый! Образина-то, надо же?! — и засмеялся. Теперь сомнений не было, Лопарев радовался своей находке. Он еще раз осмотрел внимательно пенек и только между прочим, не глядя на Онежку, спросил:

— Ну, как в тумане-то? Я думал, гробанешься, чего доброго!

— Вы это с кем разговариваете? — спросила Онежка.

— С тобой, ясное дело... — ничуть не смутился Лопарев.

Онежка не стала отвечать ему, сама спросила:

— А что вы стали бы делать, Михаил Михайлович, если бы я... как это вы говорите... и в самом деле гробанулась?

Тут Лопарев серьезным и деловитым взглядом окинул Онежку всю — с ног до головы.

— Сколько килограммов?

— Каких? — не поняла она.

— Обыкновенных... По тысяче граммов каждый.

Снова она долго не могла понять вопроса, а потом провела рукой по руке, по лицу, почувствовала, как покраснела вся, и тихо-тихо ответила:

— Давно уже не взвешивалась... А вообще пятьдесят три...

— Пустяк! — повел он плечами. — Вот эта штука, — он хлопнул по пеньку, — наверняка четыре пуда. С гаком. Ничего, тащу... Утащил бы и тебя!

Лицо у него было все в поту, в земле и в трухе: он испачкался о пенек; уши — оттопыренные и прозрачные, как у ребенка, а коричневые глаза — по-хозяйски строгие. Он был сильный. Действительно, он ее запросто унес бы на своих плечах, если бы она вдруг сломала руку или ногу...

— Михаил Михайлович, ну, а если б я... совсем?

Теперь не понял он:

— То есть как это совсем?

— Очень просто: упала бы с какой-нибудь скалы в тумане, мало ли что может быть, и гробанулась. Сейчас лежала бы где-нибудь на камнях... изувеченная... мертвая...

— Выдумываешь! — засмеялся Лопарев.

Трусиха! Знаешь, так не бывает! — Он сказал это с таким убеждением, что Онежка вздрогнула вся. Приостановилась: «Почему так не бывает? Почему так не могло быть с ней всего лишь часа два назад, если так было?» Лопарев же медлил с ответом на ее безмолвный вопрос и только после долгой-долгой паузы заговорил снова:

— С первого же раза и совсем? Не бывает. Человек много раз споткнется, потом, смотришь, грохнулся. Почему грохнулся? Не боится больше спотыкаться, вот почему. Привыкает. Начинает думать, будто спотыкаться — это можно, это не беда. Тут как раз беда к нему... В общем, философия. Ты думаешь, для чего мне эта коряга?

Коряга интересовала Онежку, как только она ее увидела, но не сейчас. Сейчас она обдумывала слова Лопарева, он этими словами заставил ее сосредоточенно размышлять. Однако Лопарев был настойчив:

— Так вот, скажи, для чего мне коряга?

— Ну, не знаю...

— Думаешь, зря тащу, насажаюсь? Шалишь, брат! — кому-то он погрозил кулаком. — Точно, шалишь! Вот приволоку ее домой, ровненько пилой срежу, рассмотрю во всех подробностях, голубушку. Дереву было триста лет. Не веришь? Спорю на что угодно! Не смотри, что пенек тонкий. Условия внешней среды — не очень-то растолстеешь на верхней границе леса. Ну вот, триста лет, и за все триста лет климат здесь отпечатался. В институте учила? Знаешь?

Онежка учила, знала, но тут она захотела, чтобы Лопарев говорил и дальше. Она промолчала. Лопарев же теперь не заставлял себя долго ждать:

— Во влажные годы прирост у дерева большой. В засушливые — годовые слои совсем тонкие, сливаются. И, пожалуйста, на этом пеньке летопись осадков за триста лет. Вот тут можно рассмотреть: самый продолжительный засушливый период наступил, когда лиственнице этой было лет сто... Длился он девять лет. Пусть двенадцать. Еще через семьдесят, то ли восемьдесят лет — дома сочитаю точно — снова засушливый период, еще спустя полвека...

— Ну, а что же дальше? Что теперь?

— Теперь вот что. Если лиственница вымирает, как говорят иные ученые мужи, так у нее таких трудных периодов должно быть в жизни больше, и они будут продолжительнее,

чем у других деревьев. У ели, к примеру. У сосны. Так?

— Так...

— Ну, а если срез лиственницы дает совершенно такую же картину роста, как деревья других пород, это значит, вымирает она или нет? Твое мнение?

— Нет. Не вымирает!

Лопарев не скрывал радости.

— Видишь! — сказал он. — И до тебя дошло! Верно, не вымирает! Куда мы с тобой заглянем через этот пенек: на три века назад, а значит, и вперед на столько же, как не больше! Открытие! Это тебе понятно? Доходит? — И, не дождавшись ответа, взвалил пенек на плечо. — Пошли! Не терпится мне! Теперь я таких пеньков наворожаю — гору! Своя методика! Сила!

Снова шли по тропе, снова Онежке хотелось сказать, что лишь сегодня, совсем недавно, пересчитывая число хвоинок в пучке, она тоже побывала там — в далеком будущем, и прикоснулась уже к открытию. Напрасно Лопарев думает, будто это ей недоступно. Но что-то мешало так сказать, и только возник вдруг снова тот самый мотив, который ее сопровождал, когда все это было с ней. Она прислушалась к нему, к этому мотиву, который зазвучал в ней снова, и все громче и громче, а сказала едва слышно Лопареву, что у нее ведь полная сумка шишек лиственницы. Как Лопарев велел, так она и собирала эти шишки.

Он не расслышал.

— О чем ты? — А когда она повторила, махнул рукой. — Выбрось!

— Что?

— Да шишки-то!

— Шишки?! Но ведь я же их собирала!

— У академика Сукачева такая, брат, лекция шишек лиственницы сибирской, что нам ни в жизнь не собрать! Проще поехать в Ленинград и там эти шишки изучать. Ясное дело, мы тоже их будем собирать, но только по другой методике. А эти можешь выбросить. — Но я же их собирала! Записывала! Лазила по скалам! В тумане! Для чего же это все?!

— Для практики! Скалы для практики! Туман тоже! Поучиться кое-чему. Прочувствовала? Перетрусила в тумане? А?

Такой между ними был разговор: Лопарев как будто нацеливался словами в Онежку и всякий раз поражал ее дважды — сначала обескураживал, обижал своей грубостью, но тут являлся еще и другой, сокровенный смысл его слов, смысл, который отвечал только что пережитому и еще не остывшему в ней, угадывал ее мысли и чувства.

Как только они снова встретились, первое, что Лопарев сделал, спросил, жива ли она. И этот вопрос, небрежный и обидный, таким и должен был быть: в тот момент ей действительно нужно было убедиться, что она жива...

Потом он обидел ее снова, засмеявшись и назвав трусихой, но тут же и объяснил, почему не следовало ей бояться там, на скале, над пропастью. Объяснил так, как будто все знал, был с нею вместе на каменном гребне.

Об открытии, о том, для чего ему нужен лиственничный пенек и о том, как он взглянет на триста лет назад, на триста вперед, он говорил с ней пренебрежительно: «И до тебя дошло?!» Но тут же он воскресил мотив, который сопутствовал ей, когда она считала хвоинки, когда тоже унеслась в будущее, прикоснулась к открытию. И в душе Онежка была Лопареву благодарна: без него, без этих его слов она могла бы и забыть и чудесный мотив и то настроение. Забыть навсегда...

Теперь Лопарев сказал: все, что она делала в горах, все это пустяки, только «для практики». Ей бы рассердиться, обидеться, разреваться, наговорить ему дерзостей. Но Лопарев спросил ее: «Прочувствовала?» И почему-то это слово заставило ее понять, что и в самом деле записи в журнале, показания анероида, шишки, которые она собрала, иглолки, которые пересчитала в пучках, — это не главное. Главное — то, что она пережила в горах, «прочувствовала» там, на краю пропасти. И Онежка не заплакала, сказала:

— Там было очень красиво... когда засверкала радуга...

И только сейчас увидела, как это действительно красиво было: ночь отступает, а на-

встречу ей мчится весь в радуге яркий день, она же стоит над самой пропастью с вытянутыми вперед руками. Ждет... Ждет чего-то. Ах, если бы Михмих был в тот момент у подножия скалы и видел ее, Онежку, красивую, всю в радуге на огромной-огромной высоте!

И умный и глупый Михмих! Ничего он не видел, ничего не знал! Не знал даже, на каком языке говорил он с нею сейчас!

Оглянувшись вокруг, Онежка увидела все те же горы, те же дали, но теперь она убедилась, что не может отказать ни в доверии, ни в любви этому миру, который чуть-чуть не бросил ее в пропасть, едва не погубил... Онежка подумала, что любят, должно быть, не только то, что приносит тебе счастье. Любят, когда знают, что любовь — это испытание. Любят, когда не знают, чего ждать от любви.

* * *

В лагере их встретили так, как должны были встретить: никто ничего не заметил, ни о чем не догадался.

Только Рита спросила:

— Ну, прогулялась с Лопаревым? — Но спросила потому, что всегда и без всякой необходимости любила в таком духе говорить и спрашивать.

«Доктор медицины» отметил, что обед готов, но никто не знает, вкусно или нет получилось. Нужно, чтобы Онежка сняла пробу.

Андрей возился с сетками для гербария, не сказал ничего, Рязанцев же усталился на Онежку из-под очков.

— А ведь без вас здесь было плохо, — сказал он. — Неуютно было...

Вечером, уже перед самыми сумерками, Лопарев зачем-то заглянул в палатку девушки. Потянул носом громко и не один раз:

— Это что же, одеколончик? Духи? Нежности?

— А разве вы не заметили, уважаемый Михмих, — ответила ему Рита, — что Онежка — лирическая девушка? Подушить вас ее духами? Если начальству не полагается, сделайте для меня исключение!

Никаких исключений Лопарев не признавал и спросил:

— А цветочки? Вся палатка разукрашена цветиками!

— Она же... Онежка...

— Спальные мешки заправлены конвертиками... Не палатка — детский садик!

— Все она же. Вам не нравится, Михмих? Лопареву не нравилось. Серьезно не любил Михмих «всякие нежности» в экспедициях. Он Рите не ответил, только нахмурил брови.

Онежки во время этого разговора в палатке не было: она хлопотала у костра, готовила ужин.

В ненастные дни всегда разжигал костер Андрюша Вершинин, потому что дело было не из легких: ни одной щепки, ни одной веточки нельзя было найти сухой вокруг, — и Андрюша хранил в своей палатке небольшое полено, от этого полена настрегивал стружку, и от стружки уже загорался у него огонек, который он передавал из рук в руки Онежке.

Сегодня она почему-то решила разжечь огонь сама, без Андрюшиного участия, хлопотала долго, упорно, покада нацепала лучинок и обмакнула их в керосин.

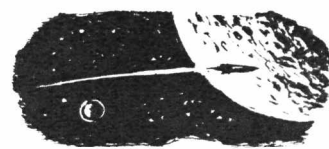
Когда же огонь занялся от ее руки, становилось уже сумрачно. Тени поблекли, солнечный свет потускнел, день кончался.

И примечая, как день уходит, как он кончается, Онежка припомнила, что до сих пор самое радостное и самое значительное в ее короткой жизни наступало тогда, когда что-нибудь обязательно кончалось.

Не было большего события в ее жизни, чем то, которое называлось окончанием школы. Потом кончился первый учебный год в Лесном институте, второй, третий; кончались один за другим семестры, зимние и летние экзаменационные сессии, и даже самый желанный день уже не очень далекого теперь будущего, и тот назывался днем окончания института.

Нынешний же день весь был началом...

Когда рассеялись тучи, она пошла с Лопаревым в маршрут, и это было началом ее первой работы в лесу. Потом она пересчитывала хвою в пучках лиственницы и нечаянно заглянула в такое далеко, о котором не имела

Виктор БЕРШАДСКИЙ

«Лунная соната»

Звучала «Лунная соната». Когда притих концертный зал, Рояль мятежно и крылато О многом сердцу рассказал.

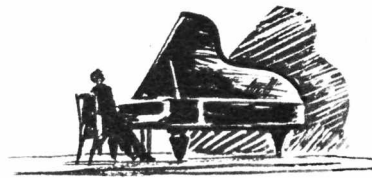
Язык сонаты не условен, — В ней был полет среди светил. Теперь я знаю, что Бетховен Ее России посвятил.

* * *

Луна! Ландшафт ее прославлен, — Моря и горы узнаем. На ней такой же герб оставлен, Как и на паспорте моем.

Мне кажется, сейчас так близко Луна придвинулась к Земле, Что ей оформлена прописка В московском паспортном столе.

Одесса.

никогда ни малейшего представления. Но, заглянув, поняла, что это тоже только начало, что теперь она часто будет бывать там, в будущем.

Сегодня она открыла Лопарева, такого, о котором никогда и никто до сих пор, наверно, не подозревал. Сегодня она и сама открылась себе. От сегодняшнего дня и дальше в ее жизнь, как от какого-то начала, продолжались все эти открытия...

Огонь костра разгорался, становился все сильнее, горячее. Онежка чувствовала его и руками и лицом. Сырой валежник занимался теперь в этом огне ветка за веткой.

Онежка торопилась, ужин надо было готовить скорее. Сама она вся была полна впечатлений дня, совсем забыла о еде, но то, что другие ждут ужина с нетерпением, забыть не могла, хорошо знала, что ее хлопоты очень были нужны гордой и красивой Рите Плонской-Биолине, и мечтательному Рязанцеву, и беспомощному кандидату наук, «доктору медицины» Реутскому, и всегда чем-то занятому Андрюше Вершинину, которого совсем напрасно, только из-за рваной шляпы, называли Челкашом.

Все, но каждый по-своему, нуждались здесь в Онежке, и она отвечала тем, что ласково и по-женски заботливо любила тоже всех и каждого по-своему.

Она отчетливо знала, кого и как она любит. Не могла сказать этого только о Лопареве.

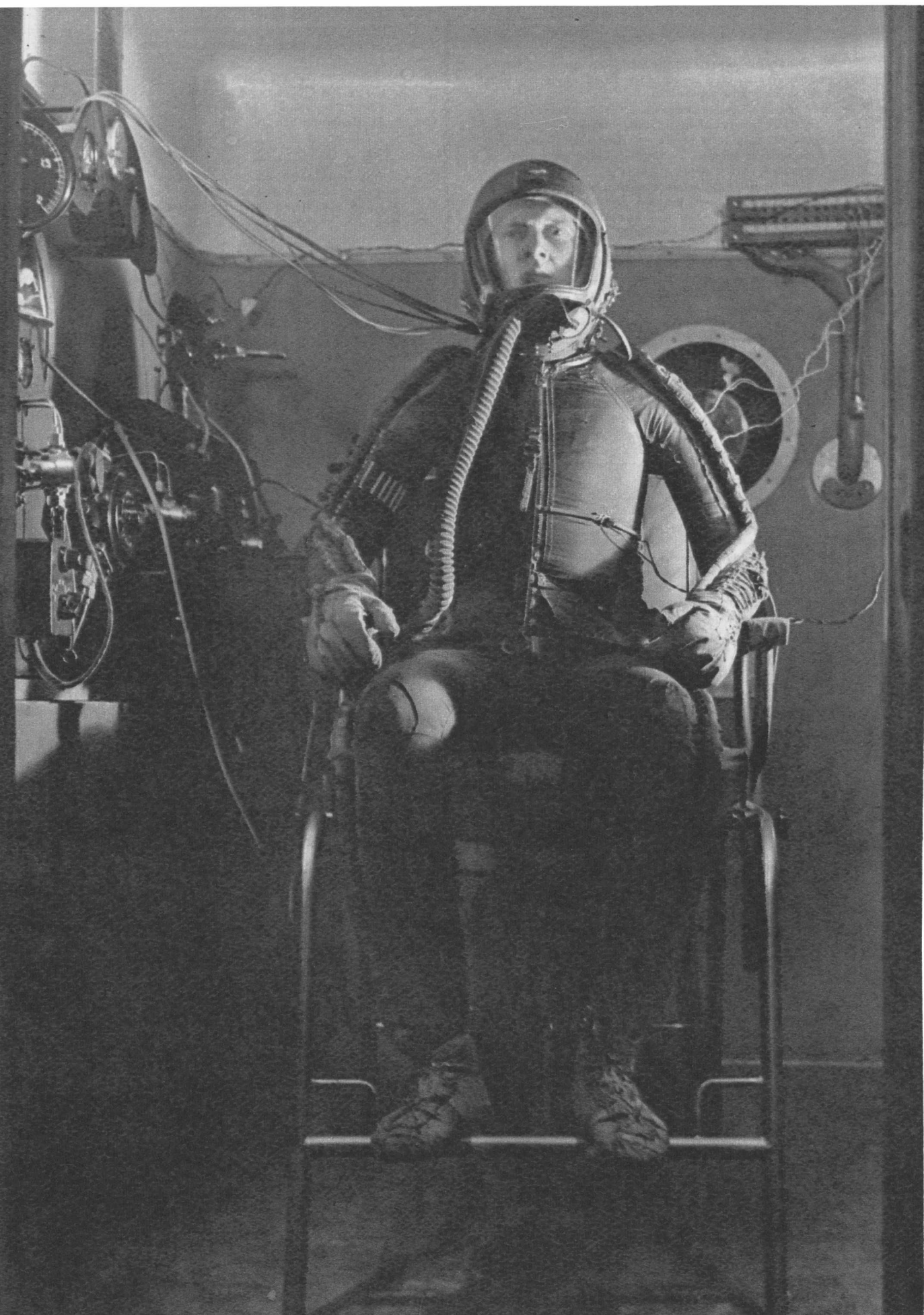
Лопареву ей хотелось в чем-то подчиняться, хотелось, чтобы он шел куда-то вперед своим быстрым и размашистым шагом, а она бы торопилась за ним. Хорошо, если бы ей было трудно за ним успевать, так трудно, что Лопарев стал бы помогать ей: вел бы ее за руку, как маленькую девочку. Такие были у нее незатейливые, но волнующие мечты...

И еще Онежка думала, что открытие — это, должно быть, вовсе не конец чего-нибудь, а начало, начало новых, едва возникших, не совсем еще ясных, но уже сильных желаний...

НА ПОРОГЕ БОЛЬШИХ ВЫСОТ

А. ГОЛИКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Справедливо считается, что дальность и скорость полета самолета находятся в тесной зависимости от высоты. На большой высоте, в стратосфере, самолеты могут развивать огромные скорости, их маршруты не зависят от метеорологической обстановки. По этой и по ряду других причин авиаторы всех стран мира пытаются поднять «потолок» самолета, проложить путь в верхние слои атмосферы.

В борьбе за высоту успешно участвуют советские летчики. Уже в 1935 году известный летчик Владимир Коккинали установил рекорд подъема на высоту на серийном отечественном самолете. Он поднялся на 14 575 метров над уровнем моря. Недавно летчик-испытатель Владимир Ильюшин достиг рекордной высоты в 28 852 метра над уровнем моря.

Завоевание больших высот летчикам обеспечивают своей плодотворной работой советские ученые.

...За массивными дверями меня встречает кандидат медицинских наук Модест Иванович Ванар.

— Пойдемте в лабораторию, — приглашает он. — Там испытывается специальный костюм для подъема на большие высоты.

По дороге Модест Иванович говорит о трудностях, стоящих на пути проникновения человека в верхние слои атмосферы. Большие, не решенные еще вопросы стоят перед учеными.

— Вот, в частности, — говорит Модест Иванович, — низкое барометрическое давление. Известно, что точка кипения воды понижается с уменьшением барометрического давления. Тело человека на восемьдесят процентов состоит из жидкости, а уже на высоте в девятнадцать тысяч метров атмосферное давление столь низко, что вода закипит при нормальной температуре человеческого тела.

— И что же тогда?

— Сейчас увидите.

В лаборатории меня подводят к барокамере — стальной комнате с круглыми иллюминаторами вместо окон. Мощные насосы выкачивают из нее воздух, «поднимая ввысь» подопытное животное — маленькую беленькую собачку. Вдруг собачка толстее, на глазах увеличивается в объеме, как резиновая игрушка.

— Смотрите сюда, — говорит Модест Иванович.

На экране рентгеновского аппарата я вижу, как кожа животного отделяется от тела на несколько сантиметров.

— Барометрическое давление так низко, что у животного закипела вода, содержащаяся в тка-

Старшая лаборантка З. А. Арапова укрепляет на А. Грачеве датчики регистрирующей аппаратуры.

← Заданная высота достигнута.

нях, и кровь,— объясняют мне,— и ее пары отслаивают кожу.

Опыт окончен. Дверь барокамеры открывается, и, к моему великому удивлению, собака как ни в чем не бывало выскакивает и с апетитом съедает честно заработанный кусок колбасы.

— Явление кипения проходит для животного безвредно, если длится очень недолго,— говорит Модест Иванович.

— Человек на большие высоты поднимается в герметических кабинках,— продолжает Модест Иванович,— и в специальных костюмах. Сейчас вы это увидите.

«Подниматься» в верхние слои атмосферы будет Алексей Грачев.

Грачева одевают в защитный костюм, плотно облегающий тело, на голове у него герметический шлем.

Человек стал похож на какого-то фантастического марсианина; он занимает свое место в барокамере. Массивная стальная дверь закрывается; теперь человек связан с внешним миром только переговорным устройством. Гудят моторы.

Грачев «отрывается» от «земли» и устремляется в суровую область больших высот.

Модест Иванович внимательно следит за стрелкой альтиметра, время от времени спрашивая у Грачева о самочувствии.

— Хорошее,— следует неизменный ответ.

— Хорошее,— следует неизменный ответ.

Цыганка благополучно вернулась из «полета».

Защитный костюм надежен. Он все сильнее обтягивает тело Грачева, давит на него, компенсируя таким образом уменьшение атмосферного давления. Заданная высота достигнута. По команде Грачев встает с кресла, двигается по барокамере. Чувствует он себя по-прежнему хорошо. Это подтверждают приборы, фиксирующие деятельность его сердца, дыхание, кровяное давление и другие физиологические функции.

Воздух с шумом поступает в барокамеру. Стрелка альтиметра ползет в обратную сторону, происходит «спуск». И вот Грачев уже «спустился» на «землю» и покидает барокамеру — кусочек стратосферы, созданной человеком.

— Подготавливая средства, обеспечивающие жизнь на больших высотах,— говорит Модест Иванович,— надо всегда помнить о так называемой взрывной декомпрессии. Представьте себе, что человек в герметической кабине поднимается на большую высоту. И вдруг герметизация кабины нарушается. Барометрическое давление в кабине уравнивается с наружным; это может произойти быстро, почти мгновенно, уподобляясь взрыву. Это и есть взрывная декомпрессия. Ей подвержены и живые организмы. В частности, человек. Воздух, находящийся в легких, в желудке,

Научный сотрудник В. А. Смирнов дает перед «полетом» последние указания.

в придаточных полостях, с силой вырывается наружу и может причинить травму.

Мы переходим в другое помещение. Здесь стоит как бы кабина самолета, сделанная из стали. Это декомпрессионная барокамера.

Алексей Белоконов в защитном костюме и герметическом шлеме садится в кабину. Модест Иванович ставит перед ним стакан с водой и герметически закрывает фонарь, сделанный из бронестекла. По команде герметичность кабины нарушается. С помощью специального устройства барометрическое давление в ней моментально падает до ничтожного. Вода из стакана с силой взлетает вверх. Белоконов улыбается: защитный костюм хорошо предохраняет его от действия взрывной декомпрессии.

Длинный коридор приводит меня в лабораторию ускорений. Здесь тихо урчит мотор, быстро вращая металлическую раму. На ее конце, головой к центру вращения, на спине лежит Иван Качур. Возле пульта управления, следя за приборами и стрелками секундомера, стоит научный сотрудник Эдуард Ваагнович Маруханян.

Ускорения, возникающие при полете на самолете,— говорит Эдуард Ваагнович,— создают весьма значительные перегрузки. Для защиты от них следует принимать специальные меры.

Перегрузка, вызываемая ускорением, выражается как бы в увеличении веса тела человека, его внутренних органов. Так, например, при семикратной перегрузке кровь становится тяжелой, как железо. Сердцу не хватает силы, чтобы послать ее к головному мозгу. У человека нарушается зрение, он теряет сознание. С прекращением действия ускорения зрение и сознание возвращаются.

— А как же бороться с перегрузками?

— Помогает тренировка на центрифуге. Вот, например, Иван Качур,— указывает Эдуард Ваагнович на атлетически сложенного человека,— может переносить весьма значительные ускорения.

Иван Качур одет в какой-то необычный костюм с резиновыми камерами, расположенными в области живота, бедер, голени.

— Что это за одежда? — спрашиваю я.

— Специальный противоперегрузочный костюм. Давление воздуха в камерах предотвращает смещение внутренних органов, улучшает условия кровообращения, облегчает работу сердца.

— А как же будет в дальнейшем? Ведь скорости полета самолетов непрерывно возрастают.

— Этот вопрос еще не разрешен окончательно. К. Э. Циолковский, например, предлагал для защиты от воздействия ускорений помещать человека в жидкость. Ведь если куриное яйцо поместить в банку с водой и сильно ударить

по банке, то яйцо не разобьется. Это подтверждает и опыт с животными. Помещенные в жидкость, они переносят колоссальные перегрузки, достигающие тысячекратного размера, действующие непродолжительно.

— В результате многочисленных опытов,— говорит в заключение Маруханян,— уже можно с достаточной определенностью сказать, что человек в состоянии перенести ускорения, вызываемые очень большими скоростями полета.

Четырехногие испытатели. Цыганка уже одета, Мишку готовят.

В тот вечер мы много говорили о том, что цеха наших заводов и фабрик, оснащенные первоклассными машинами, нередко имеют неказистый вид, что унылые, серые тона без всяких на то оснований завладели производством, что с ними как-то уже свыклись и часто принимают как должное.

— А это великое зло — серый цвет! — восклицала директор института О. В. Спасская. — И он укротился, врос в наш производственный быт лишь потому, что никто не показал людям, как с ним бороться. Мы решили сделать это. Мы решили создать специальные проекты!..

В тот вечер впервые я услышал о проектах красоты. Мы говорили о том, какими должны стать наши заводы и фабрики, говорили о влиянии цвета на настроение людей, на производительность их труда.

Я уходил из института «Оргстанкинпром» с радостным ощущением, будто присутствовал при рождении большого и очень важного дела. Ведь всего несколькими часами раньше, на техническом совете, после ожесточенных споров наконец решилась судьба проектов. Их будут готовить. Руководителем работ назначен В. А. Нижегородцев, тот самый инженер, который, пожалуй, яростнее других спорил со Спасской. Он доказывал, что не время сейчас наводить красоту в цехах, что страна ждет не проектов красоты, а проектов новых машин, новых поточных линий.

— Жили мы без этих проектов и еще проживем! — запальчиво говорил инженер. — Цвет! Тональность! Что это, дело первостепенной важности?!

Инженер Нижегородцев до сих пор занимался организацией рационального производства машин. Он планировал цеха и размещал оборудование так, чтобы работало оно наиболее производительно, чтобы на обслуживание машин и станков рабочий тратил минимум времени. И вдруг инженера оторвали от дела, которому он посвятил многие годы, которое знает досконально, и поручили новое, совершенно неизвестное. Отрывали сейчас, когда его опыт и знания так нужны! Правильно ли это?

И тут мне вспомнился старый слесарь завода «Фрезер» Михаил Белов. Он собирал точный прецизионный станок. На дворе стоял яркий, солнечный день, а в цехе было темно, мрачно. Белов приладил к станку переносную электрическую лампу. Щурясь от напряжения, рабочий вглядывался в циферблаты приборов. Там дрожали тоненькие, как волосок, стрелки. Белов поднял на меня покрасневшие глаза, чертыхнулся и отправился за второй лампой. Вскоре он вернулся, волоча за собой длинный резиновый шланг с проводом.

— Еще бы не было темно! — недовольно бурчал слесарь. — Глядите, как все покрашено. Станки серые, верстаки черные, стены вообще не поймешь какие. Даже ящики для стружки, и те потемней покрасить норовят. Чтобы грязь незаметней была. Все хорошо. — Он вздохнул, осторожно, двумя пальцами вытянул из кармана пачку «Беломора», ловко зубами выхватил папироску, чиркнул спичкой. — Небось, свои комнаты поцветлей красят... Белов пустил клубок дыма.

ПРОЕКТЫ

красоты

Евг. ТЕМЧИН

— Не знаю, правда ли, нет, говорят, на авиационном заводе верстаки у слесарей беленькие, как лебеди, станочки салатные, стены желтые, маслом покрашены. Чисто, светло, красиво. Нам бы такое! Чтоб душа на работе отдыхала! — Он сказал это с сердцем.

И, возвращаясь из института «Оргстанкинпром», я пожалел, что инженер Нижегородцев незнаком со слесарем Беловым. А тот, в свою очередь, и не догадывается, что столичный институт в ближайшие дни начнет осуществлять его мечту. Возможно, не все будет выглядеть в точности так, как на авиационном: и верстаки не будут походить на белых лебедей, и стены покрасят не в желтый цвет, и станки не в салатный... Инженеры, раз они уже взялись за дело, найдут нужные тона, изучат влияние цвета на нервную систему человека, на его настроение, производительность труда. Они пойдут и дальше. Ведь проекты красоты имеют в виду не только краски, но целый комплекс разнообразных новшеств, коренным образом меняющих весь облик заводов.

Мы встретились с Нижегородцевым спустя несколько месяцев. Он только что возвратился из поездки по новостройкам Минска. Инженер был там не один. Вместе с ним на будущих заводах побывал художник Ястржембский. Они привезли эскизы цехов.

— Идемте, покажу! — воскликнул Нижегородцев и потащил к своему столу.

Там я впервые увидел заводы будущего. Станки, вычерченные Нижегородцевым в аксонометрии и раскрашенные Ястржембским, выстроились цепочкой. Нежно-зеленые и яркие, как майская листва, они четко выделялись на светлом коричневом полу. Подвиж-

ные части были окрашены в желтый цвет, а места для смазки — в красный. Светлые колонны, светлые стены будто раздвигали своды цеха, делали его просторнее, выше. Обычных для заводов темных тонов здесь не было. Грязноватый серый цвет исчез (оказывается, он поглощает до семидесяти процентов солнечных лучей). Радостный, солнечный вид имели цеха, изображенные на эскизах. Вот голубые могучие прессы (не серые, а именно голубые, под цвет неба!). Вот подъемные краны, желто-черные, полосатые, как шлагбаумы, с ярко-красными крюками.

— Зачем углы цеха выкрашены белой масляной краской? — поинтересовался я.

Нижегородцев усмехнулся.

— Это, если хотите, психологический цвет. Вряд ли у кого-нибудь появится желание завести свалку в таком углу или бросить окурки. Белый цвет не позволит.

Мы разглядывали эскизы так называемых «бытовок» — душевых, раздевалок. Всюду светлая облицовочная плитка, все сияет.

— Рабочий сможет придти на завод в любом костюме, — говорил инженер. — Смотрите: перед тем, как пройти в этот цех, он идет в комнату для переодевания. Здесь у каждого свой шкафчик. В нем оставляют свою одежду и идут через душевую вон в ту комнату. Здесь тоже индивидуальные шкафчики для спецовок. А кончится смена, рабочий примет душ и наденет свой костюм.

Все новые и новые эскизы ложатся на стол. Светлые тона, идеальная, прямо-таки лабораторная чистота!

— Дорого обойдется все это?

— Какое там! — машет рукой Нижегородцев и придвигает ко мне расчеты.

Оказывается, стоимость всех оформительских работ совсем не намного превышает ежегодные ассигнования, отпускаемые на содержание зданий и сооружений. Да и то превышает лишь потому, что нужно все заново перекрасить, навести чистоту, а затем останется лишь поддерживать эту чистоту.

Еще не раз мы встречались с руководителем проекта старым инженером-механиком В. А. Нижегородцевым и членами его бригады инженерами В. С. Кирдиным, Т. А. Комаровой, художником П. Б. Ястржембским. Они много ездили по заводам страны, отбирали там лучшее для своих проектов. И появлялись все новые и новые детали: душевые, как на московском «Станколите», туалетные кабинки в цехах, как на Коломенском тепловозостроительном, питьевые фонтанчики, как на Минском станкозаводе...

Они без конца спорили. В какой цвет окрашивать фонари? Каковы должны быть полы в литейном цехе? А в механическом? Какие тона больше подходят для стен кузницы, а какие для инструментального? Когда спор заходил в тупик, Нижегородцев сгребал со стола эскизы и отправлялся к третьей инстанции, большому специалисту в области цвета, доктору медицинских наук профессору Е. Б. Рабкину.

Допоздна просиживал Нижегородцев в лаборатории профессора. Проекты красоты становились все совершеннее.

Незадолго до июньского Пленума ЦК КПСС «Оргстанкинпром» отдал на суд общественности один из своих проектов. В зале заседаний Московского подпольного завода собрались инженеры и рабочие. И когда главный инженер сдернул с одного из эскизов укрывавшую его дымчатую бумагу, — это был проект нового оформления прессового цеха, — кто-то ахнул, кто-то воскликнул: «Здорово!» И все бросились к столу, где лежала пачка эскизов.

А затем проекты красоты обсуждали и на «Фрезере», и на заводе низковольтной аппаратуры, и на автомобильном... И всюду просили об одном:

— Скорее заканчивайте ваши проекты!

Сегодня проекты красоты готовы. Они размножены типографским способом. Их начинают внедрять. Побывайте на «Фрезере», на подшипниковом, на заводе низковольтной аппаратуры, и вы увидите первые нежно-зеленые станки, черно-желтые, полосатые подъемные краны, стены, окрашенные в светлые, веселые тона...

Но кто будет осуществлять проекты? Разумеется, любой завод с радостью возьмется внедрять предложения «Оргстанкинпрома». Правильно ли, однако, это? Думается, нет. Настала пора совнархозам создать службы для благоустройства промышленных предприятий. Пусть они и станут поборниками красоты наших заводов и фабрик. Они смогут сосредоточить в своих руках всю необходимую технику. Это и позволит претворять в жизнь проекты института с наименьшими затратами средств.

Дело, начатое в «Оргстанкинпроме», большое, важное для всего народного хозяйства страны. Надо дать ему широкий ход.

Творцы проектов красоты художник П. Ястржембский, инженеры В. Нижегородцев и В. Кирдин.

Фото Р. Лихач.

Н. Е. Рачков [1825—1895]. ДЕВУШКА В КОСЫНКЕ.

И. И. Шишкин (1832—1898). ТУМАННОЕ УТРО. 1885 год.

Г. И. Семирадский [1843—1902]. ТАЛИСМАН.

Из гущи народной...

Вс. ПИМЕНОВ

У каждого талантливого художника есть в творчестве своя главная тема. В ней и раскрывается его дарование с наибольшей полнотой и силой.

Такой ведущей темой для народного артиста СССР С. И. Папова стал характер русского человека во всем его величии, характер человека, представляющего родной народ, главные народные черты и свойства.

И если бы даже Сергей Папов, воронежский актер, сыграл на сцене всего лишь одну-единственную роль, показав зрителям колхозного председателя Ивана Буданцева в одноименной пьесе В. Лаврентьева, то мы и тогда должны были бы испытывать горячее чувство благодарности, так полно и могуче доносит артист обаяние воплощаемого им характера. Именно русского. Именно советского. Именно нынешнего...

Удивительная, поистине богатая сила заложена С. И. Паповым в этот образ. Его Иван Буданцев — обыкновенный колхозник. И в то же время этот обыкновенный человек — необычайный, заслуживающий преклонения. Сама история воплотила в нем свое героическое начало. Это борец и строитель.

Он немолод и нездоров: годы войны и суровых лишений, трудности восстановления, семейные неурядицы — все понемножку берет свое. Но Буданцев, каким его играет Папов, щедро, размашисто, не жалеючи отдает себя людям, свои силы, мысли, время, внимание...

Исполнение роли Буданцева принесло С. И. Папову заслуженное признание и в столице, где Воронежский театр с успехом гастролировал летом прошлого года.

Артист углубил драматургический замысел автора пьесы. Он увидел и передал в облике своего Буданцева не просто лучшие черты современного колхозного руководителя, но позволил зрителям ощутить красоту нового, коммунистического сознания. Окрыленным, ясным и вместе с тем очень простым видим мы Ивана Буданцева, который всю свою жизнь, все помыслы свои отдал народу, партии. Он строит новую деревню, как прекрасный сад. Люди — труженики села — будут жить здесь красиво и счастливо...

Приближая эту жизнь, торопя ее, Буданцев, каким его показывает актер, не жалеет своего пе-

ретруженного сердца. Он одержим мечтой и ей подчиняет все свое человеческое бытие...

Пьеса Лаврентьева кончается смертью героя. Но не скорбь, не отчаяние оставляет этот финал в сердце зрителя, а высокое волнение. Оно чем-то сродни тому чувству, какое появляется у зрителей «Оптимистической трагедии». Хотя, спору нет, и эпохи различны и пьесы несравнимы. А все же остается радостное и взволнованное ощущение, что вот опять вдруг приоткрылось нам на сцене что-то очень большое, очень важное: душа народа, судьба народа...

Биография самого актера напоминает многие созданные им образы.

Сергей Иванович Папов родился в крестьянской семье в 1904 году. Родиной его была деревушка Ильино, близ старинного волжского города Кинешмы. Детство мальчика прошло на великой русской реке. Он рос среди замечательных людей — неустанных тружеников, да и сам работал не покладая рук, как все крестьяне. Любил песню. Очень хорошо пел сам... И до сего времени Сергей Иванович в тесном кругу друзей нет-нет да и потрясет стариной: заведет звучным, бархатным баритоном свою самую любимую, «Есть на Волге утес»... А иногда, загрустив, вспомнив что-то далекое, проникновенно исполнит полуречитативом душевный «Вечерний звон»...

С. И. Папов и по внешнему виду русский богатырь. Его увидишь — и невольно залюбуешься: высокий, плечистый, с широкой грудью и крепкими, сильными руками. Но не только великолепные природные данные и могучее здоровье определили такой завидно красивый человеческий облик... Труд! Простой физический труд — постоянный спутник жизни Сергея Ивановича.

Еще в детстве и юности Сергей познал нелегкий труд земледельца. В молодости он был рабочим лесосплава, потом электромонтером... Позднее, уже играя в театре, Папов научился водить трактор. Само собою разумеется, он умеет управлять автомашиной и теперь в свободное от спектаклей время мчит на своем быстром «Москвиче» за десятки километров от Воронежа провести вечер в колхозе имени Сталина, Калачеевского района. Здесь у Сергея Ивановича мно-

жество друзей. Он шефствует над колхозной художественной самодеятельностью.

Привязанность к самодеятельному искусству у Папова искренняя и давняя.

— Ведь я и сам из самодеятельности произрос, — охотно сообщает актер.

Еще будучи школьником, он участвовал в самодеятельном кружке и даже пробовал режиссировать: ставил спектакли по пьесам Островского. И тогда и позже он был блестящим спортсменом. Вот она откуда, закалка «физического аппарата», удивительная пластичность движений.

Юношей Сергей Папов пришел в рабочую театральную студию Ивановского пролеткульта. Окончив студию, несколько лет работал в Ярославле. А с 1934 года обосновался в Воронеже.

Здесь окрепло и развилось его актерское мастерство. Может быть, оно и созрело именно благодаря этому удивительному постоянству, достойному всяческого уважения.

Папов, став крупнейшим, признанным мастером профессионального театра, до сих пор не порывает связей с народным самодеятельным искусством. Он оказывает огромную и вдохновенную помощь рабочему теат-

ру клуба ВОГРЭС, который теперь именуется народным театром.

Постоянное общение с народным театром приносит Папову, как он сам говорит, неисчислимую «духовную прибыль» и доставляет ему подлинное гражданское удовлетворение.

Можно не сомневаться, что именно кровная, нерасторжимая связь артиста с жизнью советских людей — строителей коммунизма, связь удивительно органичная и потому особенно прекрасная, способствует тому, что художник всегда умеет придать своим героям глубокие жизненные приметы.

Разнообразна галерея русских характеров, созданных Паповым. Здесь герои горьковских и чеховских произведений, а также царь Петр из трагедии И. Сельвинского «От Полтавы до Гангута», здесь и новые люди: негибаемый большевик Шульга из «Молодой гвардии», Годун из «Разлома», лукавый Швандя из «Любови Яровой», Братишка из «Шторма», бесстрашный разведчик Кузнецов из «Сильных духом» и многие другие характеры, глубоко национальные, самобытные.

С. И. ПАПОВ.

Фото Б. Кузьмина.

Стихи о природе

Александр ГОВОРОВ

* * *

ЛЕСА

В сосновый бор слетелись совы,
Забились в темноту ветвей.
А в сером небе рвутся снова
Косые клинья журавлей.

Вонзаясь в небо, клин пронесся,
Клен вспыхнет, лишь рукой
заденъ.

Чтобы согреться, держит осень
Костры горящими весь день.

ГРАЧ

По борозде шагает грач
За трактором весь день,
И прыгает за ним, как мяч,
Не отставая, тень.

Грача грачиха дома ждет
И четверо грачат,
Он червяков им отнесет
И вновь летит назад.

— Ох, много,— молвит,—
много деп.
И тень несется вскачь.
Не от работы почернел,
А от заботы грач.

Леса, леса!
Эй, вы, леса!
Могучие,
дремучие,
Леса стоят
над кручами,
под кручами
сыпучими.
И кроны —
вровень с тучами,
как волны,
тихо плещутся,
все шепчут —
не нашепчутся.

Леса стоят —
еловые,
сосновые,
кленовые...
Я вас люблю
в любой красе,
душою всей
и телом всем,
и каждую кровиночкой
от дуба —
до травиночки.

В Подмосковье

Николай ТРЯПКИН

ПЕСНЯ О ВЕСЕЛОМ ЗАМОРОЗКЕ

Иду молчком по улице,
А осень под воротами,
А осень под воротами,
А ночь темным-темна.
Сегодня все бухгалтеры
За хлебными расчетами
Все счетами да счетами
Стучали допоздна...

Вдохнули трубы зимние,
Надели шапки дымные,
Взывают гуси дикие
К высоким облакам.
Цветет рябина спелая,
Хрустит капуста белая,
Морозные бубенчики
Играют по утрам.
Гуляй теперь с винтовочкой,
Да шубку назапашечку,
Да шубку назапашечку,
Поглядивай окрест:
И где какая звёрушка,
И где какая пташечка,
И где какая тропочка,
И где какой присест.

Леса у нас нечастые:
Все вытнички ольховые,
Все кусточки лозовые,
Бредняк да можжевель.

Кати, земляк, за бревнами,
Газуй, шофер, за дровнями,
Гони в лесную сторону,
Покуда спит метель!

Иду по чуткой улице,
А льдинки под воротами,
А льдинки под воротами
Играют, как струна.
Сегодня наши девушки
Постукивают ботами,
Постукивают ботами
У мерзлого окна.

* * *

Жгут ботву на огородах,
Запахнулись избы в гарь.
В лозняке по всем проходам
Жарко пышет киноварь.
Ой, сентябрьские хоромы!
Ключья пуха на ветру...
Машет крыльями солома,
Залетает ко двору.

Вижу: прямо через грядки
Парень дроги припустил.
Чу! Про близкие осадки
Репродуктор извещил.

А за речкой лен расстелен,
Точно рыжие холсты.
И с чего-то заскрипели
Все прибрежные кусты.

Интервью
«Огонька»

РЫЦАРИ

Я. СЛОБОДСКОЙ,
кандидат технических наук

Мне по роду работы часто приходится бывать на предприятиях, где не все обстоит благополучно с техникой безопасности. На одном из химических заводов я зашел в цех по производству ядовитого порошка против насекомых, небезызвестного ДДТ. Мне бросилось в глаза, что при самом входе в цех на столике стоял обыкновенный будильник, накрытый стеклянным колпаком. Я поинтересовался у начальника цеха, почему дешевенькому будильнику оказана честь, которой удостоиваются обычно драгоценные хронометры. Мне объяснили, что в цехе во время химического процесса выделяются газы, которые разъедают металл, и опыт показал, что часы, если их не прикрыть колпаком на резиновой подкладке, через три—четыре недели остановятся.

— А вы как?
— Мы люди привычные! — с оттенком гордости ответил инженер. Что касается привычки, то инженер сказал чистую правду. Только привычка эта шла оттого, что здесь притерпелись к просчетам в конструкции агрегата, к огрехам при изготовлении узлов, к халатности неаккуратных монтажников и, наконец, к нарушениям эксплуатационного режима. Вот и ставят теперь будильник под стеклянный колпак.

Подобных «рыцарей стеклянного колпака» нет-нет да и встретишь среди конструкторов, проектировщиков и инженеров.

Совсем недавно я присутствовал на техническом совете Гипрохима. Обсуждались пять вариантов расширения производства суперфосфата на Воскресенском химическом комбинате. Авторы каждого проекта пытались превзойти своих соперников по многим показателям: по производительности, по экономичности, по

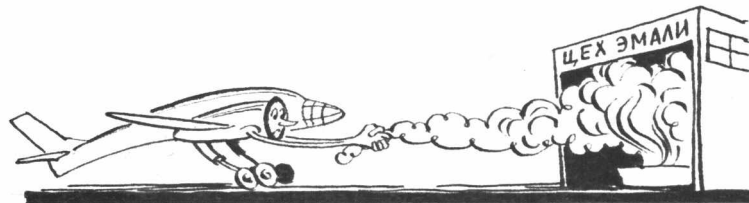
все меры. К проектам не придираться.

Я вовсе не склонен обвинять проектировщиков института в том, что им безразлично здоровье людей, которым придется трудиться в новых цехах Воскресенского комбината. Но ведь не случайно на июньском Пленуме ЦК КПСС отмечалось: «Некоторые руководители предприятий, работники проектных, конструкторских и научно-исследовательских институтов при разработке и внедрении новой техники стремятся получить только увеличение выпуска продукции и упускают не менее важную цель — рост производительности и облегчение труда рабочих...»

А ведь надо признать: порой, к сожалению, мы забываем, что повышение производительности труда, приближающее нас к коммунистическому обществу, неразрывно связано с улучшением условий труда.

Советское государство, как ни одно другое, тратит огромные средства на облегчение и оздоровление труда рабочего человека. Достаточно привести две цифры: в период между XX и XXI съездами КПСС на эти дела израсходовано более 22 миллиардов рублей. Только по предприятиям Москвы за 1958 год на охрану труда было истрачено около 250 миллионов. Да и не найдется у нас такого проектировщика или конструктора, который мог бы заявить, что его проект не принят потому, что в нем предусмотрены чрезмерные затраты на улучшение условий труда. Наоборот, известные другие случаи, когда государство вынуждено расходовать большие суммы денег, исправляя ошибки проектировщиков, которые запомнили, что на их машинах будут работать люди.

Совсем недавно один проект-

технологии, по качеству продукции, по пропускной способности... Да таких «по» можно перечислить десятки! Но одно «по» не принимали в расчет ни докладчики, ни оппоненты: по какому из пяти вариантов легче и безопаснее станет труд рабочего?

Когда я высказал конструкторам претензию на этот счет, они расценили ее как проявление моего технического невежества.

— Уж мы-то знаем, — заявили они, — как будут придирааться к нашим проектам пожарные, санитарные и прочие инспекции! Так что в этом отношении приняты

ный институт разработал и предложил московскому Краснопресненскому заводу лаков и красок новую рецептуру матовой эмали. Проектировщики (не будем это слово брать в кавычки из уважения к авторитету института) предусмотрели изготовление эмали в открытом аппарате. В массу, в которой происходит реакция и которая содержит фенол, вещество весьма ядовитое, рабочий вручную должен заливать крепкий раствор аммиака, кстати сказать, не отличающегося приятным запахом. При этом помещение цеха заполняется парами фенола и

СТЕКЛЯННОГО КОЛПАКА

аммиака в таких концентрациях, что, пожалуй, только реактивный двигатель с самолета «ТУ-104» способен отсосать смрад от рабочего места. Если все же вентиляционная установка такой мощности была бы поставлена, то вместе с парами ядовитых веществ из цеха вытащило бы и самого рабочего.

Я предвижу возражения проектировщиков: закрытая система подачи сырья в реактор сложна и дорого стоит.

Что касается сложности, то существуют же сажевые заводы, на которых работают люди в белых халатах. Там вся сажа находится в системе вакуума, под разрежением. И если у одной из труб образуется «течь» и к этому месту приблизится человек в белоснежном халате, то не сажа попадет через щель на халат, а пыль с халата будет унесена через щель в сажу.

Мой коллега, специалист по вентиляции, побывав недавно на предприятиях Одесского совнархоза. Местные товарищи похвально, что только для улучшения вентиляции на предприятиях города они израсходовали за год около семи миллионов рублей! А после обследования этих вентиляционных систем выяснилось: почти все деньги выброшены на ветер. Ошибку проектировщика не удастся исправить даже ценою миллионов рублей.

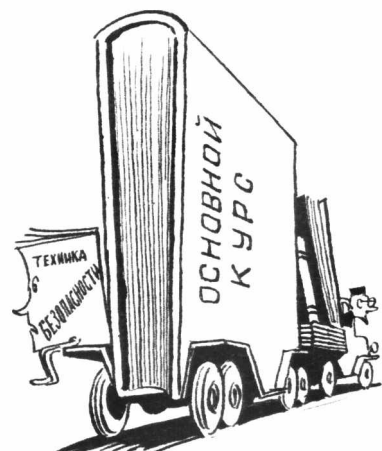
В чем же дело? Откуда вдруг у некоторых наших талантливых конструкторов и проектировщиков, обладающих большими техническими и научными знаниями, появляется девичья забывчивость, когда дело доходит до условий, в которых должен трудиться человек?

Загляните в любой технический вуз и поинтересуйтесь: какое место в учебной программе занимают вопросы охраны труда? Курс по технике безопасности является каким-то принудительным доведением к основным дисциплинам. В учебниках вопросам охраны труда в лучших случаях уделяется несколько последних страниц. Бытует даже мнение, что конструктору и проектировщику необходимо знать основы по технике безопасности лишь для того, чтобы не попасть впросак перед соответствующей инспекцией.

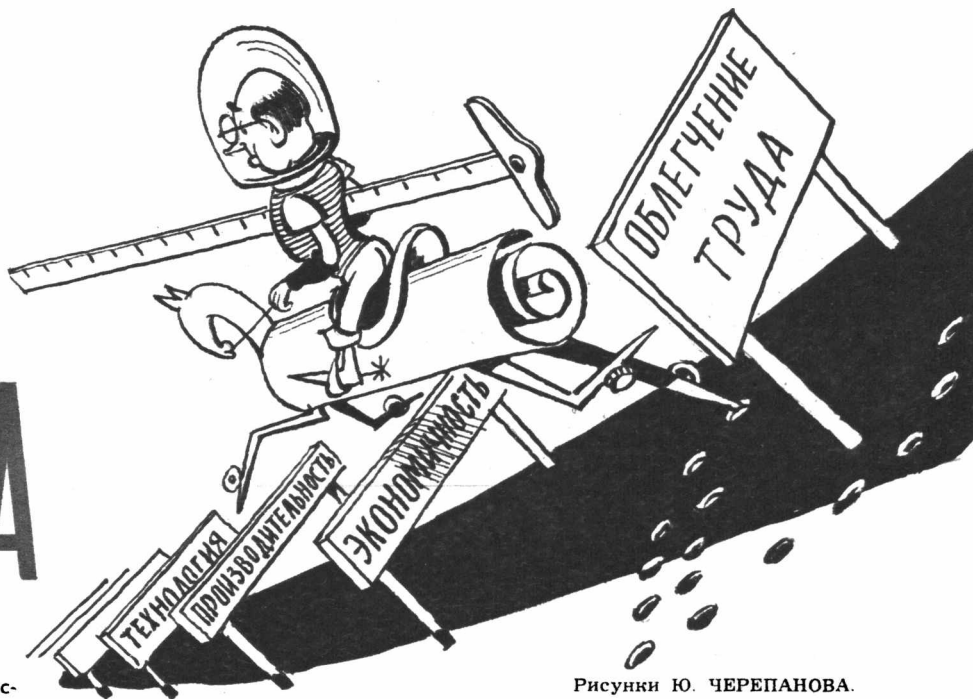
Вот я держу в руках учебник «Технология основного органического синтеза». Госмиздат только что выпустил его. Предназначен он для людей, которым придется иметь дело с такими процессами, как получение синильной кислоты и нитрилов, фторирование углеводородов, — все это такие производства, с которыми надо уху держать остро. И что же: в учебнике, насчитывающем 528 страниц, ни одной строчки не посвящено технике безопасности.

На охрану здоровья советских людей наше государство не

жалеет средств. В штатном расписании каждого советского предприятия предусмотрены должности работников по технике безопасности. Почему же эти

работники часто оказываются не на высоте? Вы можете представить, чтобы дежурным на пляже — а вдруг кто-нибудь тонуть начнет! — назначили человека, который... не умеет плавать? Во Всесоюзном научно-исследовательском институте охраны труда, где я работаю, часто проходят подготовку будущие старшие инженеры и начальники отделов по технике безопасности — на каждом из наших предприятий есть такая должность. Однажды мы поинтересо-

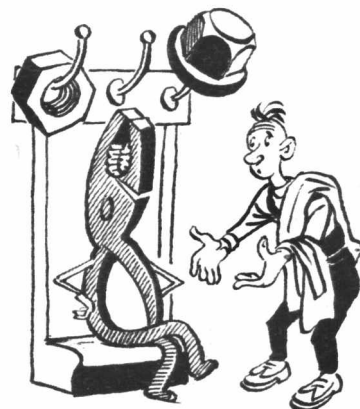
Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

вались, кого прислали к нам на переквалификацию. Даже среди тех курсантов, у которых в анкете значилось — «образование высшее», мы нашли окончивших вузы... юридические, театральные, торговые, экономические и прочие, никак с техникой не связанные.

Это очень показательно для характеристики отношения иных руководителей предприятий к охране труда рабочих. К сожалению, встречаются еще хозяйственники, которые не понимают, что человек, его здоровье, его удобства в быту и на производстве, условия его труда в нашей стране выше всего.

Знаю я, например, один завод. Что касается людей, проектировавших этот завод, то к ним нельзя предъявить особых претензий — они позаботились о создании хороших условий труда. Но вот руководители предприятия, видимо, сочли, что проектировщики перестарались, и заняли душевые под кладовые, раздевалки под «инструменталки». Рабочему негде переодеться, помыться. Думается мне, что если на этом заводе себестоимость продукции почти в четыре раза выше, чем предусмотрено проектом, то причину надо искать и в душевых и в раздевалках.

В нашей стране есть теперь все для мощного прогресса техники, который, как сказал В. И. Ленин, говоря об электрификации, «сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чи-

стые, светлые, достойные человека лаборатории». На пути к такому прогрессу нам иногда попадают этикие «рыцари стеклянного колпака». Думается, что у советской общественности, в частности у профсоюзов, хватит сил, чтобы преодолеть этот заслон.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

В Ленинградском зоологическом парке от жирафов, доставленных в 1956 году из Южной Родезии, 2 сентября этого года родился жирафенок. Размножение жирафов в неволе не частое явление. В отечественных зоопарках это первый случай за всю их столетнюю историю.

Жирафенок родился очень крупным. Он хорошо сформирован и весьма активен: через два часа после рождения он уже ходил, а через шесть часов пытался смешно подпрыгивать и бегать по вольере, что ему, впрочем, не всегда удавалось.

Новорожденный оказался самцом. Его назвали Лотос. Семья жирафов выставлена для обозрения.

На снимке: жирафенок с матерью через два часа после рождения.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Фото Ю. Левковича.

ДИТЯ

НЕГРА

Уильям ДЮБУА

Уильям Эдуард Бургарт Дюбуа (род. в 1868 году) — замечательный американский ученый, писатель, публицист, мужественный борец за мир. В 1959 году ему присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Ниже печатается глава из его книги «Души черного народа».

Фото А. Хорас.

«У тебя только что родился сын», — звучал в моих ушах дивной музыкой клочок пожелтевшей бумаги, который туманным октябрьским утром плясал передо мной. Страх и радость мешались во мне. Я беспрестанно спрашивал себя: какой он, на кого похож, какие у него глаза? Какие у него волосы, кудрявые или нет?.. Я был переполнен также чувством боязливой почтительности при мысли о матери, давшей с риском для собственной жизни из самых глубин своего существа жизнь нашему сыну. Я спешил к своей жене и своему ребенку, все время полувопросительно твердя этот рефрен: «Моя Жена и мой Ребенок! Моя Жена и мой Ребенок!»

Быстрее морского судна и локомотива, все более и более охватываемый лихорадочным нетерпением, не замечая ни городской суматохи, ни судорожных волн моря, скованного набережными Беркшир Хилса, господствующими над протоками Массачусетса, я спешил к моей Жене и моему Ребенку.

Я бежал, прыгая через четыре ступеньки, и наконец оказался в комнате, где лежала еще очень бледная после перенесенных страданий мать и около нее дитя. Вот она, святая святых жизни, где мать приносила себя в жертву, давая новую жизнь!.. Новорожденный — этот крохотный бесформенный комочек — плакал, взывая к неведомому миру. Мне показалось, что он состоит только из головы и голоса. Охваченный любопытством и все возрастающей тревогой, я поднял его, увидел моргающие глазенки и услышал, как он дышит и чихает.

Я не почувствовал тогда никакого волнения. Я не сумел почувствовать и любви к нему. Но зато ее — мою жену и его мать — о, как я любил ее! Казалось, она вся сияет какой-то новой, неизреченной славой, славой преображенной женщины, ставшей матерью, как сияет встающая из тьмы заря нового дня.

Через свою любовь к ней пришел я к другой любви. Я проникся любовью к этому маленькому комочку, который день ото дня все более принимал форму маленького человека. Я стал прислушиваться к его щебетанию, к его крикам и едва рождающимся словам, намекам на слова, начал присматриваться к проблеску жизни, сверкавшему в его зрачках. Каким прелестным стало для меня дитя! Темно-оливковый цвет кожи, золотистые пряди волос, глаза — смесь синего-синего с карим, руки и ноги, такие крошечные и такие стройные, все тело уди-

вительно мягкой красоты и гармонии, столь великодушно дарованных ему африканской горячей кровью.

Я гордо носил его по дорогам родного негритянского Юга, окидывая смущенным взглядом красноватые и теплые земли штата Джорджия и его столицу, сдавленную в глубине между своими ста холмами. Я мысленно вопрошал: почему его волосы были золотистого цвета? Почему я всегда боялся волос такого цвета? Почему они всегда казались мне дурным предзнаменованием? Почему карий цвет его глаз не затмил синий? Почему? Разве у его отца и деда не были глаза темно-каштанового цвета? Вот так в негритянском гетто я увидел впервые зловещую тень траурной Завесы, омрачившей едва распутившуюся жизнь моего ребенка.

Он был рожден здесь, внутри этого гетто и за Завесой, и здесь надлежало ему жить — Негру, сыну и внуку Негра. Учить эту маленькую головку гордости преследуемой и притесняемой расы — не горько ли это? Заставлять его ловить маленькими пухлыми ручонками надежду, близкую к отчаянию, — не безумно ли это? Научить его видеть глазами, обращенными ко мне с вопросом, эту страну, где свобода недоступна неграм и является ложью, — не больно ли это? Я видел тень Завесы, развевающейся над моим сыном, и холодный, бездушный город, воздвигнутый на земле, покрасневшей от нашей крови. Я прижимался лицом к личику сына и показывал ему рождающиеся звезды и мерцающие светила, лучи которых пробивались сквозь тьму. Я пытался скрыть свою неясную тревогу в спокойных песнях, которые пел своему малышу.

Так он рос, крепкий и сильный, до краев переполненный впечатлениями, волнуемый той неписаной мудростью жизни, которую ему подсказывал его восемнадцатимесячный опыт. Я и жена — мы были близки к обожанию этого изумительного откровения божественного начала жизни. Вся жизнь матери проходила и строилась теперь вокруг жизни ребенка. Он окрашивал каждую ее мечту и смягчал каждую из ее горестей. Только ее руки могли касаться его и ухаживать за этим юным тельцем. Он носил только те одежды, которые ему шили нежные руки матери. Только она одна знала, как увести его в страну грез и сновидений, и оба они говорили между собой на неизвестном и никому не понятном нежном языке, объединявшем их в своеобразном и неразрывно-слитном союзе. Случалось и мне иногда оставаться с ним. Я ощущал его юную силу, проверяющую мои силы и испытывающую себя на моих вытянутых руках. И я уже мысленно видел, как свершается дерзновенная мечта моих черных предков и побеждает злые силы старого мира. Из глубины Завесы слышал я, как голосом моего сына звучат новые предсказания над миром.

Так всю осень и долгую зиму мечтали мы, любили и строили планы о светлом будущем. Затем пришли знойные весенние дни с ветрами, несущими с собой зловонное дыхание залива. Как бы в легком ознобе затрепетали поблекшие розы, и все еще безжалостно палящее солнце задрожало в своем ослепительном свете над холмами Атланты.

Однажды ночью маленькие ножки долго с легким шорохом колотили стенки кровати и ручки судорожно сжимались и разжимались. Голова младенца металась по подушке. Так мы увидели, что подкралась болезнь и накинута на нашего крошку. Десять дней — быстро пролетевшая неделя и три бесконечно длинных дня — лежал он пластом, с часу на час теряя силы. В первые дни мать весело ухаживала за ним, отвечая спокойно на улыбки, еще пробегавшие в его взоре. Целыми днями неслышно хлопотала она у кровати, где угасал наш ребенок. Улыбки исчезли в глазах малыша, и страх притаился в складках детской постели.

Дни казались бесконечными, а бессонные ночи были полны безотчетного ужаса. Радость и сон безвозвратно ушли. Еще и теперь я слышу этот голос — Голос, зовущий меня из тьмы ночи и кричащий в самое ухо: «Тень Смерти! Тень Смерти!»

...Часы мигали. Ночь чутко ловила каждый звук. Страшный рассвет проскользнул в эту тьму, как старая ветошь, попавшая в круг бледного света угасающей лампы. Мы одни спасали свое дитя. Проткнулись его огромные глаза нам обоим, и худые ручонки протянулись навстречу. Опустив голову, мы не могли произнести ни слова.

А вечером, когда отяжелевшее от всех людских страданий и горя солнце скрылось за холмами, он умер. Затихли порывы ветра, и деревья, огромные деревья, которые он так любил, стояли неподвижно. Я видел, как он дышал учащенно и затем вдруг перестал. Душа нашего сына покинула нас, как падающая звезда покидает небо, скользнув во тьме вселенной и оставив на долгие, долгие годы свой свет. Следующий день был, как все предыдущие. Деревья доставали своими вершинами до наших окон, и трава, как и раньше, в свете восходящего солнца сверкала тысячами разноцветных огней. И лишь в комнате — отныне навеки одна — плакала осиротевшая мать...

Я ничего не скрываю и ничего не приукрашиваю. Я люблю работу и не боюсь ни жизни, ни ее борьбы, какой бы острой и напряженной она ни была. Я не привык робеть перед грозой, ни даже перед внушающей всем неграм ужас Завесой. Но слушай меня внимательно, Смерть! Неужели моя жизнь недостаточно тяжела и без того? Неужели эта тесная зона, раскинувшая повсюду свои страшные сети, недостаточно холодна? Неужели и мир, притаившийся за этими стенами,

недостаточно беспощаден! И потому понадобилось, чтобы еще и ты, ты, Смерть, пришла в мое бедное жилище?

Я слышу, как грохочет вокруг меня буря, слышу ее дикие вопли, слышу, как стонет обезумевший от страха лес. И какое мне дело до всего этого мира, когда в моем собственном доме... Тебе что, было завидно, Смерть, что появился уголок, где поселилось счастье? И тебе нужно было его уничтожить, Смерть?

Он был счастлив, мой мальчик, счастлив жить, любить и быть любимым. Его редкие слезы делали жизнь еще краше, еще мягче, как мягко летнее утро на берегах Гудзона. Все любили его. Женщины целовали его золотистые кудри. Мужчины любили смотреть в его глаза, дети прибегали полюбоваться им.

Я вижу его перед собой изменчивым, как небо, смеющимся звонким смехом при виде строго нахмуренных бровей, шаловливым, жадно интересующимся окружающим его миром. Он понятия не имел ни о какой цветной проблеме, и даже Завеса, хотя она уже покрыла его своей злобещей тенью, еще не затемняла для него солнце. Он одинаково любил и белую швею и черную няню. В его крохотном мире люди не различались еще ни по цвету кожи, ни по одежде. Я стал, как и все на свете в таких случаях, чище и добрее от общения с этой маленькой жизнью. Его мать, все еще видевшая его перед собой и после ухода его из жизни, сказала однажды:

— Ему там будет лучше. Он любил красоту.

И я, не знавший ничего о потустороннем, ослепленный узостью существования, границами моей вселенной, повторял:

— Если он еще существует и находится там, если существует это там, сделай так, чтобы он был счастлив, Отец!

В день его похорон было много солнца и птиц. Были и пение и аромат тысяч цветов. Деревья склонялись к траве и шептались с нею. Но дети молчали. Этот до ужаса реальный день казался нам нереальным, лишь призраком Жизни. Мы шли вниз по нашей безвестной улице позади огромной массы белых цветов со смутным ощущением какого-то пения в ушах. Город жил своей обычной суетливой жизнью вокруг нас. Проходящие мимо люди не замечали нас, занятые своими заботами. Белые ничего не говорили или почти ничего. Даже не глядя на нас, они видели все и ворчали:

— Негры!

Мы не могли похоронить его у нас, в штате Джорджии: здесь слишком красная земля. Мы обязаны были отнести его дальше, на Север, со всеми цветами, с видневшимися из-под них крохотными ручками, сложенными крестообразно. И все это напрасно, напрасно... Потому что, господа, где мог бы спокойно спать черный малютка, если не в твоём огромном синем небе? Если не там, где царят Уважение, Доброта и где свободна Свобода?..

Весь этот день и всю следующую за ним ночь моим сердцем владела горькая радость. Ах, не сердитесь на меня за то, что я вижу мир в таком черном свете, сквозь полотнища этой черной Завесы! Еще и теперь я говорю себе иногда:

— Он не умер, не умер. Он спасся, он не привязан больше навеки к земле, он свободен.

Никогда никакая низость не может больше коснуться его сердца. Никогда не было и не будет ни одного упрека, который мог бы омрачить его безоблачное детство. И не безумно ли было бы желать оставить его с нами, здесь, где он был бы задушен и раздавлен Завесой? Ведь я должен был бы знать, что в глубине его глаз уже отражался неведомый ему мир, который он видел из своего тесного и ограниченного Близкого. Разве не была уже в его манере поднимать голову та самая гордость, которую я пытался воспитать в его сердце? Прекрасно, мой мальчик! Людям не удалось и никогда не удастся ни сломить твою гордость, ни отдалить твой идеал и сделать его для тебя недоступным, ни научить тебя ползать и пресмыкаться. Прекрасно, мой мальчик! Лучше уж эта ужасающая пустота, превратившая мою жизнь в сплошную цепь страданий!..

И снова тщетны все слова и уговоры самого себя. Он сумел бы нести свое горе мужественнее, чем мы с матерью. Он облегчил бы и наше горе. Потому что иначе не может быть, ведь это еще не конец. Придет же наконец великий день, когда разорвется Завеса и пленники станут свободными. Этот день придет не для меня: я умру в цепях,— он придет для тех, кто не знал ночи и проснулся уже утром.

Они узнают время, когда о трудящемся человеке не будут больше спрашивать: «А он белый?» И спросят: «Что он умеет делать?»

Они узнают время, когда об артисте не будут больше спрашивать: «Он черный?» Но спросят: «Он талантливый?»

Это произойдет в один прекрасный день. Теперь уже скоро, скоро, после долгих и томительных лет ожидания. Едва слышный, с трудом различимый голос, рожденный в гетто, по ту сторону Завесы, неотступно твердит мне: «Ты, ты должен быть предшественником этого будущего!»

И я без сожаления приемлю все прошлое и настоящее. Приемлю и мирюсь со всем, кроме гибели этого маленького существа, нашедшего вечное успокоение в построенном мной жилище, само представление о котором так нелепо сочетать со Смертью.

Если уж действительно было нужно, чтобы кто-то ушел, то почему это был не я? Почему не мог я уйти на покой и должен постоянно пробуждаться к мучительной действительности? Разве Мир и Время не принадлежали ему, моему мальчику?

...Любовь и Нежность бодрствовали над его колыбелью, и Мудрость искала случая поговорить с ним тайно. Я уверен, что теперь он постиг глубокий смысл Любви, и ему нет необходимости учиться Мудрости в житейском понимании слова.

Спи спокойно, мое дитя, спи!

Я тоже скоро усну.

Но скоро, скоро голоса детей и шорох миллионов идущих ног, раздирающих Завесу, разбудят нас, и мы восстанем, восстанем!

Перевод Н. Сулье.

ВЫШЕ ОСЕТИНСКИХ ГОР

Николай ТИХОНОВ

15 октября 1959 года исполняется сто лет со дня рождения Коста Хетагурова. Основоположник осетинской литературы, выдающийся сын своего народа, огромный поэтический талант, он родился в суровом, полном дикой поэзии селении Северной Осетии — Нар.

Кругом него стояла не только тишина пустынных гор, как бы закрывавших выход для человека, живущего в каменном уединении, вдали от настоящей, большой жизни. Кругом была первобытная тишина примитивного уклада, старых обычаев, тишина задушенного насильем грубых властей маленького свободолюбивого народа.

Эти мрачные горы, ревушие на дне их потоки, развалины башен напоминали о богатырях-нартах, носителях древней свободы, о дремлющих в народе силах и вместе с тем о его трагедии.

С первых своих литературных и общественных выступлений Коста Хетагуров обнаружил необычную широту взглядов, выступая не только от имени всех народов Северного Кавказа, но и от имени всех борющихся за правду и справедливость. Он и в стихах был тенденциозен в самом высоком смысле. Недаром он написал в стихотворении «Завещание»:

Прости, если отзвук рыданья
Услышишь ты в песне моей:
Чье сердце не знает страданья,
Тот пусть и поет веселей.

Коста Хетагуров прожил жизнь, полную трудностей, страданий и бедствий всякого рода, но он забывал свои переживания, видя страдания народа.

«Я не играю беспечно стихом!» — восклицал он, и его замечательная книга «Ирон Фендр» («Осетинская лира») прямое тому доказательство. Счастье народа, свобода, вера в будущее, борьба за лучшее в человеке — вот основные мотивы его стихотворений, впервые в осетинской поэзии прозвучавшие с такой вдохновенной силой.

Некрасов был особенно близок Хетагурову. Лермонтов привлекал его красочностью романтического стиха, и в стихах Хетагурова эту родственность лермонтовскому стиху мы тоже ощущим как естественную, поскольку для одного Кавказ был темой сердца, а для другого, прирожденного кавказца, — родным с детства.

Традиции народного эпоса глубоко проникли в творчество Хетагурова. Его стихотворение «На кладбище» так же торжественно и эпично, как нарские сказания.

Его поэма «Фатима» пережила десятилетия и совсем недавно экранизирована и тепло встречена самым широким зрителем.

Обладая разносторонними талантами, Коста Хетагуров был и прозаиком и драматургом (ныне ставится его пьеса «Дуня» на русской и осетинской сцене), был театральным деятелем, способствовавшим развитию осетинского театра, талантливым художником, чьи произведения хранятся теперь в осетинском музее, горячим публицистом, смело говорившим о языках современного ему общества, выступавшим в защиту народных интересов, и неутомимым общественным деятелем.

Сегодня произведения Коста Хе-

Государственное издательство детской литературы к столетию со дня рождения К. Хетагурова подготовило к печати сборник рассказов «Наш Коста». Рассказы написаны осетинскими литераторами Т. Джатиевым, М. Цагараевым, С. Джанаевым и Д. Джисоевым. Иллюстрировал книгу молодой осетинский художник Заурбек Абоев. Здесь публикуется три его рисунка.

тагурова переведены на многие языки, широко известны. Сегодня праздновать его юбилей будет и маленький преобразованный Нар, и вся Осетия, и весь Кавказ, и весь Советский Союз, потому что его имя стало достоянием всенародным. Его поэтический голос, светлый ум, сильный характер — пример для современного молодого поэта. Его разносторонность в духе нашей эпохи, эпохи открытий, преобразований земли и человека, эпохи революции и торжества справедливости. Мы узнаем в Коста черты характера советского человека. Так далеко шагнул он за пределы своего времени потому, что взгляд его был направлен в будущее. Он смотрел выше вершин осетинских гор и видел многое, чего не видели современники.

Вот почему к нему можно отнести написанные им стихи:

Твое бессмертно будет имя,
Сто жизней прожил ты земных,
Делами добрыми своими
Большую башню ты воздвиг.

И эта башня переживет все древние каменные башни, потому что она создана вечно живым, вдохновенным словом!

На арке написано: «Свободная жизнь».

После завтрака.

Вешалка для кружек.

Галстук должен быть завязан по форме.

СВОБОДНАЯ

Б. БУРКОВ,

член правления Общества советско-венгерской дружбы

Фото автора.

В каждой стране есть свои примечательные уголки. В Венгрии спрашивают: «Вы видели Балатон? Нет еще? Тогда считайте, что вы у нас не были».

Заранее надо сказать, что мы любовались красотой озера Балатон и потому можем взять на себя смелость утверждать, что побывали в Венгрии. Но разговор пойдет не о Балатоне. По дороге туда мы остановились в одном селении, вот о нем и расскажем. В трех километрах от города Секешфехервара мы подъехали к воротам с аркой, на которой издали видны были слова «Свободная жизнь». Так крестьяне назвали свое коллективное хозяйство, созданное в 1950 году.

До этого мы уже заезжали в два других села, но в правлениях кооперативов не застали никого: все были в поле. В одной деревне у озера Веленце нам в сельсовете так и сказали: до вечера никого не ждите. Но в «Свободной жизни» помощник бригадира овощной бригады Харгитон Фридеш обрадовал нас, сказав, что председатель кооператива где-то недалеко — у скотных дворов.

— Упусти вы еще две минуты, и я был бы в поле, — улыбнулся, крепко пожимая нам руки, председатель, высокий с голубыми глазами человек. Он уже было поставил ногу на подножку своего мотоцикла.

— Значит, нам здорово повезло.

— Меня зовут Дюла Вереш, — просто, как-то по-домашнему сказал председатель «Свободной жизни». — Я немного говорю по-русски, был в вашей стране, хорошо знаю ваших людей.

Дюла Вереш до 1956 года работал здесь агрономом, потом крестьяне избрали его председателем кооператива. В Будапеште на сельскохозяйственной выставке кооператив завоевал 19 грамот — за высокие показатели продуктивности хозяйства, за устойчивые доходы. В дни контрреволюционного мятежа никто не ушел из кооператива: коллективный труд пустил глубокие корни не только в экономику крестьянского хозяйства, но и в человеческие сердца.

В кооперативе 72 семьи, земли около 800 гектаров. Доходы кооператив получает не только от пшеницы, кукурузы, овощей. Молочный скот, свиньи, птица приносят немалую выгоду.

Свиноферма в верных руках. Яношу Шювегешу 63 года, но он не собирается бросать ферму, хотя мог бы прожить и без работы: дети у него взрослые, получили образование. Старый свинарь с гордостью рассказал нам, что у колхозников высокие заработки, на жизнь роптать не приходится. Бывшие батраки построили себе

хорошие дома, развели садики. Просто не верится, что до освобождения приходилось ютиться в жалких халупах и бараках...

Крестьяне, как и все труженики Венгрии, готовятся к большому, торжественному народному празднику — 15-летию освобождения их родины Советской Армией от фашистского рабства.

Готовятся к празднику и дети. У станции Фонёдлигед, на озере Балатон, мы познакомились с шумной, дружной семьей ребят из кооперативов области Тольна. Здесь они разбили свой палаточный городок и отдыхали группами по 80—100 человек.

Пестрые палатки раскинулись в живописном лесу. Дети сами подготовили и распланировали территорию для кооперативного лагеря. Тут были большие палатки, были и маленькие, на двух жителей. Юного хозяина одной такой палатки и запечатлел наш фотообъектив.

Председатель кооператива уже собрался уезжать в поле...

В тот день дежурным по лагерю был Эндре Хоферчик. Он с серьезным видом поинтересовался: каких гостей имеет честь встретить?

Гости прибыли немножко не вовремя: пионеры были поглощены разнообразными хозяйственными делами. Правда, прошло две — три минуты после того, как ребята узнали о приезде советских друзей, и все мальчики и девочки явились встречать нас в полном параде. Вожатая лагеря, педагог Каталин Кембер, лично помогла дежурному Эндре лучше завязать галстук.

В лагере полное самообслуживание: пионеры сами готовят обед, накрывают на стол, убирают посуду. Для кружек они соорудили импровизированную вешалку. У каждого своя, по росту; взрослые ребята заняли самые верхние колышки.

Стоит посмотреть на лица пио-

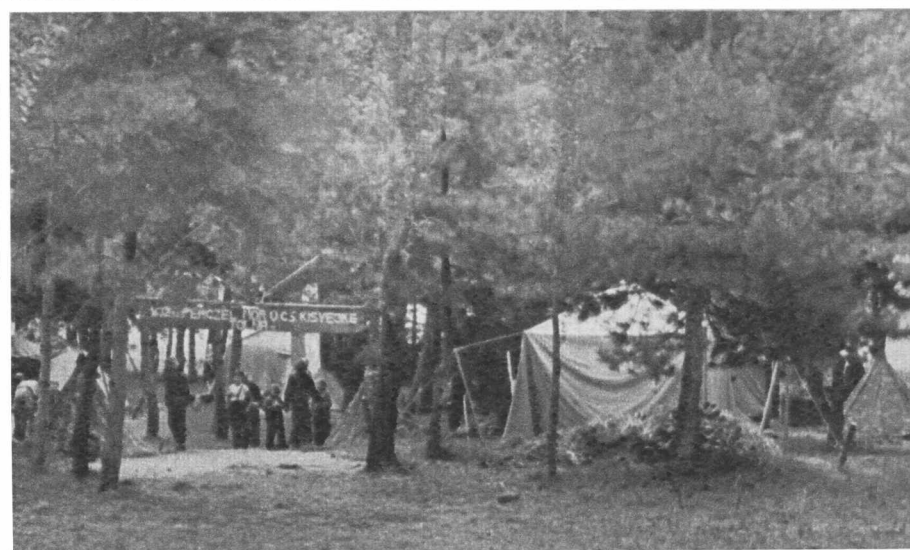
Мы счастливы!

ЖИЗНЬ

неров, чтобы убедиться, как они жизнерадостны, энергичны, трудолюбивы.

Утром прощалась с лагерем группа пионеров из кооператива «Свобода». Их вожатая, директор

школы Яношнэ Фаркаш, с большой теплотой рассказывала нам о своих учениках. Они хорошо учатся, помогают кооперативу, выполняют общественные поручения.

Лагерь сельских пионеров.

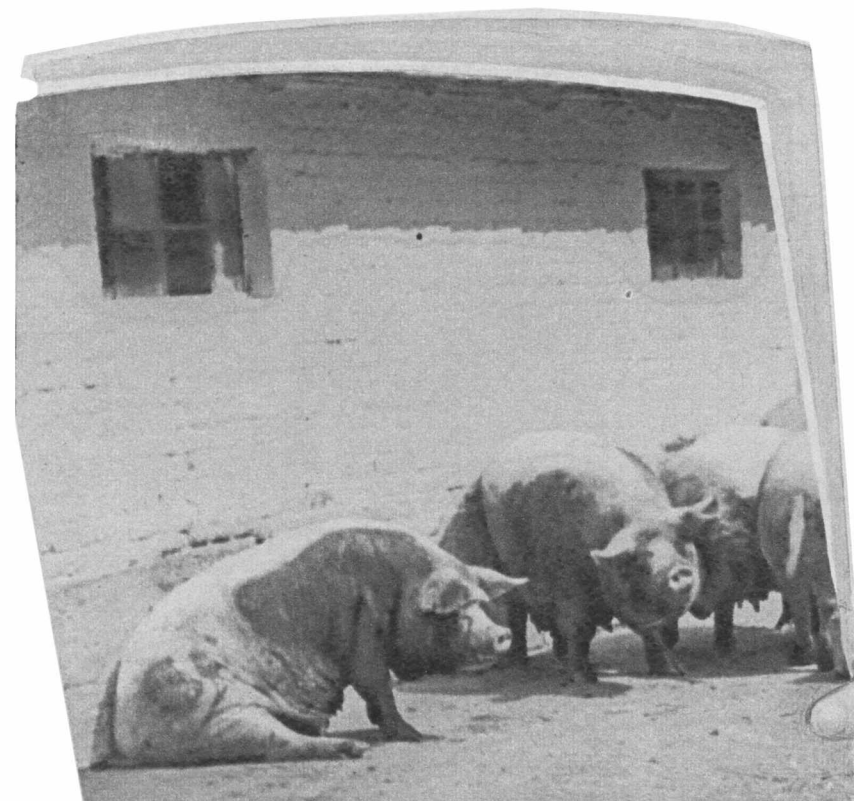
Не успели гости спросить, какие песни любят пионеры, как девочки дружно запели песенку «Рано утром». Мальчики не отстали от них.

— Едут, едут! — раздался голос у ворот лагеря. Поднялся радостный гомон.

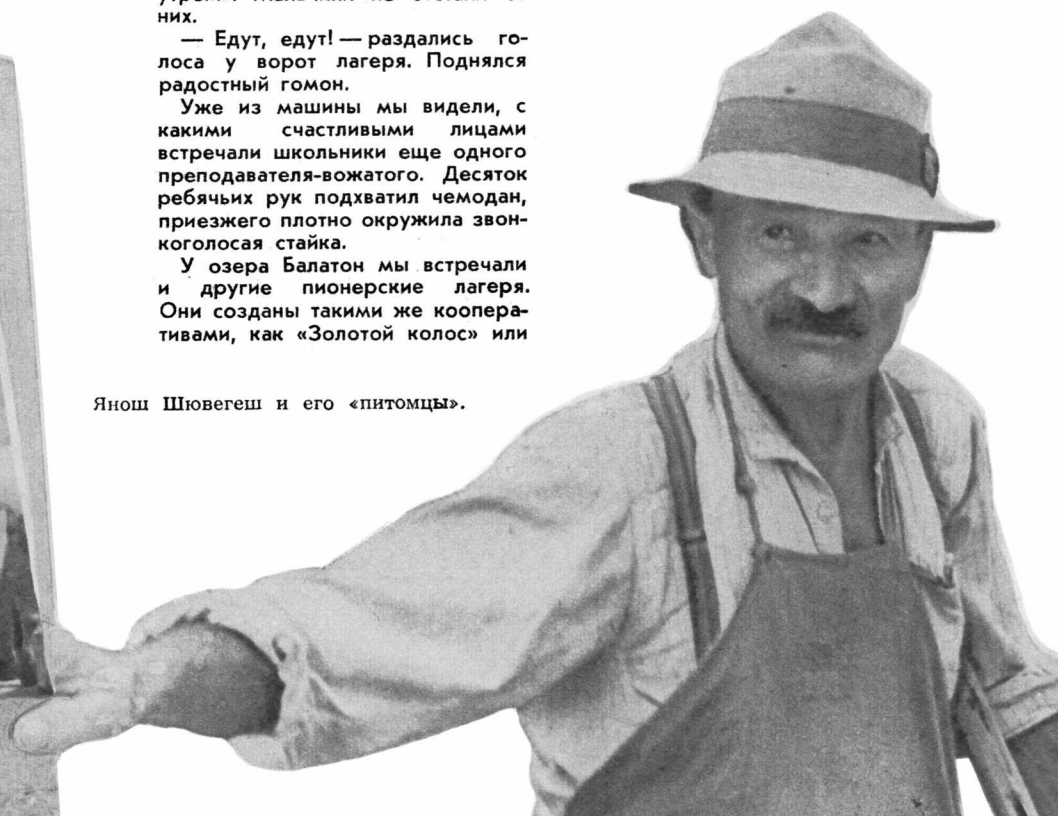
Уже из машины мы видели, с какими счастливыми лицами встречали школьники еще одного преподавателя-вожатого. Десяток ребячьих рук подхватил чемодан, приезжего плотно окружила звонко-голосая стайка.

У озера Балатон мы встречали и другие пионерские лагеря. Они созданы такими же кооперативами, как «Золотой колос» или

«Свободная жизнь». Свободная жизнь! Хорошее имя! Настоящей свободной жизнью живет Венгерская Народная Республика.

Янош Шювегеш и его «питомцы».

НЕФТЬ

Словно гигантские змеи, извиваются нефтепроводы вдоль дорог.

Вас. ЧИЧКОВ

Фото автора.

И вот шестицилиндровый голубенький «Мерседес-Бенц» несет нас по асфальтированной дороге от столицы на юг, к знаменитой реке Ориноко. Дорога бежит среди джунглей, плотной зеленой

саванны. Широки они, как море, лишь изредка встретишь здесь невысокую пальму... Есть в саваннах что-то от нашего степного раздолья, и на язык даже песня просится: «Степь да степь кругом, путь далек лежит...»

— За последние сорок лет облик нашей земли изменился, — говорит один из провожатых, большоголовый, невысокого роста человек с черными усами. — Раньше в саванне пасся скот, наливалась соком пшеница. А теперь, видите, колючая проволока!

Колючая проволока делит землю на гигантские квадраты — нефтяные концессии. За проволокой, куда ни кинешь взор, — ряды черных металлических «баланси́нес» — насосов-качалок. Людей возле них нет. Электрический мотор крутит валик, и тяжелое коромысло, качаясь, выбрасывает из земли все новые и новые ведра нефти. От «баланси́нес» нефть идет по трубам к широкогорлым нефтепроводам, которые, словно гигантские змеи, извиваются вдоль дороги, унося нефть в порты Карибского моря.

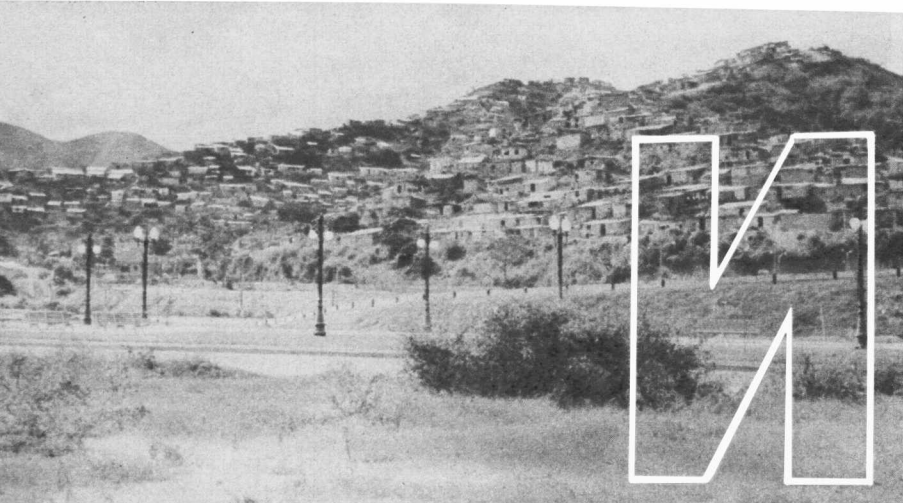
В мире нет, вероятно, страны более богатой нефтью, чем Венесуэла. Нефть здесь сочится сквозь землю, как вода на болотном лугу. В окрестностях озера Маракайбо — центра нефтяной промышленности страны — можно встретить нефтяные реки и нефтя-

ные озера. Кончится у грузовика с дизель-мотором горючее — шофер возьмет ведро, черпнет черной жидкости в реке, выльет в бак и едет дальше...

В Маракайбо мы приехали в полдень, когда термометр показывал 45 градусов жары. В эту пору улицы безлюдны, хотя в городе живет 300 тысяч человек. Город стал развиваться в последние 40—50 лет, когда американцы и англичане начали добычу нефти в этих краях. И это наложило отпечаток на его облик: рядом с убогими одноэтажными домишками ввысь вскинулись небоскребы, появились богатые отели, окруженные садами и фонтанами. Город залпан кричащей американской рекламой.

Местные жители называют американцев «нефтяными королями». Американцы живут здесь обособленно: у них свой городок, за высокой оградой которого разместились небольшие особняки, окруженные яркими цветами. У входа в городок круглые сутки маячит полицейский.

Есть в Маракайбо несколько городков, также принадлежащих американским компаниям. Живут здесь рабочие-венесуэльцы. Тут не увидишь садов и ярких цветов, зато бросаются в глаза длинные заборы из колючей проволоки. Когда нефтяники бастуют, хозяева компаний подсоединяют к колю-

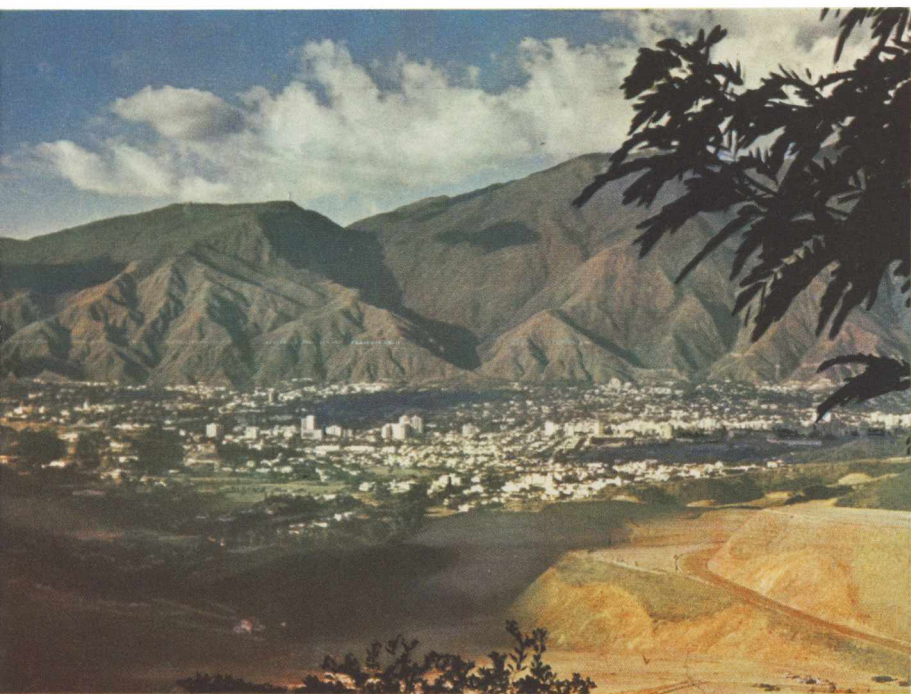
По склонам гор карабкаются домики рабочих поселков Каракаса.

МАРАКАЙБО

— Прежде всего вы должны посмотреть нашу нефть, — сказали мне венесуэльские друзья, когда я приехал в Каракас.

стеной подступающих к асфальту. Проехали километров двести, пейзаж начал меняться. Поредели джунгли, и среди могучих деревьев появились плешины желтых, выгоревших лугов. Затем начались

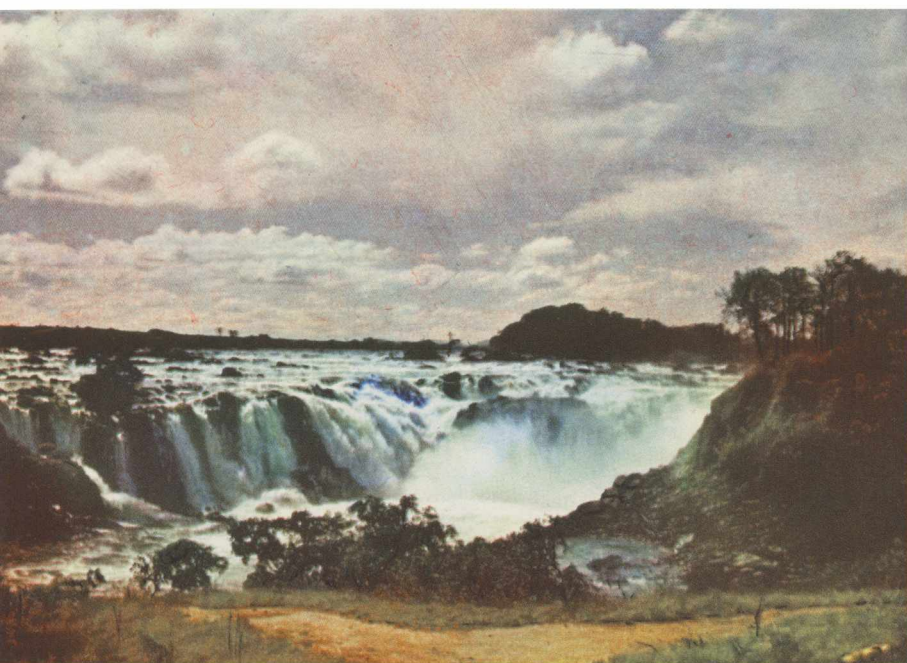

Каракас разместился в долине среди высоких гор.

ВЕНЕСУЭЛА

Фото В. Чичнова.

На этих порогах правительство строит национальную электростанцию Карони.

Девушка из индейского племени гуахино.

На базаре племени гуахино.

Рабочие-нефтяники. Их трудом создаются богатства Венесуэлы.

Озеро Маракайбо. Нефтяные вышки и трубопроводы изменили пейзаж этого тихого тропического уголка.

Контрасты Каракаса.

чей проволоке электрический ток, выключают в поселке воду и ставят полицейский у входов. Уже не раз таким образом американцы срывали забастовки. И поэтому сейчас один из лозунгов местных профсоюзов: «Убрать металлические заборы и колючую проволоку!».

После долгих поисков мои провожатые наконец нашли своего знакомого Армандо — молодого курчавого парня, работающего в местной газете. Вокруг нас быстро собрались журналисты, друзья Армандо.

— Приглашаю всех обедать к Рокфеллеру! — громко объявляет он.

— К... Рокфеллеру?

— Не бойтесь, не к миллиардеру, — шутит рядом стоящий журналист. — Рокфеллер, заработав на нашей нефти многие миллионы, сделал нам «щедрый» подарок: построил продовольственный и игрушечный магазины и ресторан. Вот их и зовут его именем.

...За столом разговор, конечно, зашел о нефти.

— Нефть принесла славу Венесуэле! — горячо кричит раскрасневшийся от обеда владелец какого-то обувного магазина.

— Верно заметили, — флегматично говорит сухощавый, бледный человек с острым, ястребиным носом. — Но вместе со славой нефть принесла несчастье нашему народу. Раньше у нас было сельское хозяйство, сейчас его нет. Было животноводство — исчезло. Только нефть да нефть, а она принадлежит иностранцам. Завтра снизят цены на нефть в Нью-Йорке — и у нас куска хлеба не будет.

— В общем, получилось так, — вмешивается в разговор Армандо, — нефтяная слава нам, а деньги — американскому дядюшке. В Маракайбо американцы владеют полутора миллионами гектаров земли, у них работает больше двадцати тысяч венесуэльцев. И все богатство нашей земли и труд наших людей уходят из Венесуэлы в Штаты, превращаясь там в звонкую монету.

Армандо порывисто вытащил из кармана записную книжку и, полистав ее, снова заговорил:

— Каждый рабочий-нефтяник в год добывает примерно 15 тысяч баррелей нефти, которые оцениваются в 38 тысяч долларов. Американцы платят рабочему 2 200 долларов в год. На труде каждого рабочего они наживают 35 800 долларов в год. Американские компании начали свои нефтяные дела в Венесуэле после первой мировой войны с капиталом в 100 миллионов долларов, а за последние семь лет «Креол петролеум корпорейшн» — филиал рокфеллеровской «Стандард ойл» — получила в Венесуэле миллиард долларов чистой прибыли. А вы говорите о нефтяной славе! — закончил свою взволнованную речь Армандо.

ИНДЕЙЦЫ ГУАХИРО

...Из города мы выехали рано, когда рассвет еще только чуть приподнял на востоке темное покрывало южной ночи.

Дорога идет вдоль побережья. Слева — джунгли, справа — редкие пальмовые перелески, сквозь которые проглядывают синие морские волны и парусники рыбаков. На обочинах кое-где сложены в кучу большие кокосовые орехи. У селения Парагуапо мы свер-

нули на пыльный, душный проселок. За одним из поворотов раскрывался индейский базар. Каждый понедельник живущие в округе индейцы собираются сюда, чтобы продать или обменять скот, шкуры, маис, различные плоды джунглей. Чинно сидят женщины в длинных ярких платьях. Лица их раскрашены черной краской, во рту толстые самодельные сигары. Мужчины в шляпах, рубашках навыпуск и набедренных повязках.

Очень трудно начать разговор с этими людьми, еще труднее фотографировать их. Фотоаппарат, словно жерло смертоносного орудия, вызывает недружелюбные выкрики и взгляды. Но вот один из моих провожатых, местный профсоюзный деятель, встретил знакомую торговку, знающую испанский язык. Мы присели около нее, и она стала рассказывать о жизни земляков.

Гуахиرو разводит скот, и в жизни людей скот играет большую роль. Хочешь жениться — посылай родителям невесты пять мулов, шесть козлов, две лошади. Умер близкий тебе человек — приглашай плакальщиц и давай им по большому куску мяса.

По законам гуахино, после того, как мужчина отдал выкуп за жену, она должна кормить мужа, растить детей. Все торговые сделки тоже совершаются женой.

— А много индейцев живет в этих краях? — обратился я к профсоюзному лидеру.

— Никто точно не знает. Говорят, десятки тысяч. Племя индейцев гуахино относится к более цивилизованным племенам. Возле границы с Колумбией живут индейцы салвахес. Всех, кто пытается проникнуть в те края, они убивают. Не зря на многих картах территория, где они живут, обозначена белой краской.

— Но разве нельзя приобщить к культуре и цивилизации жителей джунглей?

— Практически невозможно, — говорит профсоюзный работник, — потому что у нас нет денег для этого. Американцы наживают на нашей нефти миллионы, а нам оставляют гроши. Где уж нам думать о цивилизации и культуре!..

Быстро удлинились тени, раскаленный круглый диск солнца устало опустился за вершины гигантов-деревьев. Индейцы укладывали на мулов и ослы покупку и торопливо уходили по узким тропинкам в джунгли, где под крышей из пальмовых листьев — примитивный очаг, где за жизнь им нужно бороться так же, как это делали их предки сотни лет тому назад.

КАРАКАС

Однажды утром служащий отеля в Каракасе вручил мне письмо. Владелец столичной туристской компании Хосе Муньос писал: «Наша компания имеет многолетний опыт по обслуживанию туристов из разных стран. Если вам необходима экскурсия по Каракасу, мы можем предложить вам по скромной цене опытного гида и автомобиль».

Хозяин компании встретил меня как старого знакомого и тут же начал говорить мне «ты», «друг»; я ответил ему тем же. В Венесуэле эти обращения очень приняты, и в обиходе между горожанами почти не услышишь слова «сеньор».

Президент Венесуэлы Ромуло Бетанкур приветствует жителей Каракаса.

Назавтра в восемь утра у отеля стоял широкозадый «Додж», из которого приветливо улыбался гид, молодой человек лет двадцати пяти. Все началось, как на экскурсии: посмотрите направо, взгляните налево, обратите внимание на этот дом. Особенно запомнилось слово «супер», которое буквально не сходило тогда с языка усердного экскурсовода. Он показал мне супергостиницу Телесферико, супершоссеиную дорогу, суперпарк, суперресторан.

Откуда взялась вся эта сверхроскошь? Этому есть объяснение простое и в то же время грустное. На протяжении десятилетий, вплоть до 1958 года, в Венесуэле властвовали диктаторы и ставленники иностранцев. Бывший диктатор — генерал Хименес — расходовал более половины бюджета Венесуэлы на содержание государственного аппарата. Оставшаяся часть шла не на удовлетворение насущных нужд народа, а на строительство разнородных фешенебельных суперресторанов, отелей для иностранцев, ночных клубов для туристов.

Рабочие районы всегда оставались без внимания. Дома, слепленные из глины и строительных отходов, раскинулись амфитеатром на склонах гор, которыми окружен город. Здесь без света, водопровода, канализации живет более трети населения столицы.

— Мы как орлы: высоко, голодно и работы нет, — шутит старик, с которым я разговаривал однажды в продовольственной лавке. — В городе сто тысяч безработных, а многие из тех, кто работает, получают лишь по 12,5 боливара в день. Воду продают бидонами; бидон стоит один боливар. А вы думаете, его хватит на день?

После разгрома диктатуры городские власти объявили борьбу против бедности рабочих окраин, и, конечно, чем быстрее будут ликвидированы эти пороки тяжелого прошлого, тем приветливее и краше станет облик венесуэльской столицы.

«ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СВОБОДУ ТОЖЕ НУЖНО ЗАВОЕВЫВАТЬ»

— Если хочешь, я тебя познакомлю с вождем национальной буржуазии Венесуэлы, — сказал мне журналист Эрнани Портокарро во время одной торжественной церемонии в конгрессе.

Он подвел меня к человеку лет шестидесяти, с очень живыми черными глазами.

— Алехандро Эрнандес, — коротко отрекомендовался тот.

Я знал, что популярность Эрнандеса родилась после 1958 года,

когда венесуэльский народ сбросил ненавистного диктатора Хименеса. Именно тогда Эрнандес заявил, что народ, свергнув диктатуру и завоевав политическую свободу, обязан продолжать борьбу и за свободу экономическую. Этот лозунг подхвачен народом.

Диктаторский режим оставил тяжелое наследство. Внутренний государственный долг составляет 1 200 миллионов долларов. Сельское хозяйство и другие отрасли национальной экономики были разрушены, и страна вынуждена покупать в США все, включая и продукты питания, на которые ежегодно расходуется полмиллиарда долларов. От хозяйничанья иноземных монополий страдает и национальная буржуазия Венесуэлы.

— Нас душит засилье иностранцев, — говорил мне Алехандро Эрнандес. — Мы развернули пропаганду за то, чтобы венесуэльцы покупали только наши, венесуэльские товары. Теперь у нас создана организация «За Венесуэлу», в которую вошло триста видных промышленников и торговцев Венесуэлы, крупные общественные и политические деятели.

Промышленник, вступающий в эту организацию, отчисляет в ее фонд определенную сумму из прибыли. Например, он, Алехандро Эрнандес, внес в фонд организации более семидесяти тысяч долларов. В Каракасе уже открыты большие рынки, где продаются только венесуэльские товары и продукты, организована выставка национальной промышленности, на которой представлено более пяти сот видов национальных товаров и продуктов.

— До сознания каждого, — продолжал Эрнандес, — все яснее доходит, что, покупая наши, венесуэльские товары, он обеспечивает работу себе и своим товарищам.

— Но в этом случае будут сокращаться доходы американских торговцев?

— Уже сокращаются, — улыбаясь, говорит Эрнандес.

— И как они на это смотрят?

— Многие американцы негодуют. Они были бы не прочь прикрыть патристическую организацию, но руки коротки. Конечно, они будут всячески препятствовать нам.

— И тогда?..

— Мы будем драться, — решительно говорит Эрнандес. — Наш народ уничтожил диктатуру и завоевал политическую свободу. Теперь мы боремся за то, чтобы самим пользоваться благами своей земли.

Виктор Мухордов и Александр Артемьев на разгрузке оборудования.

в портовый город Калининград, откуда ежедневно уходят рыболовецкие суда в океан. В город, где живут успехами рыбаков. Но «друзьям-приятелям» было на это наплевать. Им надо было развлекаться. А Калининград — провинция. Им просто не повезло в жизни. «Старики, мы явно не туда попали», — твердили они, слоняясь по институту. И с ними вскоре пришлось расстаться...

Им во всем подражал Владлен Эсько. Студенты все-таки надеялись: поймет, опомнится.

Как-то за Владленом зашел секретарь комитета комсомола Саша Артемьев.

— Пойдем с нами на воскресник.

— Ты это серьезно? — нагло улыбаясь, спросил Владлен и добавил медленно и нарочито спокойно: — Работа любит только дураков. Привет!..

Но одиноко, очень одиноко стало Эсько без своих «товарищей». Нет, ему со всеми не по пути. Вскоре в деканат было подано заявление:

«Прошу отчислить меня из института. Климат Калининграда противопоказан моему слабому здоровью».

Владлен Эсько.

Все эти события происходили в Калининграде. Но это волновало и тех, кто жил и учился в Москве. Да, институт был один — Калининградский технический институт рыбной промышленности и хозяйства. И его возглавлял один директор — Владимир Иванович Москалев. А фактически институтов было два. Было две партийных и две комсомольских организации. «А как там сейчас, в Калининграде?» — думали те, кто пока оставался в Москве. Ходили различные толки: «Куда мы переезжаем, что там за общежития, учебные

га. Съехались с разных концов страны. В институте не ждал их уже сложившийся коллектив старших.

Вот в таком коллективе и оказались «друзья-приятели»: Д. Анисимов, В. Макеев, В. Прулес. У них были свои взгляды на жизнь. В каком институте учиться и как учиться, это не имело значения. Лишь бы институт был в Москве. А институт из Москвы переезжал

Москвичи отмечают день рождения Анатолия Винокурова уже на калининградской земле, у себя в общежитии.

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото Риммы Лихач.

Его никто не провожал. И он ушел из общежития института с такой же наглой улыбкой, с какой просидел все комсомольское собрание, когда его исключали из комсомола. Он ушел, сказав на прощание все ту же привычную для всех фразу: «Я не туда попал, старики. Привет!»

И вот исключен из института Владимир Прулес. И вот за ним захлопнулась дверь. А в комнате так тихо, точно сейчас кто-нибудь спросит громко и взволнованно: «А не погорячились ли мы? Не совершили ли ошибку? Ведь Прулес — третий из тех, которых уже пришлось попросить из института». Но так никто не спросит. Все знают: иначе быть не могло. Они мешали всему коллективу. Они мешали рождению института на новом месте.

...Московский технический институт рыбной промышленности и хозяйства переезжал в Калининград. Уже несколько месяцев занимался первый курс. Второй курс ждали к следующему семестру. Остальных студентов — к новому учебному году.

Получилось, что судьба первокурсников сложилась не совсем обычно. Оказались они самыми младшими и самыми старшими.

Хозяевами института. Было трудно вначале. Трудно потому, что большинство студентов пришло с производства. И школьные годы остались далеко позади. Надо было не только учиться, но и работать на институтских воскресниках. Да и потом совсем не знали друг дру-

Оборудуется лаборатория.

помещения?» Тогда дирекция института и партийные организации решили: пусть москвичи поедут в Калининград, а калининградцы — в Москву. И вот делегация первокурсников приехала в Москву в то время, когда в институте проходила комсомольская конференция. Секретаря комитета комсомола Сашу Артемьева попросили на трибуну. И сразу посыпалось на него множество вопросов. Они были самые различные: настороженные, веселые, с подковыркой...

Артемьев рассказывал о калининградском институте:

— Да, наше помещение в два раза больше московского. Увидите наш актовый зал — ахнете. А спортивный!... Саша на минуту умолк. — Но дело даже не в помещениях. Главное, нас ожидает целый океан. Понимаете? Огромная практика. Технологи пойдут на консервный завод. Судостроители — на судоремонтный. А студенты с факультета промышленного рыболовства — в Северную Атлантику. Да и первокурсники летом смогут работать по своей специальности.

...В конце февраля студенты-второкурсники прибыли в Калининград. Им была приготовлена торжественная встреча, и сразу почувствовали они себя, как дома. Хотя московские мамы долго не могли в это поверить. Телеграммы. Частые тревожные звонки в институт. И даже визиты. Мамы, вероятно, просто забыли, что их дети взрослые, что они завтрашние специалисты и что им пора уже вступать в самостоятельную жизнь.

Конечно, здесь, в общежитии, не дома. Общежитие на самообслуживании. Приходится самим убирать коридоры и комнаты. Приходится самим возиться на кухне. Но ведь в этом и есть прелесть студенческой жизни!

А сколько дел сразу свалилось на приезжих! Надо оборудовать лабораторию и кабинеты. Надо организовать различные кружки. Особенно волновались рыболовы. Просто преступление не записаться в этот кружок. Ведь в центре города много озер.

Так незаметно подошла сессия. А потом практика, каникулы...

Перед нами специальный вы-

пуск газеты «Калининградская правда». Нам показали ее студенты. Может быть, она сохранилась случайно. А может быть, ее берегут как реликвию. Год тому назад всем тиражом она была направлена в Москву, в технический институт рыбной промышленности и хозяйства...

Все четыре полосы рассказывали о Калининградской области, о городе, о порте, пропахшем рыбой. Выступали люди разных профессий. Выступали специалисты, недавно окончившие этот институт. И во всех выступлениях звучало: «Перебейтесь к нам в Калининград. Не ошибетесь!» И вот прошел год. И уже можно спросить: «Не ошиблись?» И уже можно ответить: «Нет, не ошиблись». Ошиблись те, кто не хотел идти вместе со всеми, такие, как Макеев, Прунес, Эсько, Анисимов...

...Сейчас институт переехал полностью. Первые дни. Еще, быть может, студенты-москвичи чувствуют себя не совсем уверенно. Мы спросили девушку в общежитии: где найти секретаря комитета комсомола?

— А вам какого, московского или калининградского? — Она тут же поправила: — У нас сейчас один секретарь, Саша Артемьев. Но мы так привыкли.

«Московский» секретарь комитета комсомола Виктор Мухордов — студент пятого курса, он хороший помощник и советчик своему младшему коллеге Саше Артемьеву. И поэтому сейчас их всегда можно видеть вместе.

По коридору несколько человек несут тарелки с салатом. Почему так много? Нам ответили весело:

— Во-первых, мы коммуна. В московском общежитии так жили и здесь будем так жить. А во-вторых, у члена нашей коммуны Толи Винокурова сегодня день рождения. Отмечаем.

И на этом маленьком торжестве студенты говорили об институте.

— Я ведь всю жизнь мечтал стать штурманом, — сказал Володя Карпов. — А сейчас на нашем факультете будут выдавать два диплома — механика и штурмана дальнего плавания. Просто повезло! Всю жизнь мечтал быть штурманом...

В Калининграде перед студентами открывается дорога в океан.

...И ЕЩЕ РАЗ О МЕБЕЛИ

— Вот она, наша новинка — набор СКР-50-59, — сказал главный инженер московской мебельной фабрики № 3 Я. С. Керзон, показывая отполированные щиты, стеллажи, ящики. — СКР — значит стеллажная, комбинированная, разборная. Из этих деталей можно составлять различные предметы, необходимые для обстановки однокомнатной, двухкомнатной и трехкомнатной квартир. Легкие и удобные, их без труда можно переставлять с места на место, меняя вид комнаты.

Если придраться к словам, то универсально-разборную мебель, о которой говорил главный инженер, новинкой в буквальном смысле слова назвать нельзя. Впервые она была показана на выставке в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького еще в 1956 году. Мебель понравилась и специалистам и посетителям. О ее достоинствах было подробно рассказано в очерке «Мебель, которая нам нужна» («Огонек» № 49 за 1956 год). Квартиры, обставленные универсально-разборной мебелью, получили высшую премию, «Гран-при», на Всемирной выставке в Брюсселе и высокую оценку на Всесоюзной конкурсной выставке в Москве, в Новых Черемушках.

Прошло три года. Но покупатели и по сей день не могут приобрести столько раз расхваленную, нашедшую всеобщее признание универсально-разборную мебель.

В чем же дело? С этим вопросом мы обратились в Госплан СССР к главному специалисту по мебели М. Ф. Мансанову.

— Спорю нет, — сказал М. Ф. Мансанов, — универсально-разборная мебель и красива, и изящна, и технологична, и дешева. Но вот, собственно, в последнем преимуществе и заключается ее «недостаток». Дело в том, что до самого последнего времени выпуск продукции планировался мебельным фабрикам только в рублях. Никто не интересовался, сколько же предметов мебели выпущено на эти деньги. Директорам же предприятий, чтобы выполнить план, было выгодно выпускать дорогую мебель. Сейчас принято решение планировать выпуск мебели не только в рублях, но и в ассортименте и отдельно выпуск универсально-разборной мебели.

Однако это еще не все причины, мешающие ее появлению.

— Чтобы такая мебель действительно стала массовой, мебелью широкого потребления, — заявил директор Центрального мебельного конструкторского бюро А. М. Стронгин, — ее должны делать машины, автоматы, автоматические линии. Пока еще таких автоматических линий у нас нет. На многих мебельных фабриках работают по старинке, вручную, как пятьдесят лет назад. Нужна и специальная крепежная, отделочная фурнитура. Ведь ручку старого фасона, которая и обычную мебель скорее украшает, чем украшает, на мебель нового типа поставить просто нельзя.

Появление универсально-разборной мебели повлечет за собой принципиальное изменение и в системе торговли. Московская мебельная фабрика № 14 одной из первых в Москве стала выпускать набор секционной мебели. Изготовили опытную партию — отправили в магазины. А там секции свалили в кучу как попало. Покупатели смотрели на них, смотрели да, так и не разобрав, что к чему, и не получив в магазине квалифицированного объяснения, покупали обычную, «нормальную» мебель.

Но бывалые торговые работники быстро нашли выход. Зачем возиться, составлять из секций шка-

фы, когда можно просто заявить фабрике:

— Покупателю не нравятся ваши секции. Сколачивайте их сами и присылайте нам готовые изделия.

И вот в магазинах стали поступать секционные шкафы, серванты, буфеты в... сколоченном виде. Но ведь таким образом пропадает сама идея разборной мебели — дать возможность покупать отдельные секции и составлять из них необходимые предметы обстановки.

Пришла пора, когда для торговли мебелью нового типа необходимы новые магазины — магазины-ателье, магазины-салоны. Представьте себе, что вам захотелось по-новому обставить квартиру. Вы идете в мебельные ателье. Художник-специалист смотрит план вашей квартиры, показывает вам альбомы с фотографиями мебельных наборов и советует, какой выбрать набор и как лучше поставить его в квартире.

Выбрав, вы можете спокойно уходить. По заказу ателье прямо со склада фабрики вам на дом пришлют детали. Столяр из ателье соберет из этих деталей мебель.

Не правда ли, хорошо? Но вот вопрос: когда это все будет?

Ответ начальника управления мебельной промышленности Ф. Т. Гаврилова лаконичен и спокоен:

— Магазины-ателье откроются в ближайшие месяцы (!). Московские фабрики № 1 и № 3 изготовили по 50 (!) наборов. К концу семилетней доли универсально-разборной мебели в общем выпуске составит 65 процентов.

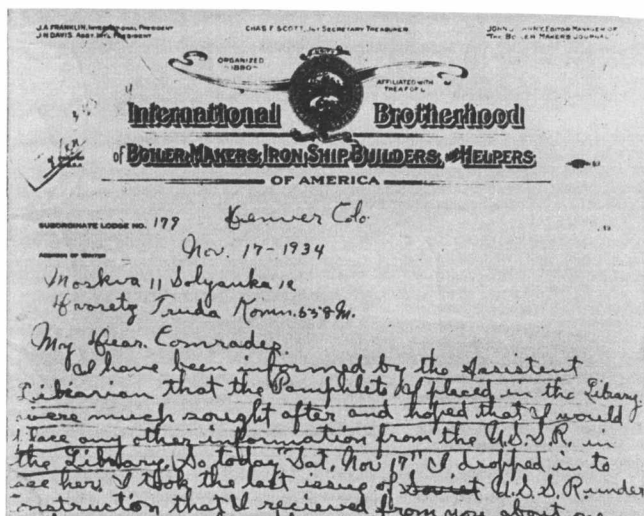
Не маловато ли? Жилищное строительство возрастет к концу семилетия очень сильно. Нельзя ли пораньше?

Л. КАФАНОВА

Образец универсально-разборной мебели, выпущенной московской мебельной фабрикой № 3. Фото А. Гостева.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Одно из писем американских рабочих.

Документы большой дружбы

«Дорогой друг! С тех пор, как я приехала, я уже потратила много времени на рассказы о СССР... Меня озадачили вопросами, которые начинались: «Правда ли, что...», — и дальше шли предположения, почти всегда неправильные, и я целыми часами должна была объяснять, почему они неверны. Некоторые клубы и многие профсоюзы просили выступить с речью. Я написала статью для одного журнала и условилась сделать ряд докладов, чтобы полностью рассказать о достижениях советского правительства».

Когда читаешь эти строки, то кажется, что они совсем недавно вышли из-под пера. А между тем написаны они американкой из штата Мичиган Нейль Стиблер еще в 1926 году.

Хотя в те годы американское правительство еще не признало официально молодое Советское государство, но в нашу страну уже тогда приезжали рабочие и профсоюзные делегации из Америки. И, несмотря на то, что в буржуазных газетах распространялись клеветнические выдумки, будто в СССР «царят анархия и хаос», американские рабочие стремились завязать с советскими рабочими дружеские отношения, узнать правду о жизни и труде нашего народа.

В Центральном архиве Октябрьской революции хранятся документы, в которых рассказывается о горячем стремлении народов Советского Союза и Америки поближе узнать друг друга, жить в мире и дружбе.

Вот телеграмма из Америки о демонстрации советского документального фильма «В стране Ленина»:

«Фильм прибыл только в конце 1928 года и с тех пор непрерывно демонстрируется на целом ряде рабочих собраний. Некоторые сеансы посетили по 5 тысяч рабочих. Пользуется исключительным успехом».

Американские металлисты пишут рабочим завода «Электросила»: просят установить с ними дружескую переписку, рассказать им о жизни и условиях труда рабочих в СССР.

В свою очередь и советские рабочие обращаются к американцам с предложением

регулярно обмениваться информацией, чтобы лучше и полнее знать друг о друге.

«Вступая в шестнадцатый год Советской власти, мы хотим завязать связь с Вами, американскими печатниками, — пишут рабочие московской типографии. — Мы напишем Вам об условиях работы на наших советских предприятиях, а также, в частности, на нашей типографии...»

Искренней теплотой проникнуто письмо рабочим города Кливленда от ЦК профсоюза рабочих автопромышленности СССР:

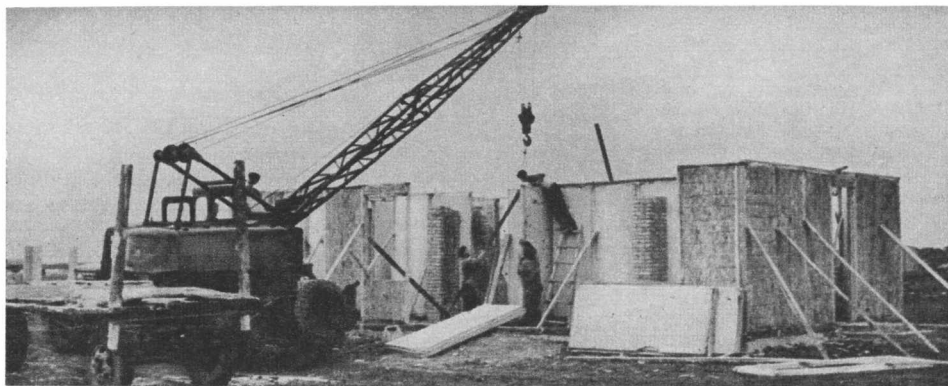
«Мы обращаемся к Вам с письмом об установлении братских отношений между Вашим и нашим союзами. Мы предлагаем Вам производить регулярный обмен информацией и отчетами».

Вот текст обращения к американским рабочим по случаю празднования 12-й годовщины Октябрьской революции:

«...В этом году 7 ноября в Москве увидят сотни американских рабочих, прибывших с машиностроительных и вагоностроительных заводов, угольных копей, швейных фабрик и с сельскохозяйственных работ... Эта поездка специально организована по очень низкой цене, чтобы дать возможность американским рабочим принять участие в этом вдохновляющем шествии...»

О доброжелательном отношении простых людей Америки к СССР рассказывает такой любопытный документ — официальное обращение в ВЦСПС Мельникова — американского рабочего с завода Форда. В 1929 году он приехал с делегацией в Советский Союз. В ту пору в цехах некоторых наших предприятий стояло американское оборудование. На «Красном путиловце» Мельников, увидев в цехе американские станки, тут же стал показывать советским рабочим, как эти станки используются на заводе Форда. После этого американец обратился с просьбой разрешить ему остаться на некоторое время в СССР и поработать за небольшую плату на «Красном путиловце», чтобы помочь советским рабочим лучше использовать американскую технику.

Л. ГОРОХОВСКАЯ

Монтаж дома из гипсокамышитовых плит.

ПРОЧНО, ЛЕГКО, ДЕШЕВО

Если вам случалось бывать в рыбацком городке Вилкове в устье Дуная, вы, наверное, обратили внимание на то, что почти все жилые дома здесь построены из камыша. Некоторым из них более ста лет.

С 1952 года, когда новое строительство в Вилкове ведется по единому плану, построено четыреста камышовых домов, в годы семилетки намечено построить еще пятьсот. Дома эти, сооружаемые по типовым проектам силами самих рыбаков-колхозников, обходятся им в среднем в семь — восемь тысяч рублей каждый.

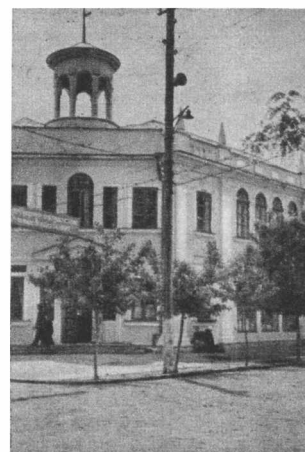
Средняя стоимость одного квадратного метра в камышовом доме примерно в два раза дешевле, чем в каменном.

Накоплен немалый опыт индустриального строительства сборных домов из камы-

шитовых плит. В Одессе идет подготовка к сооружению домостроительного комбината. Одесские инженеры и архитекторы разработали несколько типовых проектов бескаркасных домов из гипсокамышитовых плит. На сборку каждого такого дома требуется не более четырех — пяти дней; расход леса и цемента очень невелик.

Остроумно устроено отопление таких домов: в кухонном очаге установлен змеевик, а в комнатах — радиаторы. Так же нагревается и вода для душа. Сейчас по типовым проектам в Одессе строятся опытные двухэтажные дома из гипсокамышитовых плит на железобетонном каркасе — на восемь и шестнадцать квартир.

Д. ГОЛЬБЕРГ,
С. РЕНДИНО

Это здание, одно из красивейших в Вилкове, построено из камышита. На первом этаже — универмаг, на втором — столовая.

В дремучих северных лесах

Я. К. Барышников, Ф. Н. Необердина, Вова и Гена Пояровы.

Недавно в Пинежском районе, Архангельской области, мастер Лабозерского лесопункта Петр Пояров пошел по ягоды с двумя сыновьями — девятилетним Володей и шестилетним Геней.

Ягод уродилось много. Все дальше и дальше уходили Пояровы в лес. Когда корзинки были заполнены, решили возвращаться домой. Но тут выяснилось, что дорога потеряна. Маленький Гена вовсе выбыл из сил. Вова тоже жаловался на усталость. Что делать?

Петр Пояров выбрал лужайку и, оставив на ней сыновей с корзинами, ре-

шил разыскивать дорогу один. Только к вечеру удалось ему наконец выйти к поселку. Но теперь он никак не мог найти то место, где оставил детей...

Весть о несчастье облетела поселок. Люди ходили по лесу, аукали, били в релесу, стреляли в воздух, но ребята не отыскивались. О происшествии сообщили в районный центр. Поисками мальчиков занялись работники милиции. И опять безрезультатно.

Тогда из Архангельска вызвали проводника со служебной собакой. На поиски мальчиков направился самолет. Прочесывали лес квадрат за квадратом. Ког-

да наконец удалось найти лужайку, где Пояров оставил Вову и Гену, там обнаружили лишь корзины с ягодами.

Только через две недели стало известно, что мальчики найдены. Случилось это так. Конюх Карпогорского леспрохоза Яков Кузьмич Барышников, собирая в лесу грибы, увидел исхудавшего, истощенного комарами мальчика. Ребенок едва передвигал ноги, едва произносил слова. И все же Якову Кузьмичу удалось понять, что мальчик здесь не один, что за ним идет брат. Вскоре Барышникову удалось разыскать и второго мальчика.

Чтобы доставить детей в Карпогоры, требовалось пройти десять километров. Нести малышей на руках шестидесятилетнему Барышникову было не под силу. И Барышников повел ребят в лесную избушку, а сам поспешил в Карпогоры, в райотдел милиции. В лес была направлена подвода, на ней вместе с Барышниковым выехала медицинская сестра Фаина Николаевна Необердина. И ребят доставили в Карпогорскую больницу.

Оказалось, что за тринадцать дней блуждания по лесу Вова с Геней прошли около сорока километров, из Пинежского района они попали в Карпогорский. Питались дети только ягодами, ночевали под деревьями. Несколькими разами слышали лай собак, догадывались, что где-то близко деревья, но выбраться из леса не могли. Видели как-то они и самолет, пролетающий над лесом, махали ему, но летчик не заметил их.

Сейчас ребята поправляются и постепенно уже забывают о том, что им пришлось пережить в лесу.

А. ЭНТИН,
заведующий отделом информации газеты «Правда Севера»

Смена лидеров

Столица Хорватии Загреб насчитывает около девяти столетий со дня рождения. Более старая часть города расположена в холмистой местности. Здесь кривые и узкие улицы, островерхние домики, покрытые черепицей, церкви в готическом стиле. Теперь это уже город-музей. В равнинной местности расположена деловая часть города, которая начала интенсивно развиваться два столетия назад.

Загреб — промышленный центр Югославии. В нем живет более четырехсот тысяч человек. Загребцы проявляют большой интерес к матч-турниру претендентов на первенство мира. В витринах магазинов портреты гроссмейстеров, турнирные таблицы, демонстрационные шахматные доски, на которых показывают самые интересные партии тура.

В день доигрывания на площадке Республики собралась многотысячная шумливая толпа. На устах у всех только две фамилии: Таль, Глигорич.

На балконе второго этажа дома, выходящего на площадь, были установлены демонстрационные доски с изображением позиций доигрывающихся партий. На одной из них партия М. Таль — С. Глигорич. Она-то так горячо и обсуждалась. Я принял участие в тех спорах, которые велись между зрителями. Всем хотелось найти для С. Глигорича спасение. Но неизбежность произошла. На 64-м ходу югославский гроссмейстер прекратил сопротивление. Кое-где раздались аплодисменты, но скоро стихли. Это было 5 октября, в день, когда произошла третья смена лидеров в матч-турнире. На старте лидером был гроссмейстер Т. Петросян, затем лидировал гроссмейстер П. Керес, а теперь — М. Таль. Он обогнал П. Кереса на пол-очка.

В этот же день новое поражение потерпел чемпион Советского Союза Т. Петросян. Он проиграл Олафссону, занимающему последнее место в турнире. Это укрепило ведущее положение Талья и Кереса.

ТРИЖДЫ ЧЕМПИОН МИРА

В американском городке Херши, в Пенсильвании, состоялся очередной розыгрыш первенства мира по современному пятиборью.

В программу этого популярного состязания входят скачки, фехтование, стрельба, плавание и бег по пересеченной местности.

Советские спортсмены только недавно начали культивировать современное пятиборье и, тем не менее, с успехом выступали на международном уровне. В 1955 году чемпионом мира стал советский пятиборец К. Сальников. Последние два года звание чемпиона мира завоевывал ереванский спортсмен Игорь Новиков.

В нынешнем году в городе Херши в чемпионате мира приняли участие тринадцать стран. В начале соревнований советских пятиборцев постигла неудача: в скачках и стрельбе из пистолета И. Новиков показал посредственные результаты. Однако фехтование и плавание вывели его на общее четвертое место.

Только в последний день состязаний в беге по пересеченной местности — легкоатлетическом кроссе — советский спортсмен показал великолепный результат и вышел по сумме очков всех видов пятиборья на первое место.

Таким образом, Игорь Новиков в третий раз завоевал

Может быть, теперь будет легче предсказать, кто станет играть матч с чемпионом мира М. Ботвинником. И все же я пока воздержусь от предсказания.

Загребская газета «Вестник» объявила об учреждении специального приза, который достанется участнику, добившемуся лучшего результата в третьем круге. Молодой Бобби Фишер уверенно заявил о своих претензиях на этот приз.

Фишер кое-чему научился в первой половине турнира; все чаще он останавливается у столика, за которым сидит Таль. Фишер тоже любит комбинировать. Видно, что стиль Талья ему импонирует. Фишер старается лучше играть в третьем круге. Но все же его уверенность стоит не на твердой основе.

Чем ближе конец турнира, тем упорнее борьба в каждой партии. Конференц-зал Дома югославской Народной армии всегда переполнен. Напряжение от происходящей на сцене немой шахматной борьбы передается к зрителям, которые не могут остаться равнодушными и начинают аплодировать.

Заметно начинают нервничать участники матч-турнира претендентов на первенство мира. Скоро финиш!

В. РАГОЗИН,
гроссмейстер

Загреб, 6 октября.

С. Глигорич и М. Таль.

ЗОЛОТЫЕ ТРОФЕИ СОВЕТСКИХ ШТАНГИСТОВ

Юрий Власов.

Еще каких-нибудь десять лет назад советские штангисты занимали в списке сильнейших «мастеров железа» скромное третье место. Впервые их находились не только блестящие богатые Нового света, но и славные египетские гиревники.

Олимпийский, 1952 год внес первые существенные изменения в диспозиции атлетических сил. Команда СССР, составленная, за малым исключением, из неизвестных спортивному миру штангистов, оттеснила знаменитых «суперменов» США на второе место.

Это была настоящая сенсация и, как всякая сенсация, ставилась здравомыслящими людьми под сомнение. И только победа — еще более убедительная — на чемпионате мира 1953 года утвердила славу советских силачей. С тех пор основным содержанием крупнейших турниров «мастеров железа» стала ожесточенная спортивная дуэль между искуснейшими в мире русскими и американскими гиревниками.

Завершившийся на днях Варшавский чемпионат был новым раундом в многолетнем поединке больших соперников. Каждая из сторон вела в «дело» свежие резервы, тщательно продумала тактический рисунок предстоящей баталии. Надо прямо сказать, американцы выглядели на этот раз слабее обычного. В их рядах не оказалось ни темпераментного Винчи, вечного конкурента Владимира Стогова, ни пер-

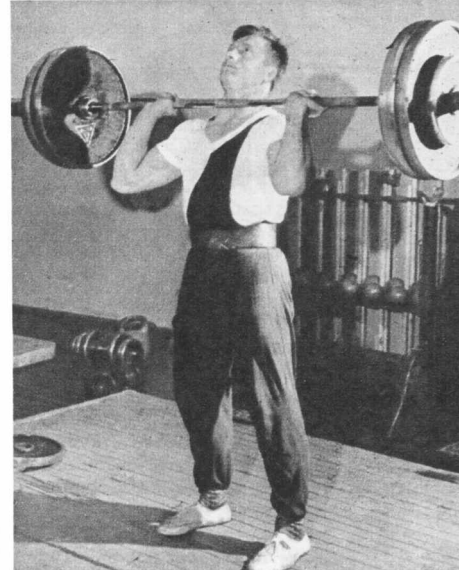
воклассного полутяжеловеса Шеппарда, доставлявшего немало хлопот нашему бесценному «премьеру» Аркадию Воробьеву. И все же предсказать исход борьбы было довольно рискованно.

Неожиданности начались, когда на помост вышли полутяжеловесы (в легчайшей весовой категории уверенную победу одержал Владимир Стогов, в четвертый раз ставший чемпионом мира). Фаворит американцев Исаак Бергер, расправлявшийся на тренировках, казалось, с предельной тяжестью, был выведен из равновесия смелым соперничеством польского чемпиона Мариана Зелинского. Поляк буквально ошеломил пртивника, подняв в рывке — труднейшем движении — троеборья — новый рекордный вес. Мастер толчка, Бергер не смог совладать со своим волнением и дважды не зафиксировал заурядный (для него, конечно) груз — 145 килограммов. В итоге Мариан Зелинский — первый из польских штангистов — завоевал золотую медаль чемпиона мира. Его сумма троеборья достойна удивления — 365 килограммов.

В легком весе никто из зарубежных соперников не отважился вмешаться в спор двухкратного чемпиона мира горьковчанина Виктора Бушуева с победителем II Спартакиады народов СССР москвичом Акимом Фараджаном по той причине, что оба атлета на голову превосходили остальных своих коллег. Победил Виктор Бушуев с высочайшим результатом — 385 килограммов.

Драматически развивалось единоборство Томми Коно и пасующего перед ним Федора Богдановского. Семикратный чемпион мира Коно продемонстрировал воистину стальную волю и завидное самообладание. Он выиграл эту встречу.

Совсем в ином «ключе» — уверенно, четко — выступал наш дебютант, подземный электрик одной из шахт Кемеровской области Рудольф Плюкфельдер. В сборной команде страны сибиряк заменил своего старшего товарища и земляка, бывшего рудокопа Трофима Ломанина, обладателя мирового рекорда в сумме троеборья для средневесов. Рудольф доказал, что он достойный преемник Ломанина. Он установил новый мировой рекорд в

Рудольф Плюкфельдер.
Фото Л. Доренского.

рывке — 141 килограмм — и значительно улучшил рекордную сумму Трофима. Плюкфельдер зафиксировал 457,5 (!) килограмма.

Насколько поразительна победа кемеровского шахтера, подчеркнули выступления полутяжеловесов. Никто из победителей этой весовой категории — ни английский негр Луис Мартин, ни Аркадий Воробьев — не смог превзойти результат Плюкфельдера.

Второй советский дебютант, двадцатитрехлетний тяжеловес Юрий Власов, решительно атаковал американского исполина Джеймса Бредфорда и с «кругленькой» суммой, 500 килограммов, вышел на первое место. Молодой геркулес в ходе соревнований установил новый мировой рекорд, подняв в рывке 153 килограмма.

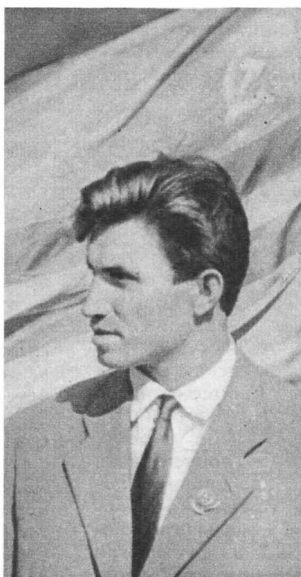
А теперь немного арифметики. Советские штангисты добились в Варшаве девять золотых и пять серебряных медалей чемпионов и призеров мира и Европы. В историю отечественной тяжелой атлетики вписана еще одна славная страница.

И. БОРИСОВ

Начался хоккейный сезон

В Москве, во Дворце спорта, хоккеисты начали сезон 1959/60 года. На снимке: момент матча ЦСК МО — «Динамо» (Москва).

Фото А. Бочинина.

Игорь Новиков — чемпион мира.

звание чемпиона мира. Второе место занял А. Бальсц (Венгрия) и третье — А. Тарасов (СССР).

В командном зачете на первое место вышел коллектив СССР.

Космическая муляжка

Е. САПАРИНА

Рисунки В. Грибко.

Между прочим, земной шар — вовсе не шар, и его название далеко не соответствует истине. Геодезистам это хорошо известно. Но вот какова же в точности форма Земли, они так и не могут сказать, хотя над решением этой задачи наука бьется многие столетия. От философа древности Аристотеля до автора «причинной механики» астронома Н. А. Козырева тысячи исследователей пытались дать правильный ответ.

Лимон, яйцо или груша?

Отчаявшись подобрать к земной фигуре схожий геометрический или физический прообраз, даже строгие ученые нередко прибегают к самым вольным аналогиям. С чем только не сравнивали Землю: с лимоном, мандарином и даже с яйцом! А совсем недавно родилось подозрение, что наша Земля — «груша», то есть что ее Северный полюс находится ближе к центру планеты, чем Южный.

Наиболее же смелые исследователи уверяют, что если земной шар разрезать по меридиану, то его профиль будет похож на человеческое сердце. Во всяком случае, на одном сходятся все: очертания нашей планеты столь сложны, что пока правильнее всего просто сказать: Земля имеет форму Земли, то есть геоида. Слово это специально придумано учеными для обозначения формы земного шара. Буквально это как раз и значит: тело, имеющее форму Земли.

— Но зачем гадать? — скажете вы. — Не проще ли взять и обмерить планету вдоль и поперек?

Простота этой проблемы кажущаяся. Чтобы ответить на «простой» вопрос о форме Земли, ее меряли линейкой, объезжали с точнейшими часами в руках, производили тысячи взвешиваний, создавали математические ее модели.

Форма нашей планеты оказа-

лась связанной с тяготением, магнетизмом, строением земных недр, движением Луны и даже... свойствами времени. Сейчас на помощь себе геодезисты призвали новый и многообещающий инструмент — искусственный спутник.

Может показаться странным, почему с неба мерить Землю удобнее, чем с нее самой. Но в стремлении использовать спутник для решения чисто земных проблем нет ничего противоречивого. Представление о том, что раз прибор послан в межпланетное пространство, то он и будет доставлять сведения только о межпланетном пространстве, в корне неверно.

Запустив искусственный спутник, человек прежде всего получил возможность взглянуть на свою планету как бы со стороны. А опыт показывает, что не раз он получал ценные сведения о ней, именно обращаясь к небу. И очень часто для этой цели использовали Луну.

Какую только роль не приходилось играть Луне! Она была и «зеркалом» земного шара, доказавшим, что тень нашей планеты округлая, и «фильмом» отражаемого нашей планетой света, и «стрелкой» в звездных часах, по которым астрономы ведут счет земного времени.

Луну издавна употребляли и для более прозаических, совсем уж земных дел. Геологи, например, так и называют ее — своим «наглядным пособием». Не имея возможности взглянуть на нашу планету со стороны, мы без этого небесного «наглядного пособия» многого в ее строении не могли бы объяснить и даже просто заметить. Благодаря же тому, что в геологическом облике Земли и Луны масса общего, ученые сделали множество открытий, касающихся земной коры, глядя в телескоп на Луну. А недавно все к той же палочке-выручалочке обратились и ученые, исследующие форму нашей планеты.

Небесный землемер

О необычном геодезическом «инструменте» появились статьи в научных журналах. Автор их, старейший наш исследователь фигуры Земли член-корреспондент Академии наук Александр Александрович Михайлов, рассказывает об интересных опытах с Луной и ее тенью.

Во время полных солнечных затмений, когда Солнце загорожено от Земли Луной, на земную поверхность падает длинная лунная тень. Скользящий след ее тянется

обычно на 10—12 тысяч километров, пересекая нередко океан. Концы тени попадают при этом на материки. Такой «лунный мост», скорость передвижения которого хорошо известна, и навел на мысль измерить с его помощью расстояния от города до города, от материка до материка.

В мае 1947 года этим необычным способом действительно измерили поперечник Атлантического океана между Южной Америкой и Африкой. Но лунная тень отличается таким же непостоянством «характера», какое приписывается самой ее обладательнице. Тень Луны, например, никогда не пройдет по тем местам, которые уже «посетила» хоть раз. Да и затмения ведь бывают не каждый день. Поэтому от использования лунной тени все же пришлось отказаться.

Ученые попытались по изменениям орбиты нашей спутницы, движущейся под влиянием притяжения Земли, как бы прощупать «неровности» самого земного тяготения. Тем самым удалось бы составить подробное представление и о форме нашей планеты, породившей их. Но Луна слишком грузна и чересчур далеко находится от Земли для осуществления подобного рода тонких наблюдений.

Новый маленький подвижной землемер оказался куда более удобным, чем старая Луна, не спеша движущаяся по небосводу.

«Не спеша» — это, конечно, только так кажется геодезистам, которым не терпится обмерить Землю со всех сторон. Мы знаем, что Луна стремительно мчится по своей орбите. И все-таки, пока она обойдет вокруг Земли всего один раз, проходит почти 30 дней. А искусственный ее собрат только за сутки облетит Землю раз пятнадцать — двадцать.

Главное же достоинство нового землемера в том, что он ближе к нам, чем старая Луна, и потому гораздо послушнее земному притяжению.

На основании движения спутника советские астрономы уже уточнили величину сплюснутости Земли. Такое же исследование провели ученые Чехословацкой академии наук. А недавно это сделали картографическая служба армии США и Смитсоновская астрофизическая обсерватория.

Выходит, теперь надо вносить поправки в форму глобуса? Нет. Если бы мы захотели сделать глобус абсолютно правильной моделью Земли и показывать «настоящую» Землю, то не смогли бы этого добиться при всем желании. Уменьшенные до размеров обычного глобуса все неправильности в форме нашей планеты стали бы попросту невидимыми — так они малы по сравнению с ее основной круглой массой. Сплюснутость Земли у полюсов вообще

невозможно показать на такой модели. Ведь глобус диаметром в 60 сантиметров пришлось бы сплющить для этого всего на 1 миллиметр. Какой глаз обнаружит такую разницу?

Но тогда зачем же так тщательно исследуют ученые эти «микроскопические» неровности земной поверхности? Может, не стоило и заставлять спутник производить столь ничтожные по величине замеры?

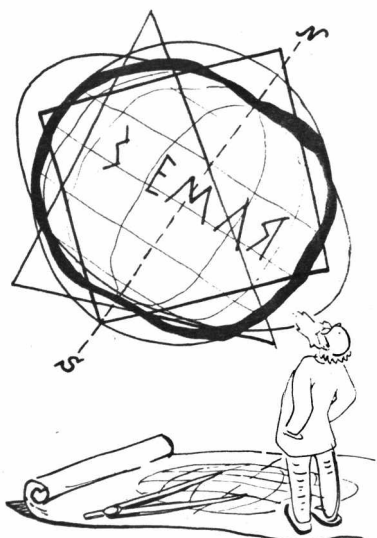
«Выкройка» земного шара

Ученые, определяющие форму Земли, отчасти напоминают закройщиков. Те ведь тоже по нескольким обмерам воссоздают форму фигуры. Очертания планеты получаются наиболее точными у того, кто вложил в свой труд больше умения и пользовался более правильным «сантиметром».

Знать действительную форму Земли необходимо прежде всего и для того, чтобы начертить «выкройку» земного шара. Ведь промерить круглую, сплюснутую или бугристую Землю — лишь полдела. Важно потом правильно ее изобразить на бумаге, чтобы по этому чертежу любой географ, геолог, инженер или просто путешественник мог наглядно представить себе тот участок планеты, который ему предстоит исследовать.

Работа эта уже сама по себе очень сложная и связана с неизбежными потерями точности. Попробуйте расплестать на столе кожуру от апельсина. Края ее обязательно разорвутся: ни шар, ни сплюснутый эллипсоид не укладываются на плоскости без разрывов или складок. Поэтому карты Земли принимают порой фантастический вид.

Одни картографы «надрезают» Землю в нескольких местах и разворачивают потом отдельные лепестки материков наподобие огромного звездообразного цветка. Другие чертят Землю в виде гигантского гриба. И это так же закономерно, как рисовать ровные полушария, к которым мы больше привыкли, или располагать материки и океаны параллельными полосами на квадратном листе. Ведь такие замысловатые

формы картографы выбирают не ради прихоти: они стараются возможно вернее передать на плоском чертеже все особенности выпуклой земной поверхности.

Но беда как раз и заключается в том, что всех особенностей-то они и не знают. Материки с большими или меньшими трудностями измерены. Но вот геодезисты пересекли материк и вышли на берег океана. Как рулеткой опоясать бесконечные водные просторы?

И землемеры поворачивали назад — в глубь континента. Так на геодезических картах получились огромные белые пятна непромеренной поверхности планеты.

С помощью космической «рулетки» может быть построена, как говорят специалисты, мировая геодезическая сеть — основа будущей «выкройки». Эта сетка свяжет в единое целое измерения на материках, осуществляемые столетиями, и впервые произведенные линейные промеры на океанах.

Сколько Земель до Солнца!

Чем бы ни измеряли земную поверхность — обычным аршином, скоростью бега лунной тени или «шагами» космической «рулетки», — сами эти эталоны надо с чем-то сравнить, чтобы знать, сколько же раз это «что-то» укладывается в каждом аршине, например.

Древние арабы, промерив отрезок земной поверхности в Северной Месопотамии, записали, что его длина равна $56\frac{2}{3}$ арабской мили. Но ученые до сих пор не могут определить, много это или мало. Ведь арабы считали, что их миля равна 4 тысячам локтей, каждый локоть — ширине 8 кулаков, кулак — 4 пальцам, а палец — 6 волосам с морды осла, положенным рядом.

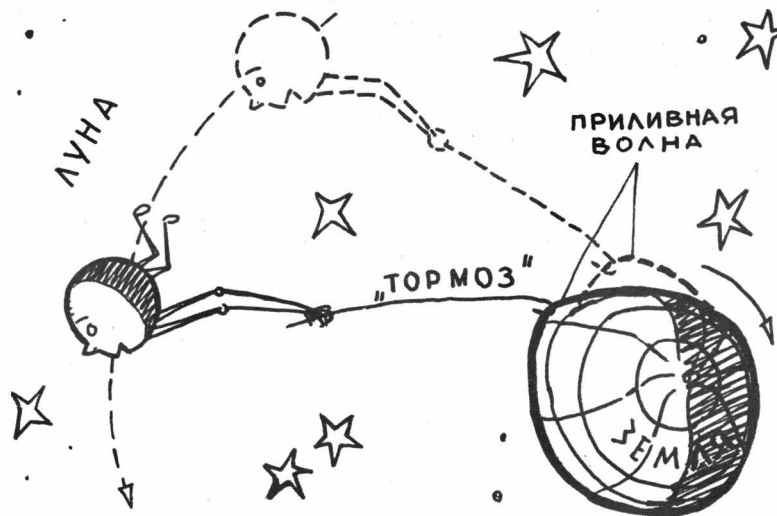
Французы измеряли Землю в туазах. В длине туаза ровно шесть раз укладывалась ступня короля, которая, в свою очередь, состояла из 12 длин суставов больших пальцев руки.

Поди узнай теперь размер обуви, которую носил давно умерший король, или толщину волос с морды осла!

Это создавало страшную путаницу. В одной стране дюйм равнялся длине сустава большого пальца, в другой — трем ячменным зернам, вынутым непременно из середины колоса и приставленным друг к другу острыми концами. Одни ученые сравнивали «длину» Земли с расстоянием от носа короля до конца его вытянутой руки. Другие считали вдоль меридиана шаги обычных смертных. Чему же в результате равнялся поперечник Земли?

Стало ясно, что нужна какая-то единая мера, существующая в самой природе и всегда находившаяся бы под рукой. Тогда ее можно было легко проверить или даже изготовить заново. Решили обратиться за помощью к самой Земле. За единицу линейных измерений взяли десятиллионную часть четверти земного меридиана. Это и есть наш нынешний метр.

Землю, таким образом, стали мерить самой Землей. И что бы вы ни стали теперь вообще мерить — килограмм масла, литр бензина, площадь своей комнаты или длину куска ткани, — вы всегда сравниваете их с земным меридианом. Метр лежит в основе

всех измерений: длины, площади, объема, веса.

Когда же земные меридианы проверили на большом протяжении, выяснилось, что наш метр на 0,2 миллиметра короче 40-миллионной доли среднего меридиана. Капризная фигура Земли «испортила» метр, и он превратился в такую же условную меру, как и древний туаз. Поэтому в ближайшем будущем взамен «земельного» ученые решили создать световой метр. И скоро мы будем, по-видимому, взвешивать и мерить не в долях земного меридиана, а в световых волнах.

Когда Законодательный корпус Франции утверждал метр как часть земной окружности, предполагалось, что с размерами Земли будут сравниваться лишь земные расстояния.

Но вот астрономам потребовалось узнать, на сколько отстоят от нас наши соседи — Марс, Венера, Юпитер, Плутон и другие планеты солнечной системы. Да и само Солнце — как далеко оно от Земли? И оказалось, что размеры нашей солнечной системы и вообще все расстояния в Космосе — будь то длина пространства, отделяющая от нас ближайшую галактику или самую далекую, едва мерцающую звезду, — можно определить, только зная величину Земли.

Конечно, здесь не обойтись крошечной мерой — 40-миллионной долей земного меридиана. На этот случай в ход пускают земной диаметр целиком. Не подумайте только, что приходится укладывать между нашей планетой и, например, Солнцем бесконечное количество Земель. Астрономы просто определяют угол, под которым видна та или иная планета с противоположных концов земного диаметра.

Диаметр Земли — это как бы «неразменный рубль», который остается одинаковым и неизменным при переходе от звездных расстояний к обычным. Он представляет собой связующее звено между измерениями в пределах земного пространства, непосредственно доступного человеку, и косвенными измерениями в космосе.

Может показаться, что большого значения точные размеры Земли при этом не имеют. Ну, насколько изменится наше представление о расстоянии от Земли до Солнца, насчитывающем не один десяток миллионов километров, или о еще большем поперечнике всей солнечной системы, исчисляющемся уже миллиардами

километров, если окажется, что радиус Земли составляет не 6 375, а 6 378 километров?

Но астрономы подсчитали, что если из-за уточнения размеров нашей планеты угол, под которым «виден» с Солнца земной диаметр, изменится всего на одну сотую долю секунды, то в расстоянии от Земли до Солнца придется внести весьма солидную поправку — прибавить к нему или, наоборот, отнять от него целых 170 тысяч километров. А изменение величины радиуса Земли всего на 100 метров означало бы, что поперечник солнечной системы вычислен с ошибкой в 185 тысяч километров. Вот каким важным делом среди прочих разных дел занимается наш спутник.

Заоблачный лот

Мы рассказали еще не обо всех удивительных способностях космического землемера. Спутник окажет геодезистам и еще одну услугу: он «измерит» недра.

Какие только хитроумные приемы не использовали ученые, чтобы разгадать строение недр Земли! Они отправляли путешествовать по земным глубинам эхо от искусственных землетрясений. Пробираясь среди плотных и мягких пород с разной скоростью, эхо возвращалось назад к земной поверхности и докладывало ученым обо всех встреченных «трудностях».

Но внутри находилось таинственное ядро планеты, которое отбрасывало, не пропускало через себя сейсмические волны.

Тогда ученые снова обратились к Луне, на этот раз как к источнику приливов. Только не морских, а сухопутных, происходящих в земной коре под влиянием лунного притяжения.

Твердый прилив гораздо меньше океанского. На широте Москвы он равен всего 50 сантиметрам. Но хотя москвичи дважды в сутки, подобно плывущему по морю кораблю, поднимаются и опускаются на полметра, они этого не замечают. Твердый прилив невидим: ведь на гребне твердой волны вместе с нами поднимаются и здания и улицы.

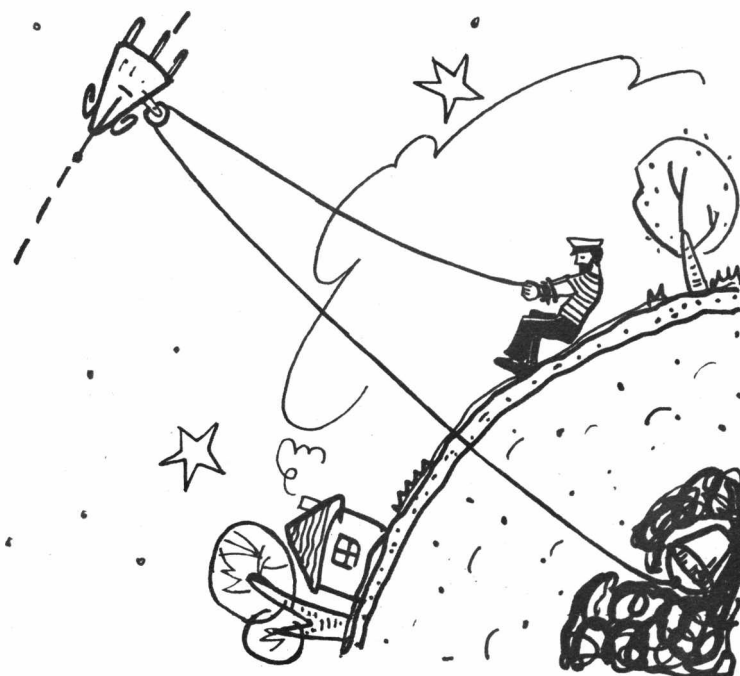
Изучая твердые приливы, удалось подойти к разгадке строения нашей планеты еще ближе. По-видимому, внутри относительно твердой Земли находится жидкое ядро с поперечником более 6 тысяч километров.

Теперь своим новым помощником геофизики избрали искусственный спутник. Прощупывая неровности земного тяготения, он тем самым дает возможность узнать, как распределены внутри Земли тяжелые и легкие массы, вызвавшие эти гравитационные аномалии. И есть все основания надеяться, что этот «лот», заброшенный в земные глубины из Космоса, представит уже несравненно более точную картину строения внутренности нашей планеты.

* * *

«Я бы назвал ее спутника», — сказал один из зарубежных ученых, участник X Международного астрономического съезда, проходившего в Москве, — эту новую науку, которая родилась 4 октября 1957 года».

И с ним можно согласиться. Исследование мира с искусственного небесного тела — это действительно целая новая наука. В качестве небесного тела, удобного для наблюдения с Земли и запускаемого туда, куда это требуется человеку, спутник поможет правильно ответить наконец на вопрос, возбуждавший горячие споры на протяжении тысячелетий: какова же истинная форма планеты, на которой мы живем?

Чеховский поплавок

Антон Павлович Чехов всю свою жизнь не расставался с рыболовными снастями. В чеховском музее в Москве хранятся рыболовные принадлежности, которыми пользовался писатель. Здесь простые поплавочные удочки, донки, жерлицы. Нарядно выглядит поплавок — гусиное перышко, — затейливо расписанный разными красками. Лежит и сетка-садон, куда Антон Павлович опускал пойманную рыбу.

По окончании медицинского факультета Московского университета в 1884 году А. П. Чехов временно заменял земского врача Звенигородской больницы. Жители Звенигорода нередко видели молодого врача, шагающего к Москве-реке с удочками в руках.

Хорошо была знакома Че-

Завтрак скрипача.

Рисунок В. Черникова.

хову и река Истра. Три лета Антон Павлович проводил в усадьбе Киселевых — в Бабинине, близ Воскресенска. Здесь его рыболовные увлечения разделял и художник Левитан.

В 1892 году Чехов приобрел имение Мелихово. Тут оказался небольшой прудик. Антон Павлович напустил в него карасей с надеждой, что со временем на берегах прудика можно будет порыбачить.

Как-то деревенские ребята узнали про карасей и закинули в пруд удочки. На месте «преступления» их и застал доктор. Антон Павлович поговорил с ребятами, разъяснил им, что ловить карасей еще рано. Мальчишки дали обещание ждать.

В музее на Садовой-Кудринской улице висит небольшая картина кисти Марии Павловны Чеховой. Она изображала брата с удочкой в руках на берегу мелиховского пруда.

Летом 1902 года Чехов гостил в имении известного фабриканта Саввы Морозова в Усолье на Урале. В то время в имении проживал студент-практикант Александр Николаевич Тихонов, впоследствии писатель А. С. С. В своих воспоминаниях он так описывает Чехова:

«Вскоре... и у нас нашлись общие интересы. С утра до вечера мы сидели теперь под глинистым откосом, у темного омута, и с увлечением ловили окуней, иногда попадались и щуки. Чехов был прав: щук в реке было много.

— Чудное занятие! — говорил Чехов, поплеывая на червяка. — Вроде тихого помешательства. И самому приятно, и для других неопасно. А главное, думать не надо... Хорошо!

Он с удовольствием грелся на солнце, снимал пиджак и галстук и почти не нахлобачивался.

Рыбак он был превосходный, его улов всегда был больше, чем у меня, хотя мы сидели рядом».

С. МИНАЕВ

По горизонтали:

5. Поощрение. 7. Повозка. 8. Трос на судне. 9. Город на западе Чехословакии. 10. Стихотворение Дм. Кедрова, высоко оцененное Горьким. 13. Персидский поэт. 18. Мелкий шрифт. 19. Растение, из которого добывается красная краска. 20. Сибирская река. 21. Плотная лента или тесьма. 22. Киргизский богатырь. 25. Письменное поздравление. 27. Каменный метеорит. 28. Городской сад. 29. Пресноводная рыба. 30. Интервал в музыке.

По вертикали:

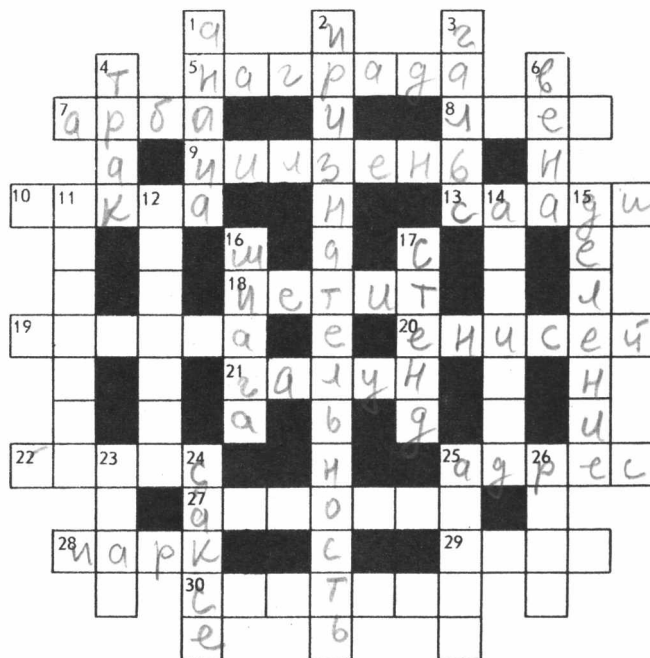
1. Детский курорт в Краснодарском крае. 2. Чувство благодарности. 3. Голландский живописец XVI—XVII веков. 4. Часть гусеничной цепи. 6. Кровеносный сосуд. 11. Союзная республика. 12. Надпись на монетах, медалах и гербах. 14. Первый русский винтовой фрегат. 15. Математическое действие. 16. Холодное оружие. 17. Щит для экспонатов. 23. Остров в Индийском океане. 24. Латвийская советская писательница. 25. Горная страна в Африке. 26. Площадка для катания на роликовых коньках.

— А говорят, что в яблоках много железа!

Рисунок Н. Лисогорского.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали:

5. Рододендрон. 8. Барометр. 9. Богатырь. 11. Конда. 14. Башкирия. 15. Фарватер. 18. Ядрица. 20. Полоний. 21. Бурка. 22. Культиватор. 25. Пнастр. 26. Позиция. 27. Авилов. 30. Соратник. 31. Бруствер. 32. Цокор. 34. Верность. 35. Аджынтант. 36. Местонахождение.

По вертикали:

1. Норматив. 2. Восток. 3. Идиомы. 4. Мопассан. 6. Санскрит. 7. «Бригадир». 10. Майдаников. 12. Новосибирск. 13. Селекционер. 16. Кольцов. 17. Виварий. 19. Анкер. 21. Бурка. 23. Искандер. 24. Цистерна. 28. Пистолет. 29. Прелюдия. 32. Цитата. 33. Руднев.

Лунь

В тени лозняка на берегу озера, заросшего камышом, я снимал с крючка десятого окуня, любовался пойманными красноперыми горбачами. Вдруг мое внимание привлек шум: в гуще прибрежных кустов какая-то птица захлопала по воде крыльями. Когда она тревожно закричала, стало ясно, что это утка.

Откуда ни возьмись — седой лунь, гроза болотной дичи. Пернатый разбойник как будто повис в воздухе, вытянул свои длинные когтистые лапы и камнем бросился вниз. Я только видел, как мелькнул его серебристо-серый хвост. Что за чудо? Утка ушла под воду, а огромный хищник сначала взмыл вверх, потом как будто застыл над озером, мелко трепеща крыльями, и вдруг упал недалеко от меня. Это произошло в одно мгновение, однако я успел заметить, как в траву шмыгнул маленький гибкий зверек. Мне показалось, что он висел на горле у птицы.

Я подошел к хищнику. Лунь тяжело разевал свой острый клюв, отрыгая кровавой пеной, и жадно глотал воздух. Его грудь была залита кровью, а на горле, в гуще мягкого пуха, зияла

глубокая рана. Лунь тяжело взмахнул крыльями и беспомощно распластал их. По телу птицы пробежала легкая дрожь; большие круглые глаза помутнели, жизнь в них угасла.

Мне так представилась картина этой маленькой трагедии. Голодная ласка бросилась с берега на молодую утку, которая быстро вырвалась на середину озера. Зверьку ничего не стоило перекусить птичье горло, что он и собирался сделать, но на утку в этот момент напал лунь. Ласка, отличаясь дерзкой смелостью, оставила свою жертву и мертвой хваткой впилась в горло пернатого врага. Вот, пожалуй, и все. Я был даже доволен, что все кончилось именно так. Неоднократно лунь-нахалы на моих глазах хватили диких уток и даже воровали у охотников подстреленную дичь.

А кругом было тихо и мирно. В голубой выси плавали два аиста. Природа жила своей особой, сложной жизнью, как будто ничего не случилось. Да оно и в самом деле так. Это всего-навсего маленькое происшествие на берегу небольшого озера в брянских лесах с поэтическим названием Золотые кольца.

В. СОКОЛОВ

Брянск.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1960 ГОД НА ЖУРНАЛЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПРАВДА»

**КОМУНИСТ
ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ
АГИТАТОР
В ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКОМУ
САМООБРАЗОВАНИЮ
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И
МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ
КОРРЕСПОНДЕНТ
СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ
ОГОНЕК
ОКТАБРЬ
ЗНАМЯ
СМЕНА
НАУКА И ЖИЗНЬ
ПИОНЕР
БИБЛИОТЕКА «КОМСОМОЛЬ-
СКОЙ ПРАВДЫ»**

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ [заместитель главного редактора], Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформление — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05675. Подписано к печати 7/Х 1959 г.

Формат бум. 70×108 $\frac{1}{4}$.

2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.

Тираж 1 500 000. Изд. № 1310. Заказ № 2357.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Кукла «Солнышко» из негритянской сказки.

Китайская сказка «История черепахи».

Пародия «Укротительница львов».

Советские антеры обогатили метод китайских друзей, сделав тени и декорации цветными. Изящество, тонкий вкус, поэтичность, а также щедрый юмор, сатирическая гротесковость — все это многообразие средств художественной выразительности позволяет театру создавать самый разнообразный репертуар.

Недавно Московский теневой театр показал премьеру «Приходи, сказка!» (автор и режиссер — В. Тихвинский). Этот спектакль рассказывает детям японскую, индийскую, китайскую, негритянскую, аргентинскую народные сказки. А взрослым показаны дружеские пародии на известных артистов эстрады, цирка, театра и кино. ...Вы видите здесь, насколько сложный трюк удастся выполнить хищному льву — одному из питомцев Ирины Бугримовой. Никакая дрессировка не дала бы столь головокружительных успехов!..

Б. ПОЮРОВСКИЙ

Фото Дм. Бальтерманца.

«Три толстяка». Девочка Суок.

ВОЛШЕБНЫЕ

Большее года советские куклы — режиссеры С. Свободина и В. Тихвинский, художники Е. Зонненштраль и В. Лосин — создавали спектакль «Три толстяка» по произведению Ю. Олеши, используя интересный и богатый опыт китайского театра теней.

До сих пор у нас в теневом театре куклы «не умели» летать, прыгать, жонглировать, ходить по канату, выполнять сложные трюки на трапеции. Теперь с введением китайского метода кукловодства все это стало достижимо.

Вы видите, как девочка Суок из «Трех толстяков» легко жонглирует цветными шариками. Эта кукла, снабженная специальным механизмом, экспонировалась на выставке СССР в Нью-Йорке. Довольно сложный трюк выполняется очень просто: все части тела плоскостной куклы Суок приводятся в движение обыкновенными палочками, создавая у зрителей иллюзию живой жизни.

Аргентинская сказка «Плешивый попугай».

ТЕНИ

